
Учредитель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Пермский государственный национальный исследовательский университет»

ПОЛИТОЛОГИЯ

2023. Том 17. № 3

Редакционная коллегия

Л. А. Фадеева (гл. редактор), Н. В. Борисова, В. Я. Гельман,
И. В. Мирошниченко, П. В. Панов, В. Н. Руденко,
И. С. Семенов, А. В. Стародубцев, К. А. Сулимов
Ответственный секретарь – Н. М. Беляева

Редакционный совет

Бушар Мишель, профессор, Университет Северной Британской Колумбии (Канада)
Малинова Ольга Юрьевна, д.филос.н., профессор, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)
Морозова Елена Васильевна, д.филос.н., профессор, Кубанский государственный университет
Мацузато Кимитака, профессор, Центр славянских исследований университета Хоккайдо (Япония)
Росс Камерон, профессор, Университет Данди (Великобритания)
Саква Ричард, профессор, Кентский университет (Великобритания)
Сморгунов Леонид Владимирович, д.филос.н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Фадеева Любовь Александровна, д.и.н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет
Филиппов Михаил Георгиевич, профессор, Университет штата Нью-Йорк в Бингемтоне (США)

Выпускающий редактор Н. В. Борисова

© Редакционная коллегия, 2023

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свид. о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-68264 от 27 декабря 2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

История и теория политики

<i>Гиринский А. А.</i> Политический реализм как воплощение христианской политики: концепция Ф. А. Степуна	5
---	---

Политические институты, процессы и технологии

<i>Кирчанов М. В.</i> Историческая политика и мемориальная культура современного венгерского общества	12
<i>Стремоухов Д. А.</i> Конфликты между региональными бизнесменами и главами российских регионов: роль идентичности	21
<i>Турцева К. П.</i> Управление охраной окружающей среды в России: динамика интенсивности экологического регулирования	33
<i>Маркова Ю. С., Исобчук М. В.</i> Цели устойчивого развития в Российской Федерации: многоуровневая политика и конфигурация акторов	45
<i>Гацковская В. А.</i> Общее и особенное в подходах к обеспечению социетальной безопасности как кризисного менеджмента в ЕС и Чешской Республике в период пандемии COVID-19	56
<i>Варфоломеев Е. А.</i> Политическое использование темы голода 1932–1933 гг. в Республике Казахстан: фрейм-анализ публичных выступлений властвующей элиты республики	65

Обзоры и рецензии

<i>Замятин К. Ю.</i> К постановке проблемы изучения языковой политики как публичной политики: Размышления по поводу монографии Н. М. Мухарямова и О. Б. Януш «Языковое устройство российского общества: факторы политической динамики» (Казань, 2022)	75
<i>Панов П. В.</i> Политико-территориальная гетерогенность, конфликты и институциональные решения: состояние и перспективы развития баз данных для количественных исследований	85
К сведению авторов	96

Bulletin of Perm University. Political Science

“**Bulletin of Perm University. Political Science**” is a peer-reviewed academic journal that sees its mission in sustaining a high level of academic discussion, which corresponds with the international political sciences standards. The journal publishes research articles, reviews of current issues in both English and Russian languages, which have not been published previously and are not under consideration for publication elsewhere.

Since 2010 the Bulletin is on The list of leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences should be published (list of Higher Attestation Commission).

The Bulletin is included in the national information and analytical system "Russian Science Citation Index" (RSCI) and is available in the E-library.

Editorial Board

Editor-in-Chief – Lyubov A. Fadeeva, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Members of Editorial Board:

Nadezhda V. Borisova – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Political Science, Perm State University

Vladimir Ya. Gelman – Candidate of Political Sciences, Professor, European University at Saint Petersburg and University of Helsinki

Inna V. Miroshnichenko – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University

Petr V. Panov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Chief Research Fellow, Department of Research on Political Institutions and Processes, Perm Federal Research Center, Ural Branch of RAS

Viktor N. Rudenko – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Academician of the RAS, Director of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS

Irina S. Semenenko – Doctor of Political Sciences, Corresponding Member of the RAS, Deputy Director for Scientific Work, IMEMO RAS

Andrey V. Starodubtsev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science and International Relations, Higher School of Economics – Saint Petersburg

Konstantin A. Sulimov – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Political Science, Perm State University

Executive Secretary – Natalya M. Belyaeva, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Science, Perm State University

Editorial Council

Bouchard Michel (University of Northern British Columbia, Canada)

Malinova Olga (INION of Russian Academy of Science, Higher School of Economics, Russia)

Matsuzato Kimitaka (Slavic Research Center of Hokkaido University, Japan)

Morozova Elena (Kuban State University, Russia)

Ross Cameron (Dundee University, United Kingdom)

Sakwa Richard (Kent University, United Kingdom)

Smorgunov Leonid (Saint Petersburg State University, Russia)

Fadeeva Lyubov (Perm State University, Russia)

Filippov Mikhail (State University of New York at Binghamton, USA)

CONTENT

History and theory of politics

Girinsky A. A. Political realism as the embodiment of christian politics: the concept of F. A. Stepun ... 5

Political institutions, processes, technologies

Kyrchanoff M. W. Historical policy and memorial culture of modern Hungarian society 12

Stremoukhov D. A. The role of identity in elite interactions:
the case of conflicts between regional entrepreneurs and governors in Russia 21

Turceva K. P. Environmental governance in Russia:
dynamics of the intensity of environmental regulation 33

Markova Yu. S., Isobchuk M. V. Sustainable development goals in the Russian Federation:
multilevel politics and constellation of actors 45

Gatskovskaya V. A. Common and specific in approaches to ensuring societal security
as crisis management in the EU and the Czech Republic during the Covid-19 pandemic 56

Varfolomeev E. A. Instrumentalization of the subject of the famine of 1932–1933 in the Republic
of Kazakhstan: frame analysis of public speeches of the republic's leadership 65

Reviews

Zamyatin K. Yu. For statement of the problem of studying language policy as a public policy:
reflections on the monograph of N. M. Mukharyamov and O. B. Yanush "Language device of the
Russian society: factors of political dynamics" (Kazan, 2022) 75

Panov P. V. Political-territorial heterogeneity, conflicts, and institutional solutions:
the state and prospects for the development of databases for quantitative research 85

Information for the authors 100

История и теория политики

УДК: 32

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-3-5-11

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ХРИСТИАНСКОЙ ПОЛИТИКИ: КОНЦЕПЦИЯ Ф. А. СТЕПУНА

А. А. Гиринский

Гиринский Александр Андреевич, кандидат философских наук, младший научный сотрудник, Международная лаборатория исследований русско-европейского интеллектуального диалога, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Москва. E-mail: agirinskiy@gmail.com (ORCID: 0000-0001-9334-431X).

Аннотация

Представлен анализ политико-философских взглядов русского философа и социолога Ф. А. Степуна. Кратко обозначены его взгляды на природу «политического» и основные принципы построения политики в эпоху идеократий и торжества «секулярных утопий». Основой для исследования является статья Степуна «Христианство и политика» (1933), где он провозглашает основные принципы своей политической доктрины. Степун полагает, что реальность западного модерна, в силу своего «отпадения» от христианских основ культуры, сталкивается с угрозой «сакрализации» политического, превращения политики в инструмент радикального исправления человека и улучшения человеческой жизни на секулярных основаниях. Степун полагает данное воззрение опасным, так как оно приводит к увеличению насилия и появлению радикальных утопических идеологий. Взамен Степун предлагает возвращение к принципам «политического реализма», который, с его точки зрения, может быть обоснован и легитимирован только через признание истинности христианской антропологии, в основе которой лежит идея «первородного греха». В исследовании представлена точка зрения, что идея Степуна является органичным продолжением и развитием основной линии русской политической философии, основной задачей которой была «консервативная легитимация» западного проекта модерна, призванная найти необходимые философские инструменты для реабилитации христианских основ культуры в мире «современности».

Ключевые слова: христианство; политическая теология; секуляризация; русская философия; политика; утопия.

Введение

Творчество Ф. А. Степуна является одним из ярких и самодостаточных проявлений русской философии. В своих работах мыслитель последовательно развивает классические для русской философской традиции темы, органично наследует основные способы постановки вопросов и наиболее значимые критические инструменты, обращенные к критике западной философии, связанные с ослаблением влияния на западную интеллектуальную традицию христианства.

В данной работе мы будем исходить из теоретического допущения, что русская философия является актуальной и оригинальной формой критики доминирующей в западном проекте модерна линии, связанной с «критическим» наследием эпохи Просвещения. Русская философская традиция, в момент своего рождения испытывавшая значимое влияние национального романтизма, с самого начала встает к данному явлению в своеобразную интеллектуальную оппозицию. Однако было бы ошибкой полагать, что русская философия является формой отрицания модерна. Основная задача русской философии заключалась в выработке «компенсаторных» (в терминах Г. Люббе и О. Маркварда) интеллектуальных инструментов, призванных «ослабить» наиболее радикальные эмансипаторные стратегии модерна, легитимировать общество модерна через обращение к христианству и религиозно-консервативным корням западной культуры, тем самым способствуя гармонизации общественных отношений и культурных форм (Люббе, 2016; Марквард, 2003). Отдельно необходимо отметить: «со-

временность» принимается русской философией как факт, как неизбежная и «неотменяемая» социальная реальность, задача состоит в таком смысловом наполнении этой реальности, в котором христианская антропология, христианское видение человеческих отношений, истории и политики могли бы сохраняться как «законные» элементы культуры. Данный интеллектуальный проект можно было бы назвать «консервативным модерном» (Межуев, Ремизов, 2021).

Творчество Ф. А. Степуна является одним из наиболее ярких примеров реализации данной интеллектуальной стратегии. В своих работах философ, хорошо знакомый на академическом уровне как с русской, так и с европейской интеллектуальными традициями, причудливым образом соединяет «точность» европейских философских акцентов с традициями русской литературы, философии, литературной критики. Читать Степуна легко, при этом видимая «легкость» не является «поверхностной», в его работах перед нами раскрывается панорама сложных исторических и социальных событий XX в., участником и свидетелем которых он был. Описательность повествования гармонично сочетается с точностью философского и социологического анализа событий. Историк русской философии О. А. Жукова отмечает: «Обладающий даром писателя-стилиста, Степун понял свою задачу быть свидетелем и комментатором эпохи, создавая канон культурной истории России первой половины XX в. для будущих поколений. Каждый акт интерпретации исторических, политических или духовно-культурных явлений, в единстве художественной и философской точки зрения, создавал в его мемуарах целостный “текст” русской культуры». (Жукова, 2018: 257).

Россия и западный секуляризм

Один из наиболее интересных и оригинальных сюжетов философии Степуна – обоснование возможности «консервативного» прочтения модерна. В его работах данная проблема реализуется через конструирование интеллектуальных ходов и интерпретаций, позволяющих увидеть, как возможно сохранение «современности» и возможность в ней подлинно христианской политики. Степун убежден, что без сохранения христианского дискурса западная политика рискует оказаться в тисках «секулярных утопий», которые он предпочитает называть идеократиями. Все идеологии XX в. (либерализм, социализм, фашизм) являются опасными социальными конструктами, так как основаны на представлении о политике как исключительно секулярном, «человеческом» деле. При этом конечные цели политической деятельности «сакрализуются», «божественное», «святое» подменяется «человеческим», что способствует радикализации в выборе политических средств и инструментов, девальвирует те ценности, которые когда-то были заложены европейской культурой в основу проекта Просвещения. Возможно ли сочетание основных просвещенческих принципов с христианским модусом восприятия частной и общественной жизни?

Именно на этот фундаментальный вопрос пытается ответить Степун в своих работах. Более того, именно в решении этого вопроса автор видит призвание России: «Идея и миссия России заключается в том, чтобы стоять на страже религиозно-реальной идеи и всюду и везде, где только можно, вести борьбу против ее идеологических искажений» (Степун, 2010а: 424). Степун полагает, что западная культура, несмотря на развитость интеллектуальной жизни, склонна к «идеологизации» реальности, к ее догматическому упрощению. Во многом это обратная сторона именно доминирования рационально-философского, «интеллектуализирующего дискурса», установившегося на Западе еще в Новое время, а возможно и ранее, еще в эпоху схоластики.

Русская же культура, с точки зрения Степуна, изначально находившаяся по отношению к западному проекту модерна в позиции критика и внешнего наблюдателя, имела возможность сохранить «религиозную», духовную дистанцию по отношению к наиболее радикальным сторонам рационально-философского дискурса. Степун отмечает: «Чем дольше живешь в Европе и чем глубже проникаешь в ее культуру, тем яснее становится, быть может, единственное преимущество русского человека: его первичность и настоящность». (Степун, 2010а: 425). И далее: «Вся культура Запада – культура обратного пути: не первичного восхождения идеи к жизни, а вторичного нисхождения идеологии к жизни. Этим стилем западноевропейской культуры, связанным, быть может, с ее зрелостью и древностью, и объясняется некоторая ненастоящность высококачественной западноевропейской души...» (Степун, 2010а: 425).

Степун отмечает, что, несмотря на то, что Россия заражена большевизмом, после освобождения от него, в чем мыслитель не сомневался, она должна будет способствовать восстановлению общеевропейского христианского движения. Задача России – используя трагический опыт «изживания» радикальной модернистской утопии большевизма, заново обратить внимание Запада на важность и

значимость сохранения общих, христианских основ европейской культуры. Степун настаивает, что выход из ситуации может состоять только в «углублении христианской памяти европейской культуры, в творческом оживлении ее христианских корней. На этих путях Россия, попавшая в такой страшный тупик безбожной выдумки и отвлеченного идеологизма, и может, и должна еще сказать свое слово» (Степун, 2010а: 426–427). Таким образом, после освобождения России от большевизма страшный опыт попытки реализации утопии будет, как ни странно, главным преимуществом России. Однако для преодоления опыта необходима не только политическая трансформация режима, но и интеллектуальное осмысление случившегося.

Конечно, полагает Степун, недостаточно лишь провозгласить лозунг «христианизации» западного модерна, необходимо хотя бы в общих чертах обрисовать, на каких принципах и через какие механизмы возможно это обновление. Данную задачу Степун пытается решить в статье «Христианство и политика» (1933), где ставит своей целью показать, какой может быть политическая позиция христианина в мире модерна, какими ценностями она может быть конституирована, какого рода политике она должна служить, какие ценности должны быть ее проводниками.

Христианская политика и идея первородного греха

Степун начинает свое повествование с краткого рассказа о том, в каких институциональных отношениях с государством исторически находились различные христианские конфессии. Однако Степун полагает, что никакие исторически обусловленные различия в этих отношениях не дают нам никаких оснований для того, чтобы сделать вывод о том, какой должна быть христианская политика. Это невозможно потому, что в основе «христианской политики» заложено трагическое противоречие: ведь как возможно участие христианина в деятельности, которое ставит своей целью восприятие людей как врагов? В данном случае Степун ссылается на знаменитую концепцию «политического» Карла Шмитта (Шмитт, 2016а; Шмитт, 2016b), отдавая ей дань уважения. Степун полагает, что Шмитт абсолютно верно «разгадал основной закон политической жизни», однако, не будучи христианским мыслителем, отказался сделать последний шаг. Шаг этот заключается в исключительном признании политики как «греховного дела», смысл и сущность которого состоят в борьбе и, более того, в крайнем случае, уничтожении противника.

Однако не означает ли это, что христианин по определению должен быть аполитичен? Степун полагает, что в этом заключается антиномичность христианского отношения к политике. Высокомерное отрицание важности политической жизни, подчеркивание «грешности» данной деятельности является всего лишь грехом гордыни. Христианин не имеет права отречься от политики, но и не имеет права оправдывать те действия, которые приходится совершать для достижения политических целей. Степун отмечает: «Много грехов разрушают мир, но нет более разрушительного греха, как грех неверия в грех, то есть грех убежденности в своей праведности» (Степун, 2010b: 403).

Главной проблемой политики в секулярном обществе Степун считает исчезновение представления о первородном грехе и изначальной испорченности человеческой природы. В основе христианской же политики лежит именно представление о неизбежности зла, так как избавление от него в «посюстороннем» мире невозможно. Именно «забвение» принципа первородной греховности человека, с точки зрения Степуна, лежит в основе современных «секулярных утопий», представлений о политике как средстве избавления от земных бед и невзгод. Следствием этого является имплицитная «сакрализация» политического. По Степуну, отрицание первородного греха – основа современной секулярной «политической теологии» (Соловьев, 2022; Яркеев, 2022).

Забвение этой важнейшей христианской догмы является одной из негативных черт современного секуляризма. Большевизм, с точки зрения Степуна, в этом отношении воплощает наиболее радикальные тенденции этого просвещенческого мировоззрения. Вместо идеи первородного греха большевики предлагают концепцию «классовой ответственности», в которой человек виноват не тем, что он грешное существо (что одновременно роднит его со всеми остальными людьми и способствует осознанию общей ответственности), а тем, что принадлежит к определенной социальной группе. Так, отмечает Степун, «просвещенчески-атеистический гуманизм возвращается к своим религиозным истокам и отравляет их явным сатанизмом» (Степун, 2010b: 404). Логические и политические следствия такой идеи просты: для избавления человечества от зла необходима радикальная социальная трансформация, а вина человека вместо метафизически-религиозной становится политически конкретной. Именно это и обуславливает репрессивный, человеконенавистнический характер большевистского режима.

В христианстве идея первородного греха служит прямо противоположной задаче: идее объединения человечества на почве понимания и осознания собственной слабости, ограниченности. Христиане – это, в первую очередь, люди, объединенные ощущением собственной неизбежной виновности и греховности, а стало быть, необходимостью заботы о ближнем, которая напрямую вытекает из этого принципа. Степун фиксирует это различие точной формулой: «...в то время как христианин в осознании своего греха обретает свое бытие, большевик в сознании своей праведности лишает других жизни» (Степун, 2010b: 404).

Стоит отметить, что диалектика понимания зла и его природы является одним из основных сюжетов русской философии. На это обращает внимание философ и литературовед В. К. Кантор: «Одной из центральных проблем русской мысли прошлого и начала нынешнего веков была проблема влияния среды: виновато ли общество в зле человеческих отношений, как, скажем, полагал Руссо, или зло коренится в самом человеке» (Кантор, 2012: 293). В. К. Кантор отмечает, что в XX в. западная мысль оказалась бессильной перед лицом наступающего зла, которое искусно притворялось тем, что призвано это зло победить, но на деле творило зло гораздо большее. Именно русская философия в этой ситуации оказалась той интеллектуальной традицией, которая диагностировала кризис и его причины наиболее ясно и отчетливо. Во многом это было связано с тем, что победа большевизма наиболее ясно обозначила те проблемы, которые на Западе тогда еще не воспринимались со всей серьезностью. В. К. Кантор отмечает: «Россия переживала этот опыт вместе с европейскими странами, не будучи страной изолированной. В ней в силу ряда обстоятельств сошлись все противоречия европейского развития, усугубленные собственной историей» (Кантор, 2012: 301).

Однако вернемся к рассуждениям Степуна. Если от зла в политике в силу ее антагонистической основы невозможно избавиться, что необходимо делать христианину? Степун утверждает: выход может быть только в том, чтобы не дать совершить это зло тем, кто не считает его таковым, кто забыл о собственной греховности и кто считает зло исторически необходимым путем для достижения всеобщего добра и справедливости, то есть реализации «секулярной утопии». «Все нормы христианской политики сводятся таким образом к заботе о том, чтобы по возможности все зло, которое действительно неизбежно в политической сфере, творилось бы христианскими руками и бралось бы христианами на свою ответственность и совесть, то есть превращалось бы из бесчеловечного зла в человеческий грех» (Степун, 2010b: 407).

Таким образом, главная проблема секулярной политики не в том, что она творит зло, а в том, что она отказывается называть его злом, предпочитая оправдывать совершаемые действия благими целями, достижимыми в «посюсторонней» реальности. Главная моральная дилемма политического секуляризма, стало быть, состоит именно в отрицании греха как метафизической и моральной константы человеческого бытия и основы христианской антропологии. Христианская политика, в таком понимании, призвана не избавить политику от зла, это невозможно, а вернуть в политику христианское осознание зла как человеческого греха, который является трагической основой человеческого бытия.

Степун верит, что возвращение в политику такого понимания радикально изменит перспективы реализации «секулярных утопий», вернет человечество к реализации принципов «христианского реализма», консервативному прочтению западного модерна, в котором политика не является средством радикального улучшения человеческой жизни. Иными словами, радикально сократит экспансию политического во все новые сферы жизни и, соответственно, превращение социальной реальности в постоянную борьбу «всех против всех». Степун отмечает: «... мир может “замириться” только в том случае, если защитники идей XIX в. – свободы, равенства, права, прогресса, разума – осознают свое поражение как следствие ими же самими совершенного предательства той христианской истины, из которой выросли все их отдельные верования...» (Степун, 2010b: 419).

Утопия и свойственная ей радикальная политика опасны именно своим отрицанием неизбежной природы зла в человеке и надеждой на то, что избавление от него является посильным человеческим делом, проектом, направленным на радикальное «пересотворение» человека. В. К. Кантор отмечает: «Дело в том, что попытка построить новый, идеальный мир наталкивается на реальное препятствие – существующий нынешний, по мнению утопистов, несовершенный мир. Утопия, переведенная из мечты в практику, наталкивается на необходимость “расчистить место”, чтобы построить “новый мир”, а для этого необходимо уничтожить полностью мир прежний...» (Кантор, 2012: 305).

Христианская политика и политический реализм

В последней части статьи Степун отмечает, что идея «христианской политики» органично встроена в русскую философскую традицию. Русская философия, с его точки зрения, никогда не сториалась социальных и политических вопросов, более того, придавала им большее значение, чем вопросам онтологии или гносеологии. «Религиозность» русской философии часто превращалась именно в обоснование того, как может быть устроена современная политика, если в ее основе будут лежать христианские ценности и смыслы. Степун отмечает: «Достоевский приходит к православию через социализм и ссылку. Толстой к своему анархо-православию – через православие и Евангелие. Соловьев десять лет своей недолгой творческой жизни отдает публицистической борьбе, все время откладывая разработку богословских и метафизических задач...» (Степун, 2010b: 411).

При этом необходимо отметить, что русская философия так и не создала никакой целостной политической, партийной программы, и в этом Степун видит закономерность. Христианская политика не может быть «партийной», так как в таком случае она бы неизбежно превращалась в «идеологию». Однако именно борьба против идеологизации и является смыслом «христианской политики». «В этом безразличии и даже во враждебности к программности кроется главная целительная сила христианской политики, ее полная несовместимость с тем духом доктринаризма и утопизма, который губит современную общественно-политическую жизнь» (Степун, 2010b: 413).

Степун прямо говорит о том, что «христианская политика» может быть политикой «реализма», в которой любая идеологическая составляющая является вторичной по отношению к главным христианским принципам. Решение того, какой строй или политический режим лучше, какая экономическая система эффективнее, для христианина должно зависеть только от того, что в данной «конкретной» ситуации лучше. Необходимо учитывать историко-культурную специфику ситуации и то, насколько воплощение той или иной политической формы может способствовать раскрытию христианского идеала общественности, естественно, никогда полностью недостижимого (Загирняк, 2015).

Стоит отметить, что интерпретация «христианской политики» в духе «политического реализма» является достаточно популярной темой в исследованиях истории и теории международных отношений. Здесь стоит вспомнить теорию протестантского богослова Р. Нибура (Niebuhr, 1933), который считается одним из главных, наряду с Г. Моргентау, теоретиков реализма в международных отношениях (Morgenthau, 1948). В то же время важен тот факт, что Р. Нибур, так же как и Степун, исходит из первичности идеи первородного греха в качестве построения своей своеобразной христианской антропологии и, как следствие, обоснования реализма. Сравнение теорий Степуна и Нибура может быть интересным направлением в дальнейших исследованиях политического реализма.

Выводы

В данном исследовании был осуществлен анализ основных идей и позиций, которые обуславливают отношение Ф. А. Степуна к сфере «политического». В целом соглашаясь с позицией К. Шмитта о том, что «политическое» описывается через дихотомию «друг – враг» и не может избавить от этого сущностного антагонизма, русский мыслитель полагает, что христианская политика должна заключаться в последовательном воплощении принципов политического реализма.

Основная ценность политического реализма заключается, с нашей точки зрения, в «консервативном» прочтении основ западного модерна и связанного с ним политического проекта, основанного на принципе «сакрализации» политики, который является обратной стороной секуляризации культуры. Восстановление баланса, с точки зрения Степуна, способного уберечь западную цивилизацию от «сползания» в постоянную борьбу политических утопий и эмансипаторных политических проектов, возможно только через восстановление христианского модуса восприятия человека, основ христианской антропологии, ключевой идеей которой является идея «первородного греха».

Рассмотрение русской политической философии в качестве целостного интеллектуального проекта, легитимирующего основные принципы политического реализма, с нашей точки зрения, является перспективным направлением дальнейших теоретических историко-философских и политологических исследований в данной области.

Финансовая поддержка

Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Список литературы / References

- Жукова, О. А. (2018) 'Россия и Революция: философия и социология русской культуры Ф. А. Степуна', *Социологическое обозрение*, 17(2), сс. 242–261. DOI: 10.17323/1728-192X-2018-2-242-261. [Zhukova, O. A. (2018) 'Russia and Revolution: Philosophy and Sociology of Russian Culture F.A. Stepuna' [Rossiya i Revolyuciya: filosofiya i sociologiya russkoj kul'tury] F.A. Stepuna], *Sociologicheskoe obozrenie*, 17(2), pp. 242–261. (In Russ.).]
- Загирняк, М. Ю. (2015) 'Социальное христианство в философии истории Ф. А. Степуна', *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*, 6, сс. 36–46. [Zagirnyak, M. Yu. (2015) 'Social Christianity in the Philosophy of History F. A. Stepun' [Social'noe christianstvo v filosofii istorii F.A. Stepuna], *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*, 6, pp. 36–46. (In Russ.).]
- Кантор, В. К. (2012) 'Принцип «христианского реализма», или Против утопического своеволия («Свет во тьме» – духовное завещание С. Л. Франка)', в: *Семен Людвигович Франк / под общ. ред.: В. Н. Порус*. Москва, РОССПЭН, сс. 287–314. [Kantor, V. K. (2012) 'The principle of 'Christian realism', or Against utopian willfulness ('Light in the Darkness' – S. L. Frank's spiritual testament)' [Princip «christianskogo realizma», ili Protiv utopicheskogo svoevolija («Svet vo t'me» – duchovnoe zaveshhanie S.L. Franka)] in: *Semen Lyudvigovich Frank / pod obshh. red.: V. N. Porus*. Moscow, ROSSPEN, pp. 287–314. (In Russ.).]
- Люббе, Г. (2016) *В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем*. Москва.: Издательский дом Высшей школы экономики, 456 с. [Lyubbe, G. (2016) *Keep up with the times. Shortened stay in the present* [V nogu so vremenem. Sokrashhennoe prebyvanie v nastoyashhem]. Moscow: Izdatel'skij dom Vy'sshej shkoly' e'konomiki, 456 p. (In Russ.).]
- Марквард, О. (2003) 'Эпоха чуждости миру', *Отечественные записки*, 6 [электронное издание]. URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2003/6/epoha-chuzhdosti-miru.html> (дата обращения: 13.04.2023).
- [Markvard, O. (2003) 'The era of foreignness to the world' [Epoha chuzhdosti miru], *Otechestvenny'e zapiski*, 6. [online]. Available at: URL: <https://magazines.gorky.media/oz/2003/6/epoha-chuzhdosti-miru.html> (Accessed: 13.04.2023) (In Russ.).]
- Межуев, Б. В., Ремизов, М. А. (2021) 'Консерватизм и вызов для интеллектуального класса. Викторианский проект для России', *Тетради по консерватизму*, 4, сс. 36–46. [Mezhuev, B. V., Remizov, M. A. (2021) 'Conservatism and a challenge for the intellectual class. Victorian project for Russia' [Konservativizm i vy'zov dlya intellektual'nogo klassa. Viktorianskij proekt dlya Rossii], *Tetradi po konservativizmu*, 4, pp. 36–46. (In Russ.).]
- Соловьев, А. П. (2022) 'Секулярное как политическая теология в русской религиозной философии первой половины XX века', *Вестник ПСТГУ. Богословие. Философия. Религиоведение*, Вып. 101, сс. 57–81. [Solov'ev, A. P. (2022) 'Secular as Political Theology in Russian Religious Philosophy in the First Half of the 20th Century' [Sekulyarnoe kak politicheskaya teologiya v russkoj religioznoj filosofii pervoj poloviny' XX veka], *Vestnik PSTGU. Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*, Vyp. 101, pp. 57–81. (In Russ.).]
- Степун, Ф. А. (2010) 'Идея России и форма ее раскрытия', в: Степун, Ф. А. (2010) *Избранное*. Москва: Российская политическая энциклопедия, сс. 423–433. [Stepun, F. A. (2010) 'The idea of Russia and the form of its disclosure' [Ideya Rossii i forma ee raskry'tiya], in: Stepun, F. A. (2010) *Izbrannoe*. Moscow: Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya, pp. 423–433. (In Russ.).]
- Степун, Ф. А. (2010) 'Христианство и политика', в: Степун, Ф. А. (2010) *Избранное*. Москва: Российская политическая энциклопедия, сс. 388–422. [Stepun, F. A. (2010) 'Christianity and Politics' [Christianstvo i politika], in: Stepun, F. A. (2010) *Izbrannoe*. Moscow: Rossijskaya politicheskaya e'nciklopediya, pp. 388–422. (In Russ.).]
- Шмитт, К. (2016) 'Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете', в: Шмитт, К. *Понятие политического*.

- Санкт-Петербург: Наука, сс. 5–59. [Shmitt, K. (2016) 'Political Theology. Four chapters on the doctrine of reign-ty' [Politicheskaya teologiya. Chety're glav' k ucheniyu o suverenitete] in: Shmitt, K. *Ponyatie politicheskogo*. SPb: Nauka, pp. 5–59. (In Russ.)].
- ШМИТТ, К. (2016) *Понятие политического*. Санкт-Петербург: Наука, 568 с. [Shmitt, K. (2016) *The concept of the political* [Ponyatie politicheskogo]. SPb: Nauka, 568 p. (In Russ.)].
- Яркеев, А. В. (2022) 'Политическая теология: генезис концепта', *Вестник Пермского университета. Политология*, 16(2), сс. 5–13. [Yarkeev, A. V. (2022) 'Political theology: the genesis of the concept' [Politicheskaya teologiya: genezis koncepta], *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, 16 (2), pp. 5–13. (In Russ.)].
- Morgenthau, H. (1948) *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. NY: Alfred A. Knopf.
- Niebuhr, R. (1933) *Moral Man and Immoral Society*. NY: Charles Scribner's Sons.

Статья поступила в редакцию: 23.04.2023

Статья принята к печати: 21.06.2023

POLITICAL REALISM AS THE EMBODIMENT OF CHRISTIAN POLITICS: THE CONCEPT OF F.A. STEPUN

A. A. Girinsky

A. A. Girinsky, PhD in Philosophy, Junior Research Fellow, International Laboratory for Research on Russian-European Intellectual Dialogue, National Research University Higher School of Economics, Russia, Moscow.
E-mail: agirinskiy@gmail.com (ORCID: 0000-0001-9334-431X).

Abstract

This article analyzes the political and philosophical views of the Russian philosopher and sociologist F.A. Stepun. The study briefly outlines his views on the nature of politics, as well as the basic principles of building it in the era of ideocracies and the triumph of "secular utopias". Stepun's article "Christianity and Politics" (1933), where he proclaims the basic principles of his political doctrine, forms the basis for this study. Stepun argues that Western modernity, due to its abandonment of Christian cultural foundations, is at risk of "sacralization" of the political, turning politics into a tool for radical correction of human life on secular grounds. Stepun believes this view is dangerous, as it leads to an increase in violence and the emergence of radical utopian ideologies. Instead, Stepun proposes a return to the principles of "political realism". The study presents the point of view that Stepun's idea is an organic continuation and development of the main line of Russian political philosophy. Its main objective used to be the "conservative legitimization" of the Western project of modernity, designed to find the necessary philosophical tools for the rehabilitation of the Christian foundations of culture in the world of "modernity".

Keywords: Christianity; political theology; secularization; Russian philosophy; politics; utopia.

Acknowledgments: The article was prepared as part of the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics.

Политические институты, процессы и технологии

УДК: 323

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-3-12-20

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И МЕМОРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО ВЕНГЕРСКОГО ОБЩЕСТВА

М. В. Кирчанов

Кирчанов Максим Валерьевич, доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран, факультет международных отношений;

доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения, исторический факультет, Воронежский государственный университет, Россия.

E-mail: maksymkirchanoff@gmail.com (ORCID: 0000-0003-3819-3103. Researcher ID: B-8694-2017).

Аннотация

Целью исследования является анализ актуальной политики памяти в современной Венгрии в начале 2020-х гг. Автор анализирует роль и место интеллектуальных сообществ как основных пространств генезиса памяти и функционирования мемориальной культуры и коллективной исторической памяти в современной общественной и политической мысли Венгрии. Новизна исследования заключается в изучении актуального (современного) этапа в развитии исторической политики венгерского общества в контексте объективного дефицита междисциплинарных исследований, сфокусированных на анализе мемориальных культур. Показано, что: 1) интеллектуальное сообщество как один из системных сегментов современного венгерского общества вносит значительный вклад в развитие и трансформацию мемориальной культуры, 2) спектр мемориальных практик венгерских интеллектуалов как агентов политики исторической памяти и форматоров различных версий мемориальной культуры варьируется от исторического ревизионизма до попыток формирования либерального мемориального канона, 3) мемориальные практики современного интеллектуального сообщества взаимосвязаны с развитием националистического дискурса, представленного этническим и гражданским национализмом, 4) участие интеллектуалов в мемориальной политике актуализирует политическую и идеологическую гетерогенность современного венгерского общества, содействуя параллельному соразвитию и конкуренции различных форм исторической памяти, стимулируя мемориальные конфронтации и войны памяти. Предполагается, что роль общества в исторической политике современной Венгрии будет возрастать, а интеллектуалы и активисты памяти будут оставаться среди основных активных участников мемориальной политики.

Ключевые слова: Венгрия; коллективная память; национализм; интеллектуалы; историческая политика; войны памяти; культура памяти.

Введение

Начиная с конца XVIII в. национальное государство стало универсальной формой политической организации западного общества. Государство-нация возникло в результате развития идеологии национализма, который на протяжении XIX–XX вв. развивался одновременно как политический или гражданский, существуя также в радикальной этнической форме. В результате большинство европейских государств на современном этапе развития являются национальными или претендуют на статус таковых. Актуальное развитие национальных государств не представляется возможным без активного обращения со стороны правящих политических элит к символическому ресурсу истории.

Прошлое благодаря деятельности нескольких поколений националистически ориентированных интеллектуалов и профессиональных историков превратилось в национальные истории, которые на современном этапе существуют в форме больших нарративов и воспроизводятся при помощи системы среднего и высшего образования. Именно национальная история, точнее, ее стандартизированная версия лежит в основе такого явления, как историческая память. Историческая память активно

используется правящими политическими элитами для решения различных задач. Спектр манипуляций и действий со стороны элит в отношении прошлого в научной литературе известен как историческая политика или политика памяти. Большинство европейских стран на современном этапе не могут не использовать символический ресурс прошлого, оформленный в механизмах исторической или мемориальной политики. Ввиду этого практически все правящие элиты в современной Европе прибегают к применению исторической политики.

Целью статьи является анализ исторической политики в Венгрии в начале 2020-х гг. В число задач автора входит: 1) выявление основных тематических направлений венгерской исторической политики, 2) выделение особенностей политики памяти в современной Венгрии в контексте развития политических идеологий, в первую очередь – национализма, 3) выяснение тенденций и перспектив развития венгерской политики памяти в ближайшей хронологической перспективе.

Политика памяти в Венгрии: системные особенности

Что касается венгерской политики памяти, то она отличается значительными особенностями.

Венгерская политика памяти, подобно другим историческим политикам в Центральной и Восточной Европе, в значительной степени подвержена влиянию различных идеологий. Ввиду этого идеологизация манипуляции с прошлым в политических целях стала фактически общей родовой особенностью мемориальной культуры в большинстве стран современного мира, включая Венгрию. Венгерская историческая политика испытывает влияние со стороны идеологии как этнического, так и гражданского венгерского национализма. В отличие от других стран Центральной и Восточной Европы, венгерская политика памяти не обладает столь значительным уровнем институционализации и формализации, который, например, характерен для Польши, Словакии, Украины и в меньшей степени прибалтийских государств.

Таким образом, в Венгрии отсутствуют специализированные институты национальной памяти, призванные определять как возможные, так и нежелательные спектры и векторы интерпретации национальной истории, что самым существенным образом влияет на развитие исторической памяти. Отсутствие таких формально институционализированных акторов вовсе не означает того, что в рамках венгерской мемориальной культуры отсутствуют институциональные игроки. В качестве таковых могут выступать разного рода общественные организации, исторические общества, а также музеи, которые вносят определенный вклад в развитие исторической политики. Последний, правда, практически несопоставим с аналогичным влиянием формализованных институтов памяти, существующих в других странах Европы.

Венгерская политика памяти подвержена не только значительной фрагментации, но и является источником идеологических противоречий и политических конфронтаций. В венгерском обществе историческая политика актуализирует свой конфликтогенный потенциал, стимулируя как войны памяти, так и разного рода мемориальные конфронтации как на внутреннем, национальном, так и на внешнем, международном уровне. На национальном уровне границы памяти проходят по линии интерпретации важнейших событий истории Венгрии XX в., включая опыт авторитаризма и левоориентированной диктатуры второй половины XX столетия. Что касается внешнего уровня мемориальной политики Венгрии, то в данном случае основные противоречия связаны с различными взглядами на одни и те же исторические события в рамках венгерской национальной памяти в сопоставлении с коллективной памятью соседних государств.

Методология и историография

В методологическом плане представленная статья основана на принципах, предложенных в современной междисциплинарной историографии мемориальной культуры и исторической политики (Wang, 2017). В актуальной научной литературе относительно исторической политики предложено несколько подходов к интерпретации и объяснению как феномена коллективной исторической памяти, так и ее практико-ориентированного инструменталистского использования правящими политическими элитами. Первый подход представлен дискурсивно-нарративным анализом, в рамках которого политика памяти анализируется путем конструкции, деконструкции, пересмотра и ревизии разного рода нарративных конструкций (Bernhard, Kubik, 2014), доминирующих в академической историографии или в массовой культуре памяти современного общества. Второй подход представлен визуальными исследованиями (Whelan, Moore, 2006), в рамках которых историческая политика описыва-

ется, объясняется, интерпретируется и анализируется через призму визуальности, то есть путем анализа того, как и каким образом различные представления о прошлом материализуются в современной визуальной культуре общества потребления (Huysse, 2003). Что касается венгерской политики исторической памяти (Gyáni, 2020), то ее анализ представляется целесообразным путем привлечения различных методологических подходов к изучению мемориальной культуры (Benziger, 2008) как комплексного и гетерогенного явления.

История венгерского национализма как объект политики памяти

Современная венгерская мемориальная культура основана на синтезе различных нарративов, описывающих исторический опыт венгров от Средневековья до современности. Принимая во внимание то, что мемориальная культура как производная от исторической политики оперирует преимущественно категориями и образами, необходимыми как для легитимации, так и для политической мобилизации, нужно отметить, что агенты политики памяти апеллируют преимущественно к тем событиям национальной истории, которые, по их мнению, утилитарны в контексте решения задач, стоящих перед правящими элитами.

В сложившейся ситуации становится заметна неформальная иерархия значимости событий венгерской истории для современной политики памяти. Средневековые нарративы на современном этапе развития общества в значительной степени утратили свой мобилизационный потенциал, исчерпав его в XIX в., когда усилиями националистов конструировались «большие нарративы», необходимые для написания венгерской истории как национальной. По мнению современных экспертов, «события 1848–1849 гг. действительно стали историей, не являясь предметом ежедневных политических дебатов» (Hermann, 2022). Тем не менее они используются в случае необходимости актуализировать в общественных пространствах континуитет венгерской государственности и непрерывность пребывания венгров на территории Центральной Европы.

В этом случае политика памяти реализуется не общественными активистами, а государственными институтами, особую роль среди которых играют музеи. Например, в 2022 г. Венгерский национальный архив выступил инициатором проведения выставки «Память нации – веки венгерской истории». Выставка стала элементом именно исторической политики, так как была направлена на большую актуализацию и визуализацию в публичных пространствах не исторического знания, но политически и идеологически мотивированного видения истории, редуцированной до «тысячелетия существования венгерской государственности» (A nemzet emlékezete..., 2022). Подобное использование истории в современном обществе отличается утилитарным характером и призвано стимулировать сохранение коллективной памяти.

Последняя в рамках исторической политики, как правило, оперирует нарративами, хотя некоторые современные венгерские профессиональные историки, в целом констатируя неизбежность политики памяти, все-таки подчеркивают, что «нарративы нельзя отделять от фактов» (Tóth-Szenesi, 2023). Тем не менее подобное восприятие в современном обществе практически не играет роли, так как академическая историография оказывается менее конкурентоспособной в сравнении с агентами исторической политики, которые монополизировали как формирование коллективной памяти, так и ее визуализацию в публичных и общественных пространствах.

Образы новой истории, связанные с ростом венгерского национализма на протяжении XIX и XX вв., сохраняют свое значение для политики памяти, но оно ситуативно, а обращение к мотивам национальной истории указанного периода в венгерской исторической политике носит ситуативный и конъюнктурный характер. Наибольшее значение для современной мемориальной культуры имеют образы новейшей истории, связанные с развитием венгерского государства, его участием во Второй мировой войне, а также местом национализма и коммунизма в коллективной памяти венгров. Наличие подобной неформальной иерархии указывает существенное влияние на развитие исторической политики, что проявляется в актуализации и визуализации памяти в публичных и общественных пространствах современной Венгрии.

Несмотря на то, что современное венгерское общество от периода национального возрождения и активизации национализма хронологически отделено более чем столетним периодом, образы, связанные с активностью националистически мыслящих интеллектуалов, периодически актуализируются в исторической памяти. В этом контексте в современной исторической памяти визуализируется фигура Виктора Мадараса – «деятеля века романтизма и национального возрождения» (Raág, 2021), внесшего вклад в «укрепление идентичности, то, что тогда было важно в случае малых наций».

Фигура В. Мадараса в современной мемориальной культуре Венгрии важна тем, что именно он «всегда оставался верным 48-му, его картины увековечивали память трагически несостоявшихся деятелей венгерской истории, поддерживая патриотизм в самодержавной атмосфере 1850-х гг.» (Paár, 2021). Мате Миллиситс, венгерский эксперт, комментируя особенности развития мемориальной культуры, подчеркивает, что «в тяжелые периоды истории по-разному жила память о знаменитых героях славной эпохи» (Millisits, 2021), что связано с устремлениями венгров к независимости в середине XIX в.

Современными активистами исторической политики, таким образом, признается, что сама культура памяти о 1848 г. претерпела значительные изменения, завися от политической и идеологической конъюнктуры. Историческая память в этом контексте используется для сохранения нарратива о «борьбе за свободу в венгерском национальном историческом сознании» (Litván, n.d.), что локализует действия агентов исторической политики в поле гражданского национализма. Кроме этого, актуализация памяти о национализме XIX в. в современной венгерской исторической политике носит почти исключительно ситуативный и юбилейный характер, будучи связанной с визуализацией памяти о национальном движении в публичных пространствах. Правда, следует признать, что последние, как правило, ограничиваются музеями (Petőfi emlékezete..., 2023), хотя в 2023 г. наследие венгерского национализма XIX в. вновь стало более актуальным в исторической политике, так как страна отметила 200-летие национального гимна (Bukovszki, 2023). В этом контексте, вероятно, уместно констатировать сужение пространства памяти о XIX столетии в современной мемориальной культуре. Такой героический нарратив представляет умеренную версию современной исторической политики Венгрии.

Политика памяти: ревизионизм и универсальность национализма

На противоположном полюсе пребывают активисты памяти, которые склонны формулировать политически спорные вопросы, затрагивающие основы венгерской мемориальной культуры. Отношения интеллектуалов и элит могут отличаться разнообразием, но, по мнению украинской исследовательницы И. Колесник, «историк всегда находится в силовом поле политики и власти. Одни историки сознательно обслуживают потребности власти, как официальные историографы правителей, династий, стран, даже выступают архитекторами новых государств. Другие не демонстрируют открыто свои политические предпочтения и взгляды. Некоторые сознательно отстраняются от власти и государственных институтов, ведь настоящий интеллектуал всегда находится в оппозиции к власти и существующему режиму» (Колесник, 2017: 9).

Диапазон стратегий поведения не ограничивается только этими моделями. В случае миграции истории из сферы академической историографии в пространства мемориальной политики, историки актуализируют свою роль ревизионистов. Среди таких активистов памяти, периодически пытающихся подвергнуть ревизии основы мемориального канона, особое место занимают историк К. Унгвари и Сал Эндре. В одном из интервью 2023 г., приуроченном к футбольному матчу между венгерской и словацкой командами, К. Унгвари сформулировал ряд провокационных вопросов, имеющих отношение как к исторической памяти, так и к ее политически мотивированному применению элитами.

Сал Эндре более радикален, полагая, что венгерская историческая память основана на «чрезвычайно вредных канонах», укоренившихся в национальной идентичности. В качестве системного атрибута мемориальной культуры им определяется «скука и однообразие», а само отношение венгров к собственной истории и коллективной памяти – как амнезия со стороны «неблагодарного потомства» (Juhász Dósa, 2021). С одной стороны, мемориальная культура не удовлетворяет радикальных интеллектуалов, включая С. Эндре, которые стремятся к актуализации персонального и человеческого измерения в исторической памяти. С другой – К. Унгвари не только предложил задуматься о том, что «Если карта Великой Венгрии не несет политического посыла, то что она несет?» и «Если некоторые думают, что историческая память не имеет смысла, то была ли Великая Венгрия политическим продуктом или нет?» (Tóth-Szenesi, 2023), но и указал на важность пересмотра в сложившейся памяти истории отношений венгров с соседями.

Татарский историк Д. Усманова полагает, что «при написании национальной истории неизбежно доминирует своеобразный этноцентризм» (Усманова, 2003: 337). Опыт стран Центральной Европы свидетельствует, что универсальность такого национализма сохранилась и после написания истории, успехов национальной историографии, что связано с перемещением прошлого в плоскость политических манипуляций, известных как политика памяти, так как оно перестало быть достоинством исторической науки, став объектом интереса идеологически ангажированных интерпретаторов.

В этом отношении историческая политика пересекается с национализмом, так как актуализирует в мемориальной культуре коллективную травму «конца исторической Венгрии и разделения страны» (A nemzet..., 2020). Комментируя роль подобных интеллектуалов, немецкий историк С. Цвиклински напоминает, что их «заклучения не могут поколебать силу официального дискурса» (Цвиклински, 2003: 364), но следует признать вклад таких авторов в усиление адаптивного потенциала мемориальной культуры, если последняя апеллирует к принципам этноцентризма, чем и характеризуется венгерская историческая память.

Мемориальность как политическая традиция современной Венгрии изобретается и контролируется не ревизионистами типа К. Унгвари, а сторонниками этноцентризма, которые дедуцируют венгерскую историческую память почти исключительно до «памяти о Трианоне». В этой ситуации коллективная память актуализирует свой селективный характер. По мнению немецкой исследовательницы Ю. Шеррер, в подобных обществах «история выполняла терапевтическую функцию. Обсуждались только те аспекты прошлого, которые казались полезными для нации» (Шеррер, 2009: 101). В случае Венгрии подобная «польза» может выстраиваться в националистической системе координат. Артур Кёё, один из носителей мемориальной культуры в ее националистической версии, склонен редуцировать память до венгерской этничности, настаивая, что «пока мы говорим по-венгерски, ничего не потеряно» (Trianon emlékezete..., 2022).

Другой сторонник подобного видения национальной памяти Рудольф Кракко и вовсе утверждает нелегитимность Трианонского договора, так как «искусственных государственных образований, созданных на основе диктата, Советского Союза, Чехословакии и Югославии, давно уже нет» (Trianon emlékezete..., 2022). В свою очередь К. Унгвари в 2023 г. признает конфронтационный характер венгерской мемориальной культуры, так как политическое послание карты «Великой Венгрии» в современной коллективной памяти прочитывается через призму ностальгии, так как «тогда было хорошо, поэтому нам нравится это помнить» (Tóth-Szenesi, 2023). Венгрия до завершения Первой мировой войны в исторической памяти наделяется почти исключительно позитивными характеристиками. Последствия войны и сокращение территорий в политике памяти воспринимаются как национальная трагедия, что стимулирует «войны памяти» венгерских активистов исторической политики с альтернативными, например румынскими, версиями истории (Csere, 2021a), что содействует функционированию румын в венгерской идентичности как универсальных «других» (Csere, 2021b).

Историческая память как травма: опыт коммунизма в мемориальной культуре

Подобная стратегия развития коллективной памяти свидетельствует о том, что «объективно история пишется как определенный концепт самости, который основывается на радикальном отделении от какой-либо другой идентичности» (Friedman, 2001: 42), что в случае с Венгрией отягощено перемещением истории в сферу мемориальной политики. Если Венгрия в составе империи Габсбургов в современной мемориальной культуре воспринимается позитивно, подвергаясь мифологизации и идеализации, то образы коммунистического наследия в коллективной памяти усиливаются как активистов памяти, так и институционализированных участников, включая Комитет национальной памяти, конструируются в содержательно иной системе координат.

Комитет призван «охранять память о жертвах, формировать культуру памяти, общественный дискурс и передавать исторические знания» (Baranyai, 2021) новым поколениям. Реализуя эту цель, Комитет стремится пересмотреть ситуацию коллективной амнезии, характерную для памяти венгерского общества, «память которого тесно связана с общей идентичностью, но при вынужденном забвении общество может утратить способность самоидентифицироваться и укрепляться <...> по этой причине мы работаем против забвения <...> и нашей задачей становится минимизация последствий вынужденного забвения и возвращение жертв в национальную память» (Baranyai, 2021). Такие инициативы в современной политике памяти носят ситуативный характер, реализуясь, например, в годовщину событий, составляющих основу представлений о коммунистическом прошлом как национальной травме, что относится к событиям 1956 г.

С одной стороны, функционирование представлений о 1956 г. в исторической памяти основано на антикоммунистическом нарративе, озвученном в 2022 г. Я. Варгой, одним из активистов политики памяти, максимально кратко: «большевистские преступники и предатели, которые им служили, не могут быть прощены» (Trianon emlékezete..., 2022). С другой – память о 1956 г. в современной мемориальной культуре подверглась виртуализации. В 2022 г. силами венгерских архивов был реализован проект онлайн-выставки фотографий городских пространств Будапешта, соединявших современный

и исторический облик города 1956 г. (1956 emlékezete..., 2022). Подобная активность акторов исторической политики указывает на значительный уровень фрагментации национальной памяти в современной Венгрии, где различные социальные группы вынуждены поддерживать свои собственные мемориальные культуры. В этом контексте в качестве пространства их консолидации выступает коллективная память о коммунизме (Előadással és..., 2023), образы которого конструируются в категориях как травмы (Tabajdi, 2023), связанной с репрессиями и подавлением (Rigó, 2023), так и с ее преодолением, представленным попытками формирования новой мемориальной культуры (Emléktáblát avattak..., 2022), которая воспринимала бы коммунистическое наследие как часть исторической памяти в широкой перспективе.

В этом контексте политика памяти воспринимается утилитарно, превращаясь в ресурс социальной консолидации. Именно эти функции превращают Комитет в активного участника исторической политики. Река Фельдварине Кисс, президент Национального комитета памяти, комментируя роль и место коммунизма в национальной мемориальной культуре, подчеркивает, что общество оказалось не в состоянии сформировать единую версию памяти о Венгерской народной республике, так как «множество замалчиваемых, невысказанных историй о коммунистической эпохе» остаются неизвестными в силу «отсутствия коллективной памяти», что существенно замедляет развитие «общих нарративов» (Bágyuai, 2021). Подобные тенденции в политике памяти Венгрии свидетельствуют о том, что элиты начинают менять стратегию обращения с историей как символическим мобилизационным и легитимационным ресурсом, делая выбор в пользу ее более утилитарного использования и применения как одного из элементов политического инструментария власти. Вмешательство со стороны государства пока ограничивается организацией музеев, но в данной ситуации не представляется возможным исключать и радикализацию исторической политики в направлении создания соответствующего института, аналогичного тем, что уже существуют в странах Центральной и Восточной Европы.

Выводы

Историческая память в современной Венгрии представляет собой совокупность различных мемориальных культур, сфокусированных на идеологически и политически мотивированной интерпретации одних и тех же моментов национальной венгерской истории. Историческая политика памяти в современной Венгрии, как правило, сфокусирована на интерпретации или ревизии событий новейшей истории. В центре таких исторических дебатов и проработок прошлого, как правило, прибывают идеологически и политически противоречивые события, связанные с опытом Венгрии XX в., включая различные проявления и формы национального авторитаризма в период между двумя мировыми войнами и во время Второй мировой войны, а также опыт венгерского коммунизма в рамках левоориентированной авторитарной модели развития, установленной в Венгрии в результате ее советизации по итогам Второй мировой войны. Кроме этого, венгерская политика в памяти на современном этапе подвержена значительной фрагментации. Ввиду этого в современном венгерском обществе единая мемориальная культура фактически отсутствует, хотя тенденции к консолидации памяти, основанные на идеологии национализма, являются значительным фактором. В этой ситуации основным источником консолидации исторической памяти и стимулом для формирования условно единого или относительно монолитного мемориального канона является венгерский политический этнический национализм.

Благодаря значительному влиянию национализма венгерская мемориальная культура отличается своей склонностью к конфликтогенности. В этой ситуации мемориальные конфликты и войны памяти Венгрии, как правило, протекают вокруг спорных моментов национальной истории, связанных с отношениями с историческими соседями венгров в Центральной Европе. Государственные и одновременно этноцентричные нарративы, фактически легитимирующие и обслуживающие политический миф о венгерской государственности, связаны с концептом национальной катастрофы, которая привела к утрате значительной части территорий, которые, по мнению националистов, являются исконно и исторически венгерскими. Стабильность таких идей в мемориальной культуре служит причиной для различных войн памяти, стимулируя идеологические компании, направленные на проработку прошлого в венгерских средствах массовой информации.

В сложившейся ситуации основным пространством развития коллективной памяти являются общественные и культурные пространства. Ввиду этого в современной Венгрии мемориальная политика и связанная с ней культура памяти являются динамично развивающимися явлениями в актуаль-

ной венгерской политической культуре. Принимая во внимание стабильность и устойчивость венгерского национализма, его интегрированность в политическую культуру Венгрии, не представляется возможным исключать рост дальнейших мемориальных конфронтаций как на внутреннем, так и на внешнем уровне, что будет содействовать политизации прошлого, стимулируя элиты быть активными участниками политики памяти.

Список литературы / References

- Колесник, І. (2017) 'Український історик і влада: від примусу до партнерства', *Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки*. Київ: Інститут історії НАН України, 9, сс. 9–24. [Kolesnyk, I. (2017) 'The Ukrainian historian and the government: from coercion to partnership' [Ukrayins'kyj istoryk i vlada: vid prymusu do partnerstva], *Eidos. Almanac on Theory and History of Historical Science*. Kyiv: Institute of History of the National Academy of Sciences of Ukraine, 9, pp. 9–24.
- Усманова, Д. (2003) 'Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков', *Ab Imperio*, 3, сс. 337–360. [Usmanova, D. (2003) 'Creating a National History of the Tatars: Historiographic and Intellectual Debates at the Turn of the Century' [Sozdavaya natsional'nuyu istoriyu tatar: istoriograficheskiye i intellektual'nyye debaty na rubezhe vekov], *Ab Imperio*, 3, pp. 337–360. (In Russ.)].
- Цвиклински, С. (2003) 'Татаризм vs болгаризм: «первый спор» в татарской историографии', *Ab Imperio*, 2, сс. 361–390. [Zviklinski, S. (2003) 'Tatarism vs Bulgarism: "the first dispute" in Tatar historiography' [Tatarizm vs bulgarizm: «pervyy spor» v tatarskoy istoriografii], *Ab Imperio*, 2, pp. 361–390]. (In Russ.)].
- Шеррер, Ю. (2009) 'Германия и Франция: проработка прошлого', *Pro et contra*, 3–4, сс. 89–108. [Scherrer, J. (2009) 'Germany and France: working through the past' [Germaniya i Frantsiya: prorabotka proshlogo], *Pro et contra*, 3–4, pp. 89–108. (In Russ.)].
- 1956 emlékezete. *MTVA Archívum* (2022) Október 21 [online]. Available at: URL: <https://archivum.mtva.hu/stories/1956-oktober-23-Fotogaleria>.
- A nemzet emlékezete – A magyar történelem mérföldkövei*. Magyar Nemzeti Levéltár (2022) Július 8 [online]. Available at: URL: https://mnl.gov.hu/mnl/ol/hirek/a_nemzet_emlekezete_a_magyar_tortenelem_merfoldkovei.
- A nemzet emlékezete*. *Kultura* (2020) Augusztus 25 [online]. Available at: URL: <https://kultura.hu/a-nemzet-emlekezete/>.
- Baranyai, B. (2021) *A felejtés ellen dolgozunk – Beszélgetés a Nemzeti Emlékezet Bizottsága elnökével*. *Magyar Kurir*. December 12 [online]. Available at: URL: <https://www.magyarKurir.hu/hirek/a-felejtes-ellen-dolgozunk-beszelgetes-nemzeti-emlekezet-bizottsaga-elnokevel>.
- Benziger, K. P. (2008) *Imre Nagy, Martyr of the Nation: Contested History, Legitimacy, and Popular Memory in Hungary*. L. – NY.: Lexington Books, 218 p.
- Bukovszki, P. (2023) 'Zivataros évszázadok: a 200 éves Himnusz sorai ma is aktuálisak', *Pest Buda*, Január 22 [online]. Available at: URL: https://pestbuda.hu/cikk/20230122_zivataros_evszazadok_a_200_eves_himnusz_sorai_ma_is_aktualisak.
- Csere, P. (2021a) 'Egy konspirálni képtelen nemzet összeesküvése', *Magyar Hírlap*, Március 10 [online]. Available at: URL: <https://www.magyarhirlap.hu/tudomany/20210310-egy-konspiralni-keptelen-nemzet-osszeeskuvese>.
- Csere, P. (2021b) 'Fekete március'. *Magyar Hírlap*, Március 22 [online]. Available at: URL: <https://www.magyarhirlap.hu/tudomany/20210322-fekete-marcius>.
- Előadással és kiállítással emlékeztek a kommunizmus áldozataira a kispesti Reménység iskolában (2023) *Magyar Kurir*, Február 26 [online]. Available at: URL: <https://www.magyarKurir.hu/hazai/eloadas-sal-es-kiallitassal-emlekeztek-kommunizmus-aldozataira-kispesti-remenyseg-iskolaban>.
- Emléktáblát avattak Bús János szalézi testvér feltételezett sírhelyén (2022) *Magyar Kurir*, December 12 [online]. Available at: URL: <https://www.magyarKurir.hu/megszentelt-let/emlektablalt-avattak-bus-janos-szalezi-testver-feltetelezett-sirhelyen>.

- Friedman, J. (2001) 'History, Political Identity and Myth. Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology', *Studies in Social Anthropology and Ethnology*, 1, pp. 41–62.
- Gyáni, G. (2020) *A Nation Divided by History and Memory: Hungary in the Twentieth Century and Beyond*. L. – NY.: Routledge, 198 p.
- Whelan, Y., Moore, N. (2006) *Heritage, Memory and the Politics of Identity: New Perspectives on the Cultural Landscape*. L. – NY.: Routledge, 168 p.
- Hermann, R. (2022) '1848–49–kultusz és emlékezet', *Magyar Hírlap*, Március 14 [online]. Available at: URL: <https://www.magyarhirlap.hu/tudomany/20220314-1848-49-kultusz-es-emlekezet>.
- Huyssen, A. (2023) *Present Pasts: Urban Palimpsests and the Politics of Memory*. Stanford: Stanford University Press, 192 p.
- Juhász Dósa, J. (2021) 'Történelmi emlékezet kissé másképp - néhány megjegyzés Sal Endre új kötetéről', *MA 7*, Augusztus 25 [online]. Available at: URL: <https://ma7.sk/irodalom/tortelenmi-emlekezet-kissemaskepp-nehany-megjegyzes-sal-endre-uj-koteterol>.
- Litván, G. *1848 a magyar történelmi emlékezetben* [online]. Available at: URL: <https://rubicon.hu/cikkek/1848-a-magyar-tortelenmi-emlekezetben>.
- Millisits, M. (2021) 'Akik a hazát szolgálták – Az 1848-as hősök emlékezete Budapesten', *Pest Buda*, Március 15 [online]. Available at: URL: https://pestbuda.hu/cikk/20210315-megbecsuli_a_fovaros_azokat_akik_a_hazat_szolgaltak_az_1848_as_hosok_emlekezete_budapestben.
- Paár, Á. (2021) 'Az első magyar történelmi festő: Madarász Viktor emlékezete', *Mandiner*, Január 7 [online]. Available at: URL: <https://mandiner.hu/cikk/20210107-az-elso-magyar-tortelenmi-festo-madarasz-viktor-emlekezete>.
- 'Petőfi emlékezete és az 1848-49-es forradalom és szabadságharc ereklyéi – kiállítás Sepsiszentgyörgyön' (2023) *Magyar Múzeumok*, Március 13 [online]. Available at: URL: <https://magyarmuzeumok.hu/cikk/petofi-emlekezete-es-az-1848-49-es-forradalom-es-szabadsaghar-ereklyei-kiallitas-sepsiszentgyorgyon>.
- Rigó, R. (2023) 'Küzdelem a lelkekért (1. rész) – Pártállami törekvés a vidéki gyülekezetek megtörésére 1956 után', *Magyar Kurir*, Január 30 [online]. Available at: URL: <https://www.magyarkurir.hu/nezopont/rov-aticim-kuzdelem-lelkekert-1-resz>.
- Tabajdi, G. (2023) 'Küzdelem a lelkekért (2. rész) – Egyházbomlasztás', *Magyar Kurir*, Március, 2 [online]. Available at: URL: <https://www.magyarkurir.hu/nezopont/egy-hazbomlasztas>.
- Tóth-Szenesi, A. (2023) 'Ungváry: Oroszország lerakataként viselkedünk', *Internetes portált 444.hu*, Február 05 [online]. Available at: URL: <https://444.hu/2023/02/05/ungvary-oroszorszag-lerakatakent-viselkedunk>.
- 'Trianon emlékezete: amíg magyarul beszélünk, nincs veszve semmi' (2022), *Erdélyi Napló*, Június 29 [online]. Available at: URL: <https://erdelyinaplo.ro/eloemlekezet/trianon-emlekezete-amig-magyarul-beszelnunk-nincs-veszve-semmi>.
- Bernhard, M., Kubik, J. (2014) *Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration*. Oxford: Oxford University Press, 384 p.
- Wang, Z. (2017) *Memory Politics, Identity and Conflict: Historical Memory as a Variable*. L. – NY.: Palgrave Macmillan, 151 p.

Статья поступила в редакцию: 09.04.2023

Статья принята к печати: 25.06.2023

HISTORICAL POLICY AND MEMORIAL CULTURE OF MODERN HUNGARIAN SOCIETY

M. W. Kyrchanoff

M. W. Kyrchanoff, Doctor of History, Associate Professor of the Department of Regional Studies and Economics of Foreign Countries of the Faculty of International Relations;
Associate Professor of the Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies of the Faculty of History,
Voronezh State University, Russia.
E-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com (ORCID: 0000-0003-3819-3103. Researcher ID: B-8694-2017).

Abstract

This study analyzes the current memory policy in modern-day Hungary during the early 2020s. The author studies the role and place of intellectual communities as the main spaces of the genesis of memory and the functioning of memorial cultures and collective historical memory in modern social and political thought of Hungary. The article demonstrates that the intellectual community, as a systemic component of contemporary Hungarian society, plays a vital role in developing and transforming memorial culture. Additionally, Hungarian intellectual agents of historical memory politics and shapers of various memorial cultures engage in a spectrum of memorial practices that range from historical revisionism to attempts to create a liberal memorial canon. Thirdly, the memorial practices of the modern intellectual community are linked to the development of nationalist discourse, represented by ethnic and civic nationalisms. Besides, the participation of intellectuals in memorial politics actualizes the political and ideological heterogeneity of modern Hungarian society, contributing to the simultaneous development and competition of various forms of historical memories, stimulating memorial confrontations and memory wars. It is assumed that the role of society in the historical politics of modern Hungary will increase, and intellectuals as memory activists will remain among the main active participants of memorial politics.

Keywords: Hungary; collective memory; nationalism; intellectuals; historical politics; wars of memory; culture of memory.

УДК: 323:353(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-3-21-32

КОНФЛИКТЫ МЕЖДУ РЕГИОНАЛЬНЫМИ БИЗНЕСМЕНАМИ И ГЛАВАМИ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: РОЛЬ ИДЕНТИЧНОСТИ

Д. А. Стремоухов

Стремоухов Денис Александрович, старший преподаватель, Департамент политологии и международных отношений, Санкт-Петербургская школа социальных наук и востоковедения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Санкт-Петербург.

E-mail: dstremoukhov@hse.ru (ORCID: 0000-0002-2515-0844. Researcher ID: AAD-1191-2020).

Аннотация

Рассмотрена возможность применения теорий идентичности и конструктивистского подхода к объяснению элитных взаимодействий в недемократических политических режимах на примере открытых конфликтов между российскими региональными бизнесменами и главами субъектов Российской Федерации. В условиях слабой защищенности прав собственности инициирование конфликтов с властями зачастую угрожает существованию бизнеса и ставит под вопрос возможность извлечения материальных выгод из занимаемых предпринимателями властных позиций. Такие решения противоречат предсказаниям моделей недемократической политики и политической активности бизнеса, основанных на теории рационального выбора. Исследована возможность применения концепта идентичности к объяснению этого феномена. Руководствуясь методологическими рекомендациями по изучению эффектов нематериальных факторов на политические исходы, на основе анализа материалов СМИ, экспертных интервью и интервью с участниками конфликтов показано, что предписывать акторам фиксированные мотивации (например, максимизацию прибыли или ренты) может быть контрпродуктивно для теоретического понимания элитных взаимодействий. Идентичности членов элиты, которые формируются в контексте пересечения политической и экономической сфер, расположены к целеполаганию, противоречащему допущениям доминирующих теоретических подходов о максимизации ренты / прибыли как основной цели политически активных предпринимателей.

Ключевые слова: недемократическая политика; политическая активность бизнеса; идентичность; региональные элиты; региональная политика; российские регионы; российская политика.

За последние десятилетия исследователи внесли большой вклад в понимание принципов взаимодействия членов политической элиты в недемократических политических режимах (Gehlbach et al., 2016). Большая часть подобных исследований использует подход, который Дж. Марч и Дж. Олсен (March & Olsen, 1996) назвали «обменным» (“politics as arranging exchanges”). Он предполагает, что политические акторы обладают фиксированными и известными заранее предпочтениями, а также определенным набором ресурсов, которые определяют границы возможных действий и желательность их последствий (March & Olsen, 1996: 248–249).

Классическая предпосылка теорий недемократической политики состоит в том, что политические акторы рационально максимизируют свою власть (либо ренту, извлекаемую из властных позиций). Институты при этом рассматривают как механизмы обеспечения достоверных обязательств (credible commitments): они облегчают мониторинг действий правителя и внутриэлитную координацию. Таким образом гарантируются договоренности о распределении ресурсов (Svolik, 2012).

Марч и Олсен, однако, призывают применять конструктивистский (в их терминологии – институциональный) подход, согласно которому поведение политических акторов определяют общеизвестные правила игры, социально сконструированные нормы и практики, а также сформированные институтами идентичности (March & Olsen, 1996: 250–254). Последние играют особую роль, так как политические действия – это «суть выражения образцового, естественного или приемлемого поведе-

ния в соответствии с (интернализированными) целями, правами и обязанностями, практиками, методами и техниками, присущими... Я (the self)» (March & Olsen, 1996: 251).

Цель данной статьи – показать эвристическую полезность конструктивистского подхода для объяснения политических процессов в гибридных политических режимах. Социологические и социально-психологические теории идентичности позволяют продемонстрировать вариативность мотиваций членов политической элиты, с одной стороны, и роль формальных и неформальных институтов в формировании этих мотиваций – с другой.

В фокусе анализа находится специфический феномен – политические конфликты между региональными бизнесменами и главами субъектов Российской Федерации. Под конфликтами имеются в виду открытые противостояния между предпринимателями и губернаторами в политической сфере¹. Статья фокусируется на одной из сторон конфликта – бизнесменах². Выбор обусловлен тем, что в большинстве случаев именно они инициируют публичные конфликты. Хотя такое поведение может выступать реакцией на действия губернатора (например, на отказ в привлекательном контракте или административное давление на предпринимателя), но сам руководитель региона не заинтересован в конфликте как в публичном событии и инициации политического противостояния.

Бизнесмены составляют важную часть региональной политической элиты, так как могут влиять на принятие политических решений и электоральные результаты. В то же время материальная обеспеченность делает их особенно уязвимыми во взаимоотношениях с властями. Теории недемократической политики не могут объяснить конфликтное поведение предпринимателей в такой ситуации, так как предполагают, что рентные потоки во многом обусловлены благоприятными отношениями элитных акторов с правителем, а попытки его свержения требуют нетривиального уровня координации и коллективного действия со стороны элит. Объяснения не предлагают и работы о политической активности бизнеса, которые рассматривают максимизацию прибыли как драйвер политического участия (Lux et al., 2011; Szakonyi, 2018). В условиях слабой институционализации прав собственности конфликт с главой региона несет в себе существенные риски для активов предпринимателей, а в некоторых случаях и для личной свободы, что противоречит логике максимизации прибыли.

Тем не менее подобные конфликты снова и снова возникают в различных регионах России. Они происходят не так регулярно, чтобы подорвать валидность основанных на теории рационального выбора моделей, но абсолютная частота этого феномена и его значимость для региональных политических процессов не позволяют игнорировать его как отклонение от рационального поведения (максимизации ренты / прибыли³). Целесообразнее попытаться понять, какие материальные и нематериальные элементы ситуации стратегического взаимодействия ведут к решению начать открытое противостояние с властями.

Важным компонентом объяснения могут послужить идентичности участников конфликтов. В статье показано, что владельцы бизнеса, которые ведут активную политическую деятельность, не обязательно считают самоидентификацию в качестве предпринимателя доминирующей, а их самоопределение в качестве политика не сводится к императивам максимизации ренты. В своей политической активности предприниматели могут осознанно совершать действия, которые угрожают их прибыли и собственности.

Эмпирическую базу исследования составляет массив публикаций в региональных и федеральных СМИ, а также интервью, собранные автором. Учитывая чувствительность темы, автор ожидало столкнуться с трудностями при попытках взять интервью непосредственно у политически активных предпринимателей. В первую очередь, статья опирается на публичные интервью предприни-

¹ Стоит отметить, что конфликт носит интересубъективный характер – в различных контекстах одни и те же действия (например, поддержка оппозиционного кандидата) могут восприниматься как конфликтные или как часть нормального политического процесса. В рассматриваемый период после 2005 г. любые действия, которые угрожают позиции руководителя в регионе, губернаторы и региональные политические сообщества считают конфликтными.

² Чтобы попасть в фокус данного исследования, бизнес должен был соответствовать следующим критериям: 1) быть активным в первую очередь внутри конкретного региона и встроенным во внутрирегиональные экономические связи, 2) не относиться к малому бизнесу. Первый критерий исключает из анализа крупные компании «федерального» уровня. Вторым критерием обусловлен фокус на акторах, которых можно причислить к региональным элитам, для чего они должны обладать необходимыми ресурсами.

³ Литература по политическому участию бизнеса зачастую рассматривает это участие как «нерыночную стратегию» (non-market strategy) максимизации прибыли. Поскольку герои этой статьи могут рассматриваться и как политики, и как предприниматели, термины «рента» и «прибыль» используются взаимозаменяемо.

мателей и интервью с региональными экспертами, многие из которых взаимодействовали с предпринимателями в профессиональной или личной сфере.

Следующая часть статьи посвящена концептуализации понятия «идентичность», а также связи между идентичностью и действием. Помимо прочего, сформулирована авторская типология мотивов конфликтов с опорой на теорию идентичности. Затем в статье представлены результаты эмпирического анализа, которые иллюстрируют данную типологию.

Идентичность и мотивация владельцев бизнеса в региональной политике

Идентичность – это набор субъективно воспринимаемых характеристик, которые определяют человека как исполнителя определенной роли в обществе (ролевая идентичность), члена группы (групповая идентичность) или носителя определенных черт (личная идентичность) (Burke & Stets, 2009: 3, 112–129). Каждый человек обладает множеством идентичностей, которые различаются по степени выраженности (*salience*). Идентичность – фундаментально интерсубъективный феномен, поэтому необходимо различать процессы самоидентификации (ответ на вопрос «Кто есть я?») и категоризации (определение других акторов как носителей определенной идентичности) (Brubaker & Cooper, 2003: 14–17).

Идентичность – важный элемент человеческой мотивации. Индивиды стремятся вести себя в соответствии со своими представлениями о должном поведении представителя их идентичности. Ситуации, в которых идентичность не подтверждается, вызывают в индивидах сильные негативные эмоции (Stets & Burke, 2014). Теории идентичности, которые опираются на социальную и когнитивную психологию, утверждают, что всем индивидам свойственно желание поддерживать такие компоненты самооценки, как самоуважение (*self-worth*), самоэффективность (*self-efficacy*) и аутентичность (*authenticity*). Самоуважение означает восприятие себя в положительном ключе, самоэффективность – способность к действиям, достигающим цели, и чувство контроля над ситуацией, аутентичность – актуализацию своего «настоящего Я». Компоненты можно связать с разными контекстами интеракции: 1) межличностным общением, 2) статусными иерархиями и владением ресурсами, 3) нормативными убеждениями, верованиями и ценностями соответственно (Gecas, 1991). Определенные ролевые идентичности и структурные контексты (в частности, политический) неразрывно связаны с ценностями. Ценности ситуативно воплощаются через ролевые и групповые идентичности (Hitlin, 2003: 122).

Идентичности формируются в определенных структурных условиях. Социальные роли задаются институциональной средой. Представления о должном поведении носителей ролей и его смысле формируются под воздействием средовых сигналов (Ashforth & Shinoff, 2016). Россию, как и многие другие страны, характеризуют слабая разделенность экономической и политической сфер, а также переплетение формальных и неформальных институтов. Перечисленные особенности среды значимы для идентичностей акторов, которые действуют в таких условиях.

Для многих бизнесменов политическое участие становится вынужденным способом защиты прав собственности и решения проблем, которые возникают при взаимодействии с государством. Как следствие, предприниматели составляют существенную часть депутатского корпуса в региональных парламентах (Расторгуев, 2012). Статус парламентария облегчает взаимодействие с чиновниками, правоохранительной и судебной системами (Сакаева, 2012; 2019). Региональный бизнес вовлечен в различные виды обмена с политическими и государственными акторами – например, в «политическое инвестирование» в форме финансирования избирательных кампаний (Барсукова & Денисова-Шмидт, 2020). Активное участие в политических процессах создает почву для развития самоидентификаций, связанных с такой деятельностью. Так, по наблюдениям М. Сакаевой, многие бизнесмены в региональных парламентах начинают идентифицировать себя как депутатов и усваивают связанный с этой идентичностью набор представлений о должном поведении (Сакаева, 2015: 109–117). Депутаты-предприниматели, «работающие на свой статус» в локальном сообществе, присутствуют и на городском уровне (Чирикова и Ледяев, 2014: 134–135). При этом извлечение ренты остается основным мотивом политической активности бизнесменов, а конфликты с властями если и возникают, то носят скрытый характер (Чирикова и др., 2014).

Гибридные режимы, которые характеризуются наличием формальных демократических институтов, практик и риторической приверженности демократическим ценностям, представляют осо-

бый интерес, так как в них могут развиваться идентичности, которые вступают в противоречие с неформальными правилами игры. Например, представление о должном поведении члена регионального парламента (особенно сформированное в 1990-х – начале 2000-х гг.) может противоречить ожиданиям, которые складываются по мере изменения неформальных институтов.

Можно ожидать, что владелец бизнеса, который идентифицирует себя как «политик», готов пренебрегать материальными последствиями своей политической деятельности. Поведение, которое приводит к конфликту, становится продуктом логики, никак не связанной с максимизацией ренты. В то же время конкретные причины все равно могут быть различны. Исходя из положений теории идентичности, можно предположить, что существует несколько видов мотивов, ведущих предпринимателей к конфликту с властями.

Мотив поддержания аутентичности связан с «нормативным» конфликтом. Политический контекст придает важность определенным качествам личности (например, желанию выразить свою точку зрения), а также нормативным убеждениям, которые затем транслируются в политическое действие.

Мотив самоэффективности проявляет себя по-разному в зависимости от выраженности ролевых идентичностей и их взаимодействия с идентичностями личными. В общем виде он связан со статусными позициями в социальных иерархиях и контролем над ресурсами. Актеры, которые понимают самоэффективность как достижение более высокой позиции в формальной политической иерархии, могут вступать в конфликты, чтобы удовлетворить свои политические амбиции. Следует предположить, что в такой ситуации большее значение будут играть факторы, которые заставляют актеров относительно высоко оценивать свои шансы на успех. Для других представителей региональной элиты поводом для конфликта может послужить нарушение неформальных договоренностей о распределении ренты и политического влияния в регионе. Несмотря на то, что в данном случае материальные мотивы играют большую роль, чем в случае нормативного или вызванного политическими амбициями конфликта, субъективно такие нарушения могут восприниматься в категории статуса. Очевидно, что мотивы могут переплетаться друг с другом, и их следует рассматривать скорее как идеальные типы.

Следующая часть работы посвящена попытке интерпретировать собранный в ходе исследования эмпирический материал с опорой на теорию идентичности.

Идентичности владельцев бизнеса и политический конфликт

Исследователь, изучающий нематериальные аспекты какого-либо феномена, зачастую сталкивается с заметными трудностями. Наблюдаемое поведение редко является надежным индикатором идей и когнитивных процессов. Политические деятели преувеличивают значимость социально одобряемых мотивов в публичном объяснении своих действий. Идеи, убеждения или идентичности не всегда напрямую транслируются в поведение, а влияние материальных стимулов может совпадать с ожидаемым эффектом нематериальных факторов.

А. Джейкобс предлагает использовать следующие стратегии для исследования каузальных механизмов, основанных на нематериальных эффектах: 1) анализ непубличной риторики и риторики в ситуации низкого стратегического давления, 2) точная спецификация когнитивно-психологических механизмов, связывающих решение и нематериальный фактор, и поиск свидетельств их существования, 3) измерение нематериальных факторов на протяжении длительного периода времени (особенно в условиях изменяющихся материальных стимулов), 4) демонстрация того, что принятое актором решение противоречит материальным стимулам, но совпадает с поведением, мотивированным нематериальным фактором (Jakobs, 2015: 48–71).

Таким образом, эмпирическая стратегия будет основываться на поиске свидетельств: 1) существования психологических механизмов, описанных в теории идентичности, 2) относительной стабильности дискурсивных и поведенческих проявлений идентичности на протяжении длительных периодов времени, 3) поведения, противоречащего материальным стимулам, 4) анализа публичной и непубличной риторики акторов. Особый интерес представляют экспертные интервью с людьми, знакомыми с героями статьи и активно взаимодействовавшими с ними. Не преувеличивая способность экспертов понимать «истинные» мотивы действий своих знакомых, необходимо отметить, что продолжительное взаимодействие с людьми в непубличных условиях добавляет достоверность таким наблюдениям (Jakobs, 2015: 52).

При помощи поискового запроса по базе Public.Ru и анализа полученной выгрузки автором было идентифицировано 35 случаев публичного противостояния (пара бизнесмен / сплоченная группа бизнесменов – губернатор) за период с 2005 по 2020 г. Данная статья основана в первую очередь на анализе конфликтов в Республике Карелия и Пермском крае¹. Два региона, которые известны своей «демократичностью», долгое время выступали полем для многочисленных конфликтов влиятельных предпринимателей и региональных властей. Эмпирическую базу исследования составили публикации в региональных и федеральных СМИ (с 1990-х гг. по настоящее время), 13 экспертных интервью с региональными политологами, политическими активистами, журналистами и политтехнологами, а также два интервью с непосредственными участниками конфликтов (одно в письменной форме по настоянию информанта). Помимо этого, был проведен анализ избранных источников (в основном публичных интервью в региональных изданиях и статей в газете «Коммерсант») из других регионов. Массив полученных текстов был закодирован и проанализирован при помощи программы Atlas.ti, следуя принципам тематического анализа (Nowell et al., 2017). Изначальный набор кодов и объединяющих их тем был сформулирован дедуктивно (например, была сформулирована тема «Мотивы»). Дополнительные коды формулировались непосредственно по ходу кодирования: как в рамках уже сформулированных тем, так и в виде «свободных» кодов, не принадлежащих ни одной из категорий. Затем закодированные фрагменты были изучены еще раз, часть из них была перекодирована, чтобы лучше отразить содержание фрагментов, а также с целью поиска тем, выходящих за рамки дедуктивно сформулированных категорий. Пример кодировки и выявленных тем приведен в таблице.

Примеры фрагментов интервью, соответствующих им кодов и тем

Фрагмент интервью	Код	Тема
«Что с этого поимел [<i>предприниматель</i>]? Кроме уголовных дел, по-моему, ничего. Вот. Поэтому я не думаю, что это было бизнес-мероприятие. Я думаю, что это было действительно политическое мероприятие с какими-то стратегическими политическими амбициями» (Интервью с экспертом, 11.05.2021)	Политические амбиции	Политические амбиции
«Скорее всего, я неизбежно должен был заняться политикой. Мне хотелось участвовать в процессах и влиять на ситуацию» (Интервью с бизнесменом, 23.07.2021)	Политические амбиции	
«С другой стороны, он всегда, у него были амбиции большие, там, добраться наверх, но вот что-то ему не хватало. Значит, на этих амбициях, собственно говоря, он и погорел, потому что это все занимало у него очень много средств и прочего, много что спонсировал, но в конце концов он все это профукал, и бизнесы дальше пошли у него под откос» (Интервью с экспертом, 08.04.2022)	Политические амбиции	
«Он хотел губернатором. У него была откровенная амбиция на губернаторство. То есть взять большинство в Заксе. Так. То есть устроить переворот» (Интервью с экспертом, 08.04.2022)	Политические амбиции	

¹ Республика Карелия: Василий Попов – Сергей Катанандов / Андрей Нелидов / Александр Худилайнен; Девлетхан Алиханов – Андрей Нелидов/Александр Худилайнен; Андрей Мазуровский – Артур Парфенчиков; Пермский край: Константин Окунев – Олег Чиркунов / Максим Решетников / Виктор Басаргин; Дмитрий Скриванов – Виктор Басаргин; Владимир Плотников – Олег Чиркунов, Александр Репин – Дмитрий Махонин.

Продолжение таблицы

Фрагмент интервью	Код	Тема
<p>«Но, возвращаясь к [предпринимателю], я не знаю точно, что они не поделили, вот, но у [предпринимателя] откровенно не отжимали ничего. Вот у него то, что было, то и оставалось. <...> Ну, как бы я подозреваю, что они, конечно, куда-то могли его просто не пускать. Куда заходил [другой предприниматель], и в какие-то, я не знаю... Ну, не, мне кажется, что это уже все было к тому моменту продано» (Интервью с экспертом, 31.05.2021)</p>	<p>Недовольство распределением ресурсов</p>	
<p>«Ну, и этот передел рынка, он был. И как бы понятно, что... как бы... при... при <...> в <...> пришли несколько петербургских фирм-перевозчиков. Маршрутки. Вот. Что, конечно, вообще мало кому понравилось. Ну вот. Ну и в целом, как-то <неразборчиво> И, и, и... конечно, он оказался в ситуации, когда бизнес ему вообще-то не очень сильно помогал, не очень хотел, а имел все ресурсы для того, чтобы самая главная электоральная база – это <...>, понятное дело, – чтоб она как бы... чтоб контролировать по крайней мере вот это, вот здесь, да» (Интервью с экспертом, 31.05.2021)</p>	<p>Передел рынка</p>	<p>Материальные факторы</p>
<p>«...я прекрасно видел, что он сделал с регионом в плане экономики, в плане социальной политики, эти люди были нацелены на использование региона, использование избирателей, использование жителей региона в качестве удобрения для своего <неразборчиво>, личных, меркантильных устремлений. Поэтому меня это никак не устраивало. Соответственно, моя деятельность, она очень быстро стала оппозиционной, потому что я всегда вставал на защиту: и избирателей, и предприятий» (Интервью с бизнесменом, 22.03.2022)</p>	<p>Вред от губернатора</p>	<p>Забота о благе региона</p>
<p>«Я считал, что [губернатор] со своей корыстной командой просто опасен для [региона]. Решил, что надо притормозить его притязания. Можно сказать, что поступил так из патриотических побуждений» (Интервью с бизнесменом, 23.07.2021)</p>	<p>Вред от губернатора</p>	

Окончание таблицы

Фрагмент интервью	Код	Тема
«Я говорю: “Слушай, [губернатор]. Ну, это ж все просто. Я планирую жить в <...> дальше, не знаю, как Вы, но я планирую жить в <...>. Долго и счастливо. Поэтому... у меня четверо детей, на тот момент было трое. Ну, там, четвертый <неразборчиво> Я не хочу... я хочу, чтобы люди улыбались. Чтоб они друг другу на улице улыбались, чтоб было комфортно, благоустроено, чисто, душисто. Чтобы никто твоего ребенка в подъезде из-за сотового телефона не ударил трубой по голове, например, понимаешь”» (Интервью с бизнесменом, 22.03.2022)	Улучшение условий жизни	
«Но, как я уже сказал, я не совсем предприниматель. Для меня бизнес – это творческий процесс. И поэтому я все время недостаточно им дорожил и жертвовал им во имя амбиций, спортивного или творческого интереса» (Интервью с бизнесменом, 23.07.2021)	Не предприниматель	Соотношение бизнеса и политики
«Естественно, в своей депутатской деятельности я наступал на горло собственной бизнес-деятельности» (Интервью с бизнесменом, 22.03.2022)	Противоречие бизнеса и политики	

При анализе полученных материалов первым делом обращает на себя внимание, что эксперты не поддерживают предположение о материальных причинах большинства конфликтов, указывая на особенности личностей предпринимателей и их политические амбиции. Представляется маловероятным, что материальные мотивы укрылись бы от взора погруженных в региональную политику наблюдателей, особенно учитывая распространенное ожидание, что политическая деятельность бизнесменов мотивирована личной выгодой.

Найти свидетельства протекания внутренних когнитивно-психологических процессов, опираясь в первую очередь на публичные данные, должно быть довольно сложно. Тем более ценным оказывается наличие таких свидетельств. Согласно социально-психологическим теориям идентичности, неспособность верифицировать свою идентичность ведет к сильному психологическому дистрессу (Stets & Burke, 2014). Так, В. Попов, карельский бизнесмен и многолетний лидер республиканского отделения партии «Яблоко», известный своей оппозиционностью по отношению к сменяющимся карельским губернаторам, дал показательный ответ на вопрос о причинах рискованного политического поведения:

«Одна из моих проблем, либо достоинств, заключается в том, что, с одной стороны, я являюсь предпринимателем, который должен быть лоялен всегда изначально к любой власти, какой бы она ни была, а с другой стороны, я люблю высказывать свою точку зрения... Могу сказать, что я сталкивался с таким моим психологическим состоянием, я пытался разобраться в себе. Когда идет какое-то мероприятие, где тебе все не нравится, ты хочешь высказать свою точку зрения, но не выступаешь и отмалчиваешься. Я после этого испытываю такой сильный дискомфорт, что лучше я выступлю, скажу, после этого буду иметь проблемы, но это все равно будет психологически легче, чем промолчать и не сказать то, что ты думаешь»¹.

Явный конфликт между ролевой идентичностью предпринимателя, должным поведением которого Попов считает демонстрацию лояльности властям, и его личной идентичностью, важным элементом которой выступает желание высказывать свою точку зрения, привел к сильным внутренним

¹ Соколов, М. (2015) 'Беглец из Карелии', *Радио Свобода*, 11 сент. URL: <https://www.svoboda.org/a/27237848.html>. («Радио Свобода» внесено Министерством юстиции РФ в список иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента).

переживаниям. Личная идентичность в данном случае все же превалирует над ролевой, так как конфликт разрешается в ее пользу.

Д. Алиханов, другой известный карельский бизнесмен и политик, осужденный на 6 лет колонии в 2017 г.¹, после освобождения так объяснял мотивацию своих действий: «*Я же не робот, чтобы слушаться. Зачем тогда парламент? Пусть глава тогда один сидит и сам все решает... Не знаю, как они (лояльные бизнесмены), а мне лакеем не хочется себя чувствовать. Я хочу иметь возможность доказывать свою точку зрения*»².

Обращает внимание, что вышеуказанный опыт связан с определенным институциональным контекстом: работой в парламенте и взаимодействием с властями. Желание выражать свое мнение рассматривается спикерами как неотъемлемая часть роли парламентария или публичного политика.

В интервью, собранных в ходе исследования, бизнесмены отмечают противоречия между политической и предпринимательской деятельностью: «...я прекрасно видел, что он [губернатор] сделал с регионом в плане экономики, в плане социальной политики, эти люди были нацелены на использование региона, использование избирателей, использование жителей региона в качестве удобрения для своего <неразборчиво>, личных, меркантильных устремлений. Поэтому меня это никак не устраивало. Соответственно, моя деятельность, она очень быстро стала оппозиционной, потому что я всегда вставал на защиту: и избирателей, и предприятий. Естественно, в своей депутатской деятельности я наступал на горло собственной бизнес-деятельности»³.

Еще один информант идентифицирует себя как «не совсем предпринимателя», отмечая: «Для меня бизнес – это творческий процесс. И поэтому я все время недостаточно им дорожил и жертвовал им во имя амбиций, спортивного или творческого интереса»⁴.

Схожие темы обнаруживаются при изучении публичных интервью предпринимателей из других регионов. Виталий Рыбаков, оппонент губернатора Орловской области Потомского, так объяснял свое выдвижение на выборах против следующего губернатора Клычкова: «Да, я заработал денег. Мне сейчас 56 лет. А они, слава богу, лет в 40 стали для меня не целью, а инструментом. Я хочу, чтобы мое мнение услышали»⁵.

Анатолий Быков, оппонент губернатора Красноярского края Толоконского, в публичном интервью также признает множественность своих идентичностей:

— Вот Ваше личное понимание себя в современной России, <...>, предприниматель, меценат, политик или что-то другое? <...>

— Все вкуче. Да, поверьте, я, во-первых, 20 лет и тем, и этим, и другим занимаюсь⁶.

Важную часть идентичности вовлеченных в повторяющиеся конфликты бизнесменов составляет тема заботы об общественном благе и противодействия вреду, который губернаторы наносят региональным сообществам (см. таблицу).

Существуют ли проявления этих идентичностей за пределами автобиографических нарративов? Среди прочего, их важность подтверждает активная законодательная деятельность бизнесменов, в которую они вовлечены на протяжении многих лет. Само по себе такое участие могло бы быть направлено на извлечение ренты через влияние на законодательный процесс. Однако заметная часть подобной активности посвящена законопроектам, которые не приводят к прямой выгоде для принимающих их парламентариев, а иногда и потенциально противоречит ей⁷. Предприниматели-депутаты публично выступают по вопросам, находящимся на рассмотрении парламентов, и зачастую демонстрируют незаурядный уровень компетенции в данных темах.

Далеко не у всех предпринимателей оппозиционность по отношению к региональным властям становится важным компонентом идентичности. Наоборот, движимая материальными мотивами политическая деятельность – это результат выверенных калькуляций, который характеризуется демонстрацией лояльности (Сакаева, 2015: 162). Когда же это происходит, акторы рационализируют свое поведение через отрицание рисков и использование целенаправленных стратегий по их минимизации.

¹ Верховный суд РФ отменил приговор в 2018 г. за отсутствием состава преступления.

² Фукс, А. (2018) «Девлетхан Алиханов: «В карельском правительстве как в тюрьме»», *Руна*, 21 дек. Доступ получен через систему Public.Ru.

³ Интервью с бизнесменом, 22.03.2022.

⁴ Интервью с бизнесменом, 23.07.2021.

⁵ Инютин, В. (2017) «Кандидат со снятой оппозиционностью. Как Андрей Клычков идет на выборы губернатора» [Электронный ресурс], *Коммерсантъ*, 5 июля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3676522> (дата обращения: 30.05.2023).

⁶ Mario Shostak. Быков дал эксклюзивное интервью ИНФОРМЕРу (2018) [видео] [Электронный ресурс]. 1 март. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-7TZIU9a4lg> (дата обращения: 30.05.2023).

⁷ См., напр., Иванов, С. (2004) «Пить, но культурно!», *Звезда*, 17 июн. Доступ получен через систему Public.Ru.

ции. В интервью бизнесмены подчеркивали, что сознательно избегали действий, которые могли бы трактоваться как нарушение закона и послужить поводом для репрессий. Другой важной темой становится опыт ведения бизнеса в 1990-е гг., после которого текущие перипетии уже не кажутся такими пугающими¹.

В части случаев, однако, представляется, что конфликт является сугубо инструментальным. Так, по мнению знакомых одного из бизнесменов-политиков, его конфликт с губернатором был движим политическими амбициями и претензиями на губернаторский пост, которые усиливались из-за видимой (но, очевидно, не фактической) поддержки со стороны федерального центра². Другим возможным фактором была «слабость» губернатора. Это показывает, что важна не только самоидентификация, но и категоризация других членов регионального политического сообщества. «Слабость» не объективный показатель, а образ, который складывается, если у губернатора нет убедительной программы по вопросам развития региона и отсутствуют необходимые компетенции³. Репутация ненадежного партнера заметно ограничивает как его возможности в региональном сообществе, так и перспективы поддержки на федеральном уровне⁴. Зачастую акторы по-разному интерпретируют принадлежность конкретного человека к той или иной патрональной сети⁵, что влияет на оценку их ресурсов и возможностей.

Наличие нематериальных факторов не означает, что материальные структуры неважны. Положения в региональных системах распределения ресурсов, которые занимают бизнесмены, предполагают множество конфликтов материальных интересов и задают базовые линии размежевания между акторами. Часть конфликтов в российских регионах, насколько можно судить, происходит из-за изменений в материальных потоках, которые не устраивают региональные элиты⁶, или нарушения властями договоренностей. Однако даже в таких случаях можно ожидать, что нарушения установленных договоренностей представители региональных элит субъективно воспринимают как атаку на их статус внутри регионального политико-экономического порядка («...ведь когда двери открываешь с ноги, а через какое-то время приходишь – и в приемной сидишь, это психологически тяжело»⁷).

Заключение

Несмотря на очевидную полезность, модели, основанные на теории рационального выбора и экзогенно заданных предпочтениях, не раскрывают разнообразие мотиваций и сценариев, по которым могут развиваться конфликты элит. В статье показано, что мотивации предпринимателей, вступающих в открытую политическую конфронтацию с властями, нельзя свести к чисто материальной составляющей. Как минимум для части из них предпринимательская идентичность не является доминирующей, а достижение политических целей само по себе обладает ценностью. Противоречие между императивами максимизации прибыли и защиты прав собственности, с одной стороны, и конфликтным политическим поведением – с другой, уже не выглядит неразрешимым.

Статья служит скорее иллюстрацией предлагаемого тезиса о важности идентичности для понимания элитных взаимодействий, который требует дальнейшей верификации на более широком эмпирическом материале. Концепт идентичности не единственное понятие, которое исследователи элитных взаимодействий могут позаимствовать у сторонников конструктивистского подхода. Объяснения в его рамках будут подчеркивать важность интересубъективных значений, разделяемых норм и стандартов поведения, взаимных ожиданий, субъективного восприятия элитными акторами политической системы и структуры предоставляемых ей возможностей.

Представляется важным изучить механизмы формирования этих значений и ожиданий, их связь с формальными и неформальными институтами, социальной структурой и положением акторов в неформальных сетях, а также их жизненным опытом. Такие исследования должны опираться на

¹ Интервью с бизнесменом, 22.03.2022.

² Интервью с политтехнологом 1, 08.04.2022, слова подтверждаются интервью с другими информантами.

³ Интервью с политтехнологом 2, 08.04.2022.

⁴ Интервью с политтехнологом 1, 08.04.2022; интервью с политтехнологом 2, 08.04.2022; интервью с политтехнологом 3, 08.04.2022.

⁵ Членство в патрональных сетях рассматривают в категориях принадлежности к той или иной крупной политической фигуре. «Вы чья?» – якобы спросил губернатор у связанной с Василием Поповым заместительницы мэра Петрозаводска [Электронный ресурс]. URL: <https://rep.ru/daily/2015/09/02/22496/>.

⁶ См., напр., Азар, И. (2014) 'Либерал в окружении шейхов: успехи и провалы первой пятилетки Никиты Белых в Кировской области' [Электронный ресурс], *Lenta.Ru*, 15 янв. URL: <https://lenta.ru/articles/2014/01/15/belykh/>.

⁷ Там же.

широкий спектр качественных данных, позволяющих реконструировать как материальную, так и нематериальную структуру ситуаций, в которых политические акторы принимают те или иные решения. Представляется, что исследователям внутренней политики стоит обратить внимание на богатый опыт исследований политики внешней, опирающихся на анализ индивидуальных и групповых процессов принятия решений.

Исследования автократий, опирающиеся на архивные данные (Buehler & Ayari, 2018) и этнографический подход (Jones, 2015), пока остаются скорее исключениями. Не последнюю роль в этом играют сложности с получением доступа к исследовательскому полю. Изучение субнациональных политических режимов может оказаться одним из способов обойти те сложности, которые возникают при попытке изучать недемократическую политику на национальном уровне. Не преувеличивая открытость субнациональной политики, следует признать, что региональные СМИ и эксперты представляют собой множество потенциальных «точек доступа» к ценным исследовательским данным. Кроме того, в российском контексте интересным источником данных представляется политтехнологическое сообщество, представители которого не только наблюдают функционирование региональных политических систем в непосредственной близости, но и активно конструируют его нормы и правила, представляющие непосредственный интерес с точки зрения конструктивистской перспективы.

Список литературы / References

- Барсукова, С. Ю., Денисова-Шмидт, Е. В. (2020) «Политические инвестиции» бизнеса в России, или почему бизнес финансирует избирательные кампании», *Полис. Политические исследования*, 3(10), сс. 110–125, DOI: 10.17976/jpps/2020.03.08. [Barsukova, S. Yu., Denisova-Shmidt, E.V. (2020) 'Political Investment of Business in Russia or Why Business Donates to Electoral Campaigns' ["Politicheskie investitsii" biznesa v Rossii, ili pochemu biznes finansiruet izbiratel'nye kampanii], *Polis. Political Studies*, 3, pp. 110–125. (In Russ.)].
- Расторгуев, С. (2012) «Инкубенты-бизнесмены в областной законодательной власти в ЦФО в 2000–2011 гг.», *Полис. Политические исследования*, 4, сс. 117–125. [Rastorguyev, S. (2012) 'Incumbent Businesspeople in the Oblast Legislative Power in 2000-2011' [Inkumbenty-biznesmeny v oblastnoi zakonodatel'noi vlasti v TsFO v 2000-2011 gg.]. *Polis. Political Studies*, 4, pp. 117–125. (In Russ.)].
- Сакаева, М. М. (2012) «Парламент как «окно возможностей»: исследование поведения предпринимателей с депутатским мандатом в ходе реализации рыночных интересов», *Экономическая социология*, 13(3), сс. 96–122. [Sakaeva, M. M. (2012) 'Parliament as a Window of Opportunity: Research on the Behaviour of Entrepreneurs with a Deputy Mandate in the Course of Market Interests Realization' [Parlament kak «okno vozmozhnostei»: issledovanie povedeniya predprinimatelei s deputatskim mandatom v khode realizatsii rynochnykh interesov], *Economic Sociology*, 13(3), pp. 96–122. (In Russ.)].
- Сакаева, М. М. (2015) *Бизнесмены в органах законодательной власти: использование депутатского статуса в предпринимательской деятельности*. Дисс. ... канд. соц. наук. Москва. [Sakaeva, M.M. (2015) *Businesspeople in the Legislative Bodies: The Use of a Deputy Status in the Entrepreneurial Activity* [Biznesmeny v organakh zakonodatel'noi vlasti: ispol'zovanie deputatskogo statusa v predprinimatel'skoi deyatelnosti]. PhD. diss. Moscow. (In Russ.)].
- Сакаева, М. М. (2019) ««Черный лебедь» и другие правила повседневной легальности в малом бизнесе: сравнительный анализ «рядовых» и политически аффилированных предпринимателей», *Laboratorium: журнал социальных исследований*, 11(1), сс. 31–56. [Sakaeva, M. M. (2019) 'A "Black Swan" and Other Rules of Everyday Legality in Small Business: A Comparative Analysis of "Ordinary" and Politically Affiliated Entrepreneurs' ["Chernyi lebed" i drugie pravila povsednevnoi legal'nosti v malom biznese: sravnitel'nyi analiz «ryadovykh» i politicheski affilirovannykh predprinimatelei], *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy*, 11(1), pp. 31–56. (In Russ.)].
- Чирикова, А. Е., Ледяев, В. Г. (2014) «Локальные элиты в малых российских городах: формальные и неформальные ре-

- сурсы власти', *Pro nunc*, 1(13), сс. 129–162. [Chirikova, A. E., Ledyayev, V. G. (2014) 'Local Elites in Russian Small Towns: Formal and Informal Power Resources' [Lokal'nye elity v malykh rossiiskikh gorodakh: formal'nye i neformal'nye resursy vlasti'], *Pro nunc*, 1(13), pp. 129–162. (In Russ.)].
- Чирикова, А. Е., Ледяев, В. Г., Сельцер, Д. Г. (2014) 'Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов', *Полит. Политические исследования*, 2, сс. 88–105, DOI: 10.17976/jpps/2014.02.07. [Chirikova, A. E., Ledyayev, V. G., Seltser, D. G. (2014) 'Power in a Russian Small Town: Constellation of Main Actors and Their Interaction' [Vlast' v malom rossiiskom gorode: konfiguratsiya i vzaimodeistvie osnovnykh aktorov], *Polis. Political Studies*, 2, pp. 88–105. (In Russ.)].
- Ashforth, B. E., Schinoff, B. S. (2016) 'Identity Under Construction: How Individuals Come to Define Themselves in Organizations', *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*, 3(1), pp. 111–137, DOI: 10.1146/annurev-orgpsych-041015-062322.
- Buehler, M., Ayari, M. (2018) 'The Autocrat's Advisors: Opening the Black Box of Ruling Coalitions in Tunisia's Authoritarian Regime', *Political Research Quarterly*, 71(2), pp. 330–346, DOI: 10.1177/1065912917735400.
- Brubaker, R., Cooper, F. (2000) 'Beyond "Identity"', *Theory and Society*, 29(1), pp. 1–47, DOI: 10.1023/A:1007068714468.
- Burke, P. J., Stets, J. E. (2009) *Identity Theory*. Oxford: Oxford University Press, DOI:10.1093/acprof:oso/9780195388275.001.0001.
- Gecas, V. (1991) 'The Self-Concept as a Basis for a Theory of Motivation' in: J. A. Howard, P. L. Callero (eds.) *The Self-Society Dynamic: Cognition, Emotion, and Action*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 171–187. DOI: 10.1017/CBO9780511527722.010.
- Gehlbach, S., Sonin, K., Svulik, M. W. (2016) 'Formal Models of Nondemocratic Politics', *Annual Review of Political Science*, 19(1), pp. 565–584. DOI: 10.1146/annurev-polisci-042114-014927.
- Hitlin, S. (2003) 'Values as the Core of Personal Identity: Drawing Links Between Two Theories of Self', *Social Psychology Quarterly*, 66(6), pp. 118–137, DOI: 10.2307/1519843.
- Jones, C. (2015) 'Seeing Like an Autocrat: Liberal Social Engineering in an Illiberal State', *Perspectives on Politics*, 13(1), pp. 24–41, DOI: 10.1017/S1537592714003119.
- Lux, S. T., Crook, T. R., Woehr, D. J. (2011) 'Mixing Business with Politics: A Meta-Analysis of the Antecedents and Outcomes of Corporate Political Activity', *Journal of Management*, 37(1), pp. 223–247, DOI: 10.1177/0149206310392233.
- March, J. G., Olsen, J. P. (1996) 'Institutional Perspective on Political Institutions', *Governance*, 9(3), pp. 247–264, DOI: 10.1111/j.14680491.1996.tb00242.x
- Nowell, L. S., Norris, J. M., White, D. E., Moules, N. J. 'Thematic Analysis: Striving to Meet the Trustworthiness Criteria', *International Journal of Qualitative Methods*, 16(1). DOI: 10.1177/1609406917733847.
- Stets, J. E., Burke, P. J. (2014) 'Emotions and Identity Nonverification', *Social Psychology Quarterly*, 77(4), pp. 387–410, DOI:10.1177/0146164214533708.
- Svulik, M. (2012) *The Politics of Authoritarian Rule*. Cambridge: Cambridge University Press, DOI:10.1017/CBO9781139176040.

Статья поступила в редакцию: 30.05.2023

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 11.07.2023

Статья принята к печати: 15.07.2023

THE ROLE OF IDENTITY IN ELITE INTERACTIONS: THE CASE OF CONFLICTS BETWEEN REGIONAL ENTREPRENEURS AND GOVERNORS IN RUSSIA

D. A. Stremoukhov

D. A. Stremoukhov, Senior Lecturer, Department of Political Science and International Affairs, St. Petersburg School of Social Sciences and Area Studies, HSE University, Russia.
E-mail: dstremoukhov@hse.ru (ORCID: 0000-0002-2515-0844. Researcher ID: AAD-1191-2020).

Abstract

The article explores the potential of the constructivist approach for understanding elite interactions in non-democratic political regimes by examining the case of public conflicts between regional entrepreneurs and governors in Russia. In conditions of weak property rights, conflicts with the authorities often threaten the existence of businesses and challenge the possibility of deriving material benefits from the positions of power held by entrepreneurs. Conflict behavior contradicts the imperatives of profit and rent maximization and often endangers the personal freedom of entrepreneurs, not to mention their business assets. The article examines the value of the concept of identity in explaining conflictual behavior, which can be considered as deviating from assumed economic rationality. Based on the methodology suitable for studying ideational factors of political outcomes and on the empirical material on conflicts between regional entrepreneurs and regional governors in Russia, it is shown that in the context where economy and politics are closely intertwined, assuming entrepreneurial identity and attributing economic rationality to business owners can be misleading. Salient political identities, formed by both formal and informal institutions, drive political action that cannot be reduced to rational choice models, and its goals contradict commonly assumed motives of profit and rent maximization.

Keywords: non-democratic politics; business political activity; identity; regional elites; regional politics; Russian regions; Russian politics.

УДК: 323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-3-33-44

УПРАВЛЕНИЕ ОХРАНОЙ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В РОССИИ: ДИНАМИКА ИНТЕНСИВНОСТИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

К. П. Турцева

Турцева Кристина Павловна, ассистент кафедры политических наук,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
E-mail: burdina.k@bk.ru (ORCID: 0000-0003-2109-7772).

Аннотация

Экологическое управление является одной из практик деятельности региональных органов власти по воздействию на различные категории природопользователей в целях изменения их поведения. Для количественной оценки качества экологического управления применяются различные методики, среди них – оценка интенсивности экологического регулирования, ориентированная на выявление эффективности применяемых государством ограничений или ответственности отдельных лиц, корпораций и других организаций с целью предотвращения ущерба окружающей среде или ее улучшения. Предпринята попытка адаптировать данный показатель к анализу природоохранной деятельности субъектов РФ и продемонстрировать, что на изменение его значения оказывают влияние степень проработки экологического законодательства регионов, реализация региональных государственных программ и экологическое сотрудничество между соседними субъектами РФ. Предлагается анализировать интенсивность экологического регулирования в российском контексте в качестве оценки результативности прямых мер региональных органов власти по предотвращению и ликвидации загрязнения окружающей среды.

Ключевые слова: региональная экологическая политика; региональное экологическое управление; интенсивность экологического регулирования; регионы России; региональное экологическое законодательство; государственные программы в сфере охраны окружающей среды; экологическое сотрудничество.

Хотя экологические вызовы можно рассматривать сквозь призму технических, административных или поведенческих аспектов, сейчас все большее внимание уделяется экологическому управлению как всеобъемлющему средству решения сложностей анализа данных проблем (Bennet, Satterfield, 2018). Экологическое управление представляет собой систему практик деятельности, оказывающих влияние на окружающую среду; правил и норм, регулирующих поведение природопользователей, а также включает в себя лиц, принимающих решения, процедуры их принятия и выполнения. Целью экологического управления является воздействие на индивидуальное поведение или коллективные действия во имя общественных экологических благ и связанных с ними социальных результатов (Armitage et al., 2008; Termeer, Dewulf, Van Lieshout, 2010).

Управление является одним из наиболее значимых аспектов, способных изменить качество окружающей среды, согласно некоторым исследованиям (Armitage, de Loë, Plummer, 2012; Lockwood et al., 2010; Ostrom, 1999).

Однако при измерении качества экологического управления мы сталкиваемся с проблемой его оценки. Исследователи отмечают нехватку всесторонних и практически применимых руководств, которые можно было бы использовать для оценки, разработки и анализа систем экологического управления (Newig, Fritsch, 2009; Bennet, Satterfield, 2018). В сформулированных исследователями методиках обычно анализируется один из аспектов качества управления, трудности возникают с демонстрацией причинно-следственных связей между процессами управления и экологическими результатами; связи между потенциалом управления, функционированием и эффективностью часто неясны (Bennet, Satterfield, 2018; Lindgren, Reed, Robson, 2021). Кроме того, предложенные качественные методы оценки не лишены субъективности, что требует обращения к более объективным количе-

ственным методам. Однако здесь также возникают сложности с выбором методики расчета, которая была бы широко применима и основана на доступных данных.

В связи с вышесказанным в данной работе мы представим анализ существующих подходов к оценке качества экологического управления и предпримем попытку адаптировать к российским условиям широко используемый в зарубежном опыте количественный показатель экологического управления, основанный на связи между потенциалом, процессом и результатами управления. Это позволит с помощью количественной методики оценки отследить вклад региональных органов власти в улучшение качества окружающей среды.

Теоретическая рамка исследования

Существуют разные подходы к определению качества экологического управления, основанные на его количественных и качественных характеристиках. Например, ученые, занимающиеся экологическим управлением, разработали теории в области адаптивного управления (Armitage, Berkes, Doubleday, 2010; Brunner, 2005; Folke et al., 2005), упреждающего управления (Boyd et al., 2015), институционального управления (Adger, Brown, Tompkins, 2005; Paavola, 2007), эффективного управления (Graham, Amos, Plumtree, 2003; Lockwood et al., 2010); многоуровневого экологического управления (Badenoch, 2001; Karkkainen 2004; Bulkeley, Betsill, 2003; Vogler, 2003; Newig, Fritsch, 2009; Paavola, 2016, Di Gregorio, 2019) и др. Некоторые авторы предлагают более комплексные подходы, основанные на интеграции нескольких аспектов управления. Это, например, трехмерная концепция Ньювига и Чалли, представляющая «успешное» экологическое управление как соединение трех аспектов, пересекающихся друг с другом: результативности, легитимности и справедливости (Newig, Challies, 2021). Или теория, анализирующая экологическое управление с точки зрения решения им четырех взаимосвязанных задач: быть эффективным, быть справедливым, быть гибким и быть надежным, которые следует рассматривать одновременно в институциональных, структурных и процедурных элементах (Bennet, Satterfield, 2018).

В целом разные исследователи придерживаются разных теорий управления и применения конкретных факторов или показателей, которые они предлагают. Представленные подходы опираются на качественные методы оценки экологического управления, которые, как было отмечено выше, не лишены субъективности.

Существуют также различные количественные методики, которые, с одной стороны, основаны на оценке затрат на регулирование, такие как инвестиции в борьбу с загрязнением окружающей среды и стоимость очистных сооружений (Deng et al., 2020), с другой – на эффектах регулирования для представления интенсивности регулирования окружающей среды (Huang et al., 2015). Интенсивность экологического регулирования применяется для оценки степени жесткости проводимых органами власти мер в отношении природопользователей, что проявляется в наложении ограничений или ответственности на отдельных лиц, корпорации и другие организации с целью предотвращения ущерба окружающей среде или ее улучшения.

В России на данный момент используется скорее первая методика (Спиридонова, 2020; Архипова, Печникова, 2022), которая не позволяет проследить процесс экологического управления, активность действий региональных органов власти в целях повышения качества окружающей среды, а также проанализировать эффективность принимаемых ими мер. Ввиду этого в данной работе мы сосредоточимся на эффектах регулирования, чтобы выявить, может ли интенсивность экологического регулирования отражать характер деятельности региональных органов власти по предотвращению или ликвидации загрязнения и что может являться показателями активности и эффективности принимаемых органами власти мер.

Однако в отношении измерения показателя «интенсивность экологического регулирования» есть некоторые разногласия среди исследователей.

На данный момент существует несколько следующих способов расчета интенсивности экологического регулирования (Wang, Yan, 2022; Hu et al.; 2019): через измерение количества промышленных экологических политик; через измерение отношения затрат на борьбу с загрязнением к объему промышленного производства или операционному доходу, используя доход на душу населения в каждой отрасли как меру интенсивности экологического регулирования; через измерение выбросов загрязняющих веществ в каждой отрасли; через измерение количества экологических норм; через измерение усредненной стоимости различных видов отходов для каждой единицы продукции, чтобы получить интенсивность экологических потерь обрабатывающих производств.

У каждого из данных способов свои ограничения. Основываясь на принципах соответствия российским условиям, сопоставимости и доступности данных, мы рассчитаем интенсивность экологического регулирования через измерение плотности выбросов загрязняющих веществ.

Такой способ измерения качества экологического управления ориентирован сразу на три его аспекта: на его «входные» условия, так как у регионов плотность выбросов отличается в связи с их отраслевой специализацией; на процесс экологического управления, то, как регионы вкладываются в изменение качества окружающей среды; и на эффекты регулирования.

Поскольку экологическое регулирование является одним из действенных способов повышения качества экологического управления, вопрос о факторах, способных оказать на него влияние, также может иметь важное значение.

Одним из факторов, оказывающих влияние на данный показатель, может являться наличие в государственных программах в области охраны окружающей среды мероприятий, связанных с борьбой с загрязнением атмосферного воздуха и сбросами сточных вод, так как они отражают активность органов в данных направлениях. С 2012 г. в большинстве регионов РФ началась реализация государственных программ в сфере охраны окружающей среды. При этом в большинстве из них брались за основу подпрограммы федеральной государственной программы «Охрана окружающей среды» (Турцева, 2022), где было отражено направление «Регулирование качества окружающей среды», предполагающее реализацию мероприятий по очистке сточных вод, реконструкции и капитальному ремонту гидротехнических сооружений, мониторингу атмосферного воздуха, решение проблем по расширению отчетности и ее контролю в отношении предприятий. Ввиду этого целесообразно проанализировать, какие мероприятия включаются в данные государственные программы, как в отчетах и докладах об экологической ситуации отражается их эффективность и каким образом это связано с динамикой интенсивности экологического регулирования.

Во-вторых, нормативно-правовое обеспечение деятельности региональных органов власти, по мнению М. И. Васильевой, является важной составляющей государственной экологической политики. «Актуальность этого направления объясняется как задачами развития положений федерального законодательства..., так и необходимостью решения ряда практических проблем в сфере управления охраной окружающей среды» (Васильева, 2005). На данный момент в части регионов России правовое экологическое регулирование носит «фрагментарный» характер (Барбашова, 2020). Иными словами, у регионов наблюдается разная глубина проработки нормативно-правовых актов в этой области. Таким образом, можно сформировать предположение, что большое количество нормативно-правовых актов в сфере охраны окружающей среды у субъектов РФ может свидетельствовать о заинтересованности органов власти в наличии экологического законодательства, затрагивающего все направления деятельности в этой сфере, которое приведет к более эффективной реализации полномочий. Напротив, большое количество внесенных изменений в законодательство может означать его изначальную непроработанность, низкое качество правового обеспечения деятельности.

В-третьих, совместное, скоординированное управление в области охраны окружающей среды может оказывать влияние на интенсивность экологического регулирования (Liu et al., 2022; Yang, Zhang, 2023). Есть некоторые подтверждения (Yang et al., 2020) влияния взаимодействия соседствующих друг с другом регионов на качество их экологической политики. Этот фактор измеряется через среднюю интенсивность экологического регулирования соседних регионов (Yang et al., 2020). Считается, что чем выше уровень экологического сотрудничества у соседних регионов, тем выше интенсивность экологического регулирования у анализируемого региона (Yang et al., 2020).

Таким образом, предполагается, что изменение значения показателя интенсивности экологического регулирования в регионах РФ может быть связано, во-первых, с эффективностью реализации в регионах государственных программ в сфере охраны окружающей среды в части мероприятий по борьбе с загрязнением атмосферного воздуха и сбросов сточных вод; во-вторых, с проработкой экологического законодательства в данной сфере; в-третьих, с уровнем их экологического сотрудничества.

Методика исследования

Формулу интенсивности экологического регулирования можно представить следующим образом (Yang et al., 2020):

1. Изначально рассчитывается интенсивность выбросов загрязняющих веществ региона i следующим образом:

$$P_{ijt} = \frac{T_{ijt}}{Y_{it}} / \frac{1}{n} \sum_{i=1}^n \frac{T_{ijt}}{Y_{it}},$$

где i, t, j – регион, год и загрязнитель соответственно; P_{ijt} – интенсивность выбросов загрязняющего вещества j в регионе i в течение года t ; T_{ijt} – суммарный сброс загрязняющего вещества j в регионе i в течение года t ; Y_{it} – стоимость валовой промышленной продукции в регионе i в течение года t ; n – количество единиц анализа. Более высокое значение P_{ijt} , особенно если оно превышает единицу, указывает на то, что выбросы загрязняющих веществ высокие из-за более мягкого экологического регулирования.

2. За основу мы берем два вида выбросов: выбросы от стационарных источников и сброс загрязненных сточных вод в поверхностные водные объекты, из-за того, что мы ограничены имеющимися данными на региональном уровне, единственными, которые отражают промышленное загрязнение. Ввиду этого, отдельно рассчитав данную формулу для каждого из них, рассчитываем их суммарную интенсивность:

$$P_{it} = 1/2(P_{i1t} + P_{i2t}),$$

где P_{it} – суммарная интенсивность выбросов загрязняющих веществ в регионе i в течение года t , измеренная по загрязнению сточных вод и выбросам от стационарных источников.

3. Далее рассчитывается непосредственно интенсивность экологического регулирования региона i :

$$ER_{it} = 1/P_{it},$$

где ER_{it} – интенсивность экологического регулирования в регионе i в течение года t . Более высокое значение ER_{it} указывает на то, что регионы достигают лучшего экологического управления за счет более строгого экологического регулирования; в противном случае экологические стандарты и интенсивность экологического регулирования ниже.

Значение интенсивности экологического регулирования будет рассчитано за два примерно равных промежутка времени 2004–2011 и 2012–2020 гг., чтобы выявить причины изменения ее значения и подтвердить указанные выше гипотезы. Будет рассмотрено несколько субъектов РФ, чтобы продемонстрировать факторы, которые предположительно могут оказать влияние на данный показатель.

Результаты исследования

На рис. 1 представлены две карты, отражающие средние значения интенсивности экологического регулирования за период с 2004 по 2011 г. и с 2012 по 2020 г. Чем ниже уровень интенсивности экологического регулирования, тем темнее цвет.

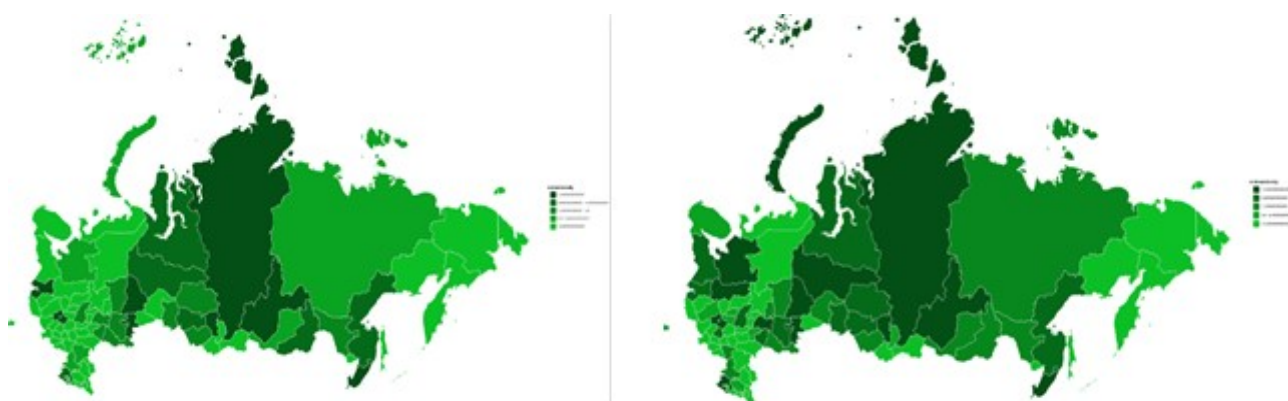

Рис. 1. Средние значения интенсивности экологического регулирования за период с 2004 по 2011 г. и с 2012 по 2020 г.

Статистические данные показывают, что в большинстве регионов динамика экологического регулирования остается стабильной, но есть и субъекты РФ, где показатель меняется.

В ряде регионов РФ ситуация улучшается, начиная с 2012 г. Можно привести примеры данных регионов: Республика Калмыкия, Астраханская область, Новгородская область, Республика Алтай, Республика Тыва, Магаданская область, Сахалинская область и др. Во всех данных регионах либо количество нормативно-правовых актов резко увеличивается после 2010 г., либо их изначально принимается много, согласно данным Министерства юстиции РФ¹. Кроме того, в каждом из представленных субъектов РФ реализуется государственная программа, включающая в себя подпрограммы по борьбе с загрязнением атмосферного воздуха или сбросов сточных вод. Данные направления в программах принимаются в зависимости от остроты загрязнения водных ресурсов или выбросов от стационарных источников.

Ухудшение значения показателя можно связать с нерешенностью проблем регионов в области охраны атмосферного воздуха и сбросов сточных вод и их постепенным нарастанием: например, в Удмуртской Республике, согласно государственной программе по охране окружающей среды², большее внимание уделяется проблеме сточных вод, нежели борьбе с загрязнением воздуха, в связи с этим выбросы от стационарных источников с каждым годом увеличиваются, также из года в год сохраняется проблема отсутствия станций наблюдения за состоянием атмосферного воздуха. В Северной Осетии – Алании, Республике Адыгея в докладах об экологической ситуации³ почти за каждый год указана проблема неудовлетворительного состояния очистных сооружений, но решается она частично (точечным капитальным ремонтом и реконструкцией) и, соответственно, это почти не оказывает влияния на выбросы загрязняющих веществ – они продолжают расти. Кроме того, в Республике Адыгея не на всех предприятиях проведена инвентаризация источников выбросов вредных веществ и имеются на них разрешения. Проводя анализ нормативно-правового обеспечения деятельности, отметим, что в субъектах РФ, где отмечается отрицательная динамика интенсивности экологического регулирования, наблюдается либо небольшое количество нормативно-правовых актов в сфере экологического законодательства, либо большее количество внесенных изменений, нежели основных документов, что подтверждает наши предположения относительно интерпретации данного показателя.

Безусловно, и социально-экономическое положение субъектов сыграло свою роль в данном процессе. В промышленных регионах и федеральных округах в целом показатель ниже. Например, один из самых благополучных федеральных округов – Северокавказский, в нем уровень интенсивности экологического регулирования значительно выше, чем в других, однако в большей степени это связано не с конкретными усилиями властей по улучшению ситуации и сдерживанию выбросов, а с их низким промышленным потенциалом, отсутствием крупных промышленных центров. И тем не менее в каждом из регионов данного федерального округа показатель со временем снижается. Кроме того, оказывает влияние и близость субъектов РФ друг к другу. Некоторые регионы (Республика Калмыкия) страдают из-за негативного влияния близлежащих территорий: водные объекты подвержены загрязнению с сопредельных территорий – Ставропольский край, Астраханская область, сказывается и влияние техногенных источников загрязнения – Волгоградской, Астраханской областей и Ставропольского края, на которых расположены предприятия топливно-энергетического, металлургического, химического и сельскохозяйственного комплексов. Иными словами, несмотря на прилагаемые усилия, из-за того, что в других регионах ситуация почти не меняется, возможно, улучшение качества среды происходит медленнее.

Далее был рассчитан уровень экологического сотрудничества регионов для проверки гипотезы о его влиянии на повышение качества экологического управления с 2004 по 2020 г. По результатам выявленной взаимосвязи между двумя переменными (рис. 2) можно судить, что экологическое сотрудничество играет одну из значимых ролей при повышении качества экологического управления (так как с увеличением качества экологического управления (*envirintens*) растёт и уровень экологического сотрудничества (*envircollab*)).

¹ Нормативно-правовые акты субъектов РФ [Электронный ресурс], *Министерство юстиции РФ*. URL: <https://pravosearch.minjust.ru/bigs/portal.html> (дата обращения: 22.05.2023).

² Об утверждении государственной программы Удмуртской Республики «Окружающая среда и природные ресурсы»: Постановление Правительства Удмуртской Республики от 01 июля 2013 г. № 272. URL: <https://docs.cntd.ru/document/463801895> (дата обращения: 22.05.2023).

³ Доклады об экологической ситуации в Республике Адыгея [Электронный ресурс]. URL: <http://www.adygheya.ru/ministers/departments/upravlenie-po-okhrane-okruzhayushchey-sredy-i-prirodnym-resursam/informatsi/doklady/> (дата обращения: 22.05.2023); Доклады об экологической ситуации в Республике Северная Осетия – Алания [Электронный ресурс]. URL: <http://mpr.alania.gov.ru/activity/statistics/state%20reports> (дата обращения: 22.05.2023).

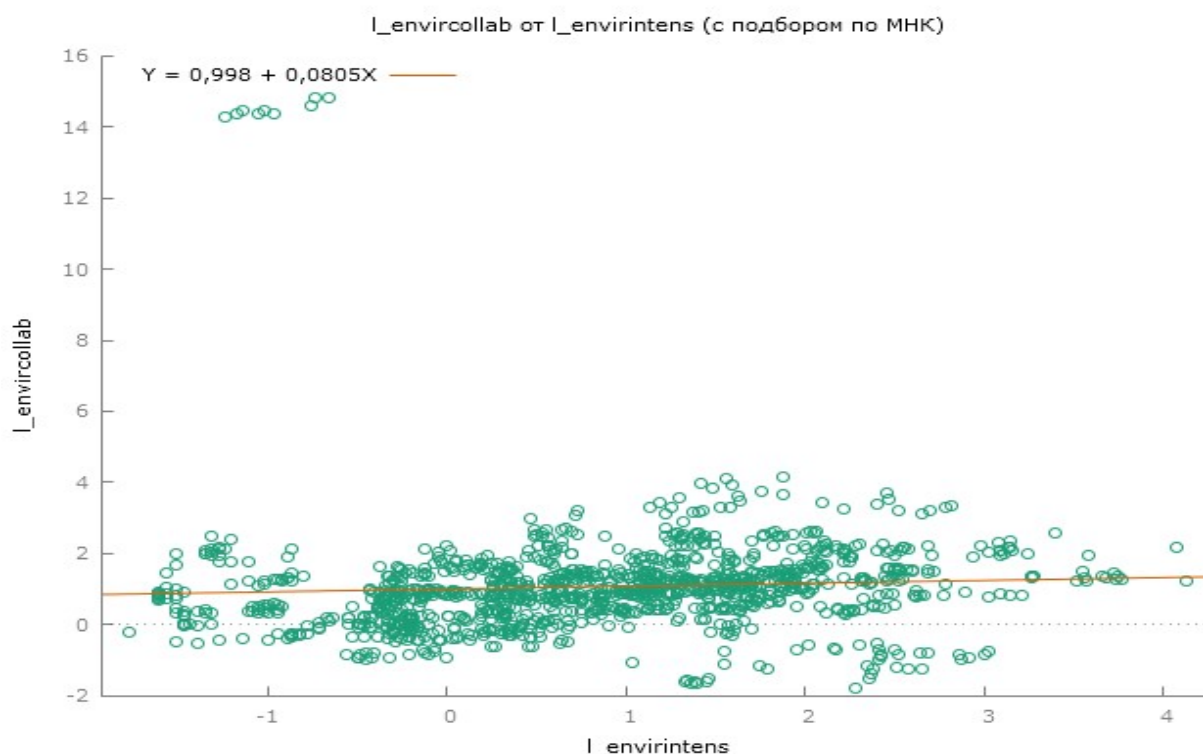

Рис. 2. График взаимосвязи качества экологического управления и уровня экологического сотрудничества регионов России за период с 2004 по 2020 г.

Отметим, что уровень экологического сотрудничества также свидетельствует о том, что географическое расположение регионов может отрицательно сказываться на активности властей в экологическом управлении, в том смысле, что, как оказалось, у соседствующих друг с другом регионов достаточно схожие показатели экологического регулирования с небольшим исключением. Например, в Приволжском федеральном округе большинство регионов не улучшают свои позиции на протяжении 16 лет, исключение составляет только Республика Чувашия, в которой отмечается положительная динамика качества экологического управления. Та же ситуация наблюдается и в Уральском федеральном округе, где только Курганская область незначительно улучшила свои позиции. В Сибирском федеральном округе близко друг к другу находятся субъекты с высоким уровнем интенсивности экологического регулирования – Республика Алтай и Республика Тыва, при этом они испытывают минимальное влияние со стороны своих соседей с низким уровнем интенсивности экологического регулирования, так как расположены на границе с другими странами.

Ввиду вышесказанного каждому региону необходимо преодолеть географические ограничения регионального экологического управления и создать механизм совместного управления.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что на интенсивность экологического регулирования могут оказывать влияние прямые меры властей по предотвращению загрязнения, отраженные в государственных программах, нормативно-правовое обеспечение деятельности, совместное управление окружающей средой, а также социально-экономическое положение субъекта РФ.

Для того чтобы исключить влияние социально-экономического развития субъектов РФ на данный показатель и проиллюстрировать его связь с принимаемыми региональными органами власти мерами, выделим два субъекта РФ с примерно одинаковыми социально-экономическими показателями, но разной динамикой интенсивности экологического регулирования за период с 2004 по 2020 г. (таблица).

Ключевыми показателями социально-экономического развития при анализе выступали уровень экономического роста и плотность населения, так как в некоторых исследованиях было установлено, что они могут оказывать влияние на качество экологического управления (Peng et al., 2018; Yang et al., 2020; Chow, Kennedy, 2012; Duan et al., 2020; Yang et al., 2012).

**Показатели социально-экономического развития
Астраханской области и Удмуртской Республики**

Показатель / Регион	Удмуртская Республика	Астраханская область
Среднее значение динамики интенсивности экологического регулирования (2004–2011 / 2012–2020)	3,76 / 1,96	2,41 / 3,44
Динамика интенсивности экологического сотрудничества соседних регионов (2004–2020)	Кировская область (2,03 / 1,78); Пермский край (0,72 / 0,85); Республика Татарстан (0,9 / 0,79); Республика Башкортостан (0,82 / 0,64)	Волгоградская область (1,22 / 1,74); Республика Калмыкия (14,04 / 18,25)
ВРП на душу населения (млн руб.)	675 952,3	526 950,9
Плотность населения	35,84	20,69

Кратко давая характеристику отраслевой специализации двух субъектов РФ, отметим, что в той или иной степени в каждом из объектов анализа присутствуют предприятия «грязных» производств: черной металлургии, металлообработки, стройиндустрии, энергетики, топливной и лесоперерабатывающей промышленности. Это свидетельствует о том, что в обоих регионах органам власти необходимо осуществлять активные меры для управления ситуацией и поддержания высокого качества атмосферного воздуха и водных ресурсов.

Как видно из таблицы, в соседних субъектах РФ, которые имеют границы с Удмуртской Республикой, исключая Пермский край, наблюдается отрицательная динамика интенсивности экологического регулирования, иными словами, качество экологического управления снижается. Обратная ситуация у соседей Астраханской области. Исследователи (Yang et al., 2020) связывают это с тем, что именно совместное управление соседствующих регионов приводит к повышению качества экологического управления и политики в целом каждого из них. Учитывая, что в анализе были использованы загрязняющие эмиссии (выбросы в атмосферный воздух или сбросы сточных вод) с отрицательными эффектами как на месте своего возникновения, так и в других юрисдикциях (Петренко, 2010; Segerson, 2020), можно отметить, что именно совместные усилия со стороны нескольких соседствующих друг с другом субъектов РФ играют значимую роль.

Переходя к анализу нормативно-правовых актов в сфере охраны окружающей среды (рис. 3, 4), обратим внимание, что в Удмуртской Республике, в связи с постоянным обновлением как федерального экологического законодательства, так и региональных нормативных актов, принимающихся в том числе из-за спешки и без детальной проработки их положений, были внесены многочисленные поправки в нормативные документы (с 2005 г. каждый год в документы вносятся изменения). Резкое увеличение нормативно-правовых актов наблюдается только с 2015 г. В Астраханской области количество нормативно-правовых актов в разы меньше, чем в Удмуртской Республике, согласно данным Министерства юстиции РФ. Возможно, в Астраханской области более ответственно подходят к разработке экологического законодательства, так как количество внесенных изменений в целом не превышает количества принятых документов. Кроме того, в Астраханской области принят общий закон «Об отдельных вопросах правового регулирования охраны окружающей среды и сохранения биологического разнообразия на территории Астраханской области»¹, включающий в себя информацию по каждому из направлений в области охраны окружающей среды (экологическое просвещение, загрязнение атмосферного воздуха, биоразнообразие, лесные отношения, особо охраняемые природные территории и т.д.), в частности полномочия региональных органов, цели направлений, мероприятия, регулирование выбросов и т.д. В Удмуртской Республике все нормативно-правовые акты разрозненные и, скорее всего, приняты ввиду необходимости исполнения федерального законодательства, что свидетельствует в пользу выраженной федеральной ориентации республики (Турцева, 2022).

¹ Об отдельных вопросах правового регулирования охраны окружающей среды и сохранения биологического разнообразия на территории Астраханской области: Закон Астраханской области от 19 нояб. 2014 г. № 77/2014-ОЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/423855820> (дата обращения: 26.05.2023).

Рис. 3. График распределения количества основных нормативно-правовых актов в Астраханской области и Удмуртской Республике с 2004 по 2020 г.

Рис. 4. График распределения количества изменений в нормативно-правовых актах в Астраханской области и Удмуртской Республике с 2004 по 2020 г.

Государственная программа в сфере охраны окружающей среды в Удмуртской Республике начала реализовываться с 2013 г. Объем финансирования направления, связанного с регулированием качества окружающей среды (большая часть – мероприятия по борьбе с загрязнением атмосферного воздуха), составляет 157 736,0 тыс. руб. с 2013 по 2025 г., по борьбе с загрязнением водных ресурсов – 1 724 964,1 тыс. руб.¹, хотя выбросов от стационарных источников больше². Усилия органов власти в области улучшения качества водных ресурсов сосредоточены в основном на точечной реконструкции и капитальном ремонте гидротехнических сооружений, что не является эффективным методом борьбы с предупреждением загрязнения окружающей среды. Слабая активность региональных органов власти подтверждается и в докладах о состоянии и об охране окружающей среды³: редко указываются конкретные действия, направленные на улучшение ситуации с загрязнением сточных вод или атмосферного воздуха. Соответственно, из года в год ситуация меняется незначительно. Наоборот, согласно докладам, наблюдается переход сточных вод на очистных сооружениях канализации из категории нормативно-очищенных в категорию недостаточно очищенных. Объем сточных вод, сбрасываемых без очистки, и объем нормативно-чистых вод остается примерно на том же уровне. Очаги загрязнения подземных вод приурочены к областям с высокой концентрацией промышленного производства, сельскохозяйственной и нефтедобывающей деятельности. В части городов до сих пор про-

¹ Об утверждении государственной программы Удмуртской Республики «Окружающая среда и природные ресурсы»: Постановление Правительства Удмуртской Республики от 01 июля 2013 г. № 272. URL: <https://docs.cntd.ru/document/463801895> (дата обращения: 22.05.2023).

² Регионы России. Социально-экономические показатели, *Росстат*. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 22.05.2023).

³ Государственные доклады «О состоянии и об охране окружающей среды Удмуртской Республики» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.minpriroda-udm.ru/deyatelnost/2018-04-20-10-19-50.html> (дата обращения: 22.05.2023).

водятся либо эпизодические наблюдения за состоянием атмосферного воздуха (г. Сарапул), либо они и вовсе прекращены (г. Глазов) ввиду отсутствия финансирования. В целом, опираясь на вышеуказанные документы, можно говорить о неэффективном экологическом управлении в регионе.

В государственной программе «Охрана окружающей среды Астраханской области»¹ от 2014 г. меры по борьбе с загрязнением атмосферного воздуха не указаны, большое внимание уделяется проблеме водных ресурсов. Однако в докладах об экологической ситуации² подробно освещаются меры по борьбе с загрязнением атмосферного воздуха (разработка и утверждение программы производственного экологического контроля по каждой конкретной площадке и месту нахождения объекта, оказывающего негативное воздействие на окружающую среду; осуществление мониторинга загрязняющих веществ в атмосферном воздухе и т.д.). Предприятиями Астраханской области в целях повышения эффективности принимаемых решений относительно регулирования выбросов загрязняющих веществ закуплены передвижные экологические лаборатории, большинством из них выполнены в полном объеме программы производственного экологического мониторинга. Министерство природных ресурсов области также активно занимается мониторингом водных объектов реки Волги, постоянным лабораторным контролем за водными объектами и качеством воды. Для исключения загрязнения подземных вод при разработке проектов обязательно предусматриваются мероприятия по запрету сброса сточных вод на прилегающую территорию. Используются альтернативные методы обеззараживания очищенных сточных вод.

Иными словами, можно сделать вывод о том, что качество экологического управления в Астраханской области напрямую связано с активностью и результативностью мер региональных органов по борьбе с загрязнением окружающей среды, а также совместными усилиями нескольких соседствующих регионов, в противовес властям Удмуртской Республики. Однако учитывая незначительное повышение уровня интенсивности экологического регулирования в Астраханской области, нельзя судить о наличии высокого уровня качества регионального экологического управления.

Выводы и дискуссия

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что показатель интенсивности экологического регулирования в российском контексте может означать активность региональных органов власти в плане ликвидации загрязнения, то есть прямые меры по повышению качества окружающей среды и их эффективность, в отличие от зарубежной практики его использования, где он означает степень «жесткости» или «мягкости» экологического регулирования, проявляющаяся в ограничении предприятий с целью изменения условий среды. Кроме того, в России повышение значения данного показателя с течением времени можно связать с качественной реализацией государственных программ в области охраны окружающей среды, высокой степенью проработки экологического законодательства, а также высоким уровнем экологического сотрудничества соседних регионов.

Однако нельзя игнорировать определенные ограничения при использовании данного показателя. Его можно применять к интерпретации влияния властей только на снижение ограниченного количества видов выбросов на региональном уровне ввиду отсутствия данных по всем загрязнителям. Обратим внимание и на то, что его необходимо анализировать в динамике, чтобы минимизировать влияние социально-экономического развития регионов РФ. Научный интерес также представляет анализ влияния данного показателя на степень интенсивности взаимодействия между региональными властями и другими уровнями публичной власти и негосударственными акторами в рамках имеющихся технологий и институтов взаимодействия, так как было выявлено, что экологическое сотрудничество является одним из значимых факторов повышения качества экологической политики.

¹ О государственной программе «Охрана окружающей среды Астраханской области»: Постановление Правительства Астраханской области от 12 сент. 2014 г. № 389-П. URL: <https://docs.cntd.ru/document/430503920> (дата обращения: 22.05.2023).

² Доклады об экологической ситуации в Астраханской области [Электронный ресурс]. URL: <https://nat.astrobl.ru/docs/document-16g5-70a2c-14e-54e?ysclid=li75atztl396066981> (дата обращения: 22.05.2023).

Список литературы / References

- Архипова, Н. В., Печникова, А. Г. (2022) 'Анализ инвестиционных вложений в экологию регионов', *Известия ВУЗов ЭФУ*, 2(52), сс. 75–81. [Arkhipova, N. V., Pechnikova, A. G. (2022) 'Analysis of investment investments in the ecology of the regions' [Analiz investitsionnykh vlozhenii v ekologiyu regionov], *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Seriya: Ekonomika, finansy i upravlenie proizvodstvom*, 2(52), pp. 75–81. (In Russ.)].
- Барбашова, Н. В. (2020) 'Проблемы правового регулирования экологических отношений в субъектах Российской Федерации', *Электронное приложение к Российскому юридическому журналу*, 6, сс. 76–84. [Barbashova, N. V. (2020) 'Problems of legal regulation of environmental relations in the constituent entities of the Russian Federation' [Problemy pravovogo regulirovaniya ekologicheskikh otnoshenii v sub"ektakh Rossiiskoi Federatsii], *Electronic supplement to "Russian juridicial journal"*, 6, pp.76–84. (In Russ.)].
- Васильева, М. И. (2005) 'Закон субъекта Российской Федерации об охране окружающей среды: опыт правового моделирования', *Законодательство и экономика*, 11, сс. 75–87. [Vasil'eva, M. I. (2005) 'The law of the constituent entity of the Russian Federation on environmental protection: the experience of legal modeling' [Zakon sub"ekta Rossiiskoi Federatsii ob okhrane okruzhayushchei sredy: opyt pravovogo modelirovaniya], *Zakonodatel'stvo i ekonomika*, 11, pp. 75–87. (In Russ.)].
- Петренко, С. Ю. (2010) 'Экологический федерализм и устойчивый экономический рост региона', *Стратегия и механизмы регулирования промышленного развития*, 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskii-federalizm-i-ustoychivyy-ekonomicheskii-rost-regiona> (дата обращения: 24.05.2023). [Petrenko, S. Yu. (2010) 'Ecological federalism and sustainable economic growth of the region' [Ekologicheskii federalizm i ustoichivyi ekonomicheskii rost regiona], *Strategiya i mekhanizmy regulirovaniya promyshlennogo razvitiya*, 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/eko> logicheskii-federalizm-i-ustoychivyy-ekonomicheskii-rost-regiona (Accessed: 24 мая 2023) (In Russ.)].
- Спиридонова, А. В. (2020) 'Экологическое инвестирование в российской федерации: теоретико-правовой подход', *Вестник ЮУрГУ. Серия: Право*, 1, сс. 72–79. [Spiridonova, A. V. (2020) 'Environmental investment in the Russian Federation: theoretical and legal approach' [Ekologicheskoe investirovanie v rossiiskoi Federatsii: teoretiko-pravovoi podkhod], *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 1, pp. 72–79. (In Russ.)].
- Турцева, К. П. (2022) 'Векторы разработки региональной экологической политики в России: анализ государственных программ', *Вестник Пермского университета. Политология*, 16(3), сс. 27–40. [Turtseva, Ch. P. (2022) 'Vectors of the Russian regional environmental policy design: state programs analysis' [Vektory razrabotki regional'noi ekologicheskoi politiki v Rossii: analiz gosudarstvennykh programm], *Bulletin of Perm University. Political Science*, 16(3), pp. 27–40. (In Russ.)].
- Adger, W. N., Brown, K., & Tompkins, E. L. (2005) 'The political economy of cross-scale networks in resource co-management', *Ecology and Society*, 10.
- Armitage, D., Berkes, F., & Doubleday, N. (2010) *Adaptive co-management: Collaboration, learning, and multi-level governance*. Vancouver, BC: UBC Press.
- Armitage, D., de Loë, R., & Plummer, R. (2012) 'Environmental governance and its implications for conservation practice', *Conservation Letters*, 5, pp. 245–255.
- Armitage, D., Plummer, R., Berkes, F., Arthur, R. I., Charles, A., Davidson-Hunt, I. J., Wollenberg, E. K. (2008) 'Adaptive co-management for social-ecological complexity', *Frontiers in Ecology and the Environment*, 7, pp. 95–102.
- Badenoch, N. (2001) *Transboundary Environmental Governance*. Washington, DC: World Resources Institute.
- Boyd, E., Nykvist, B., Borgström, S., & Stacewicz, I. A. (2015) 'Anticipatory governance for social-ecological resilience', *Ambio*, 44, pp. 149–161.

- Brunner, R. D. (2005) *Adaptive governance: Integrating science, policy, and decision-making*. New York: Columbia University Press.
- Bulkeley, H., Betsill, M. (2003) *Cities and climate change: Urban sustainability and global environmental governance*. London: Routledge.
- Chow, J. K. F., Kennedy, K. J. (2012) 'Citizenship and governance in the Asian region: Insights from the international civic and citizenship education study', *Public Organ. Rev.*, 12, pp. 299–311.
- Deng, J., Zhang, N., Ahmad, F., Draz, U. M. (2019) 'Local government competition, environmental regulation intensity and regional innovation performance: An empirical investigation of Chinese Provinces', *Int. J. Environ. Res. Public Health*, 16. DOI: 10.3390/ijerph16122130.
- Di Gregorio M., Fatorelli L., Paavola J., Locatelli B., Pramova E., Nurrochmat D., May P., Sari I., Kusumadewi S., Brockhaus M. (2019) 'Multi-level Governance and Power in Climate Change Policy Networks', *Global Environmental Change*, 54, pp. 64–77.
- Duan, X., Dai, S., Yang, R., Duan, Z., Tang, Y. (2020) 'Environmental collaborative governance degree of government, corporation, and public', *Sustainability*, 12(3), pp. 1–14.
- Folke, C., Hahn, T., Olsson, P., & Norberg, J. (2005) 'Adaptive governance of social-ecological systems', *Annual Review of Environment and Resources*, 30, pp. 441–473.
- Graham, J., Amos, B., & Plumtree, T. (2003) *Governance principles for protected areas in the 21st century*. Ottawa, ON: Institute on Governance, Parks Canada, and CIDA.
- Hooghe, L., Marks, G. (2001) *Types of Multi-Level Governance and European Integration*. Rowan and Littlefield Publishers: Lanham, MD, USA.
- Hu, J., Wang, Z., Huang, Q., Zhang, X. (2019) 'Environmental Regulation Intensity, Foreign Direct Investment, and Green Technology Spillover—An Empirical Study', *Sustainability*, 11. DOI: 10.3390/su11102718.
- Huang, Z., He, C., Yang, F., Zhou, Y. (2015) 'Environmental regulation, geographic location and growth of firms' productivity in China', *Acta Geogr. Sin.*, 70, pp. 1581–1591.
- Karkkainen, B. (2004) 'Post sovereign environmental governance', *Global Environmental Politics*, 4(1), pp. 72–96.
- Liu, J., Xie, J. (2020) 'Environmental regulation, technological innovation, and export competitiveness: An empirical study based on China's manufacturing industry', *Int. J. Environ. Res. Public Health*, 17, DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph17041427>.
- Liu, X., Ren, N., Ge, J., Liao, S., Pang, L. (2022) 'Heterogeneous and synergistic effects of environmental regulations: Theoretical and empirical research on the collaborative governance of China's haze pollution', *Journal of Cleaner Production*, 350, DOI: 10.1016/j.jclepro.2022.131473.
- Lockwood, M., Davidson, J., Curtis, A., Stratford, E., Griffith, R. (2010) 'Governance principles for natural resource management', *Society and Natural Resources*, 23, pp. 986–1001.
- Newig, J., Challies E. (2021) 'Assessing 'success' of environmental governance: How to define effectiveness, legitimacy and justice?' URL: <https://sustainability-governance.net/2021/04/12/assessing-success-of-environmental-governance-how-to-define-effectiveness-legitimacy-and-justice/> (Accessed: 18.06.2023).
- Newig, J., Fritsch, O. (2009) 'Environmental governance: Participatory, multi-level - And effective?', *Environmental Policy and Governance*, 19, pp. 197–214.
- Newig, J., Fritsch, O. (2009) 'Environmental governance: Participatory, multi-level - And effective?', *Environmental Policy and Governance*, 19, pp. 197–214.
- Ostrom, E. (1999) 'Coping with tragedies of the commons', *Annual Review of Political Science*, 2, pp. 493–535.
- Paavola, J. (2007) 'Institutions and environmental governance: A reconceptualization', *Ecological Economics*, 63, pp. 93–103.
- Paavola, J. (2016) 'Multi-Level Environmental Governance: Exploring the economic explanations', *Env. Pol. Gov.*, 26, pp.143–154. DOI: 10.1002/eet.1698.
- Peng, B., Li, Y., Wei, G., Elahi, E. (2018) 'Temporal and spatial differentiations in environmental governance', *Int. J. Environ. Res. Public Health*, 15. DOI: 10.3390/ijerph15102242.
- Segerson, K. (2020) 'Local Environmental Policy in a Federal System: An Overview', *Agri-*

- cultural and Resource Economics Review*, 49 (2), pp. 196–208.
- Shen, J., Wei, Y.D., Yang, Z. (2017) 'The impact of environmental regulations on the location of pollution-intensive industries in China', *J. Clean. Prod.*, 148, pp. 785–794.
- Termeer, C., Dewulf, A., & Van Lieshout, M. (2010) 'Disentangling scale approaches in governance research: Comparing mono-centric, multilevel, and adaptive governance', *Ecology and Society*, 15(29).
- Vogler, J. (2003) 'Taking Institutions Seriously: How Regime Analysis can be Relevant to Multilevel Environmental Governance', *Global Environmental Politics*, 3(2), pp. 25–39.
- Wang, L., Yan, Y. (2022) 'Environmental Regulation Intensity, Carbon Footprint and Green Total Factor Productivity of Manufacturing Industries', *Int J Environ Res Public Health*, 19(1). DOI: 10.3390/ijerph19010553.
- Yang, L., Zhang, L. (2023) 'Collaborative Governance and Environmental Regulation Measures for Pollution Reduction and Carbon Reduction in the Yangtze River Basin under the "Double Carbon" Goal', *Sustainability*, 15(6). DOI: 10.3390/su15065094.
- Yang, J, Xue, D, Huang, G. (2020) 'The Changing Factors Affecting Local Environmental Governance in China: Evidence from a Study of Prefecture-Level Cities in Guangdong Province', *Int J Environ Res Public Health*, 17(10). DOI: 10.3390/ijerph17103573.
- Yang, L., Yuan, S., Sun, L. (2012) 'The Relationships between Economic Growth and Environmental Pollution Based on Time Series Data? An Empirical Study of Zhejiang Province', *Journal of Cambridge Studies*, 7(1), pp. 33–42.

Статья поступила в редакцию: 10.05.2023

Статья принята к печати: 20.06.2023

ENVIRONMENTAL GOVERNANCE IN RUSSIA: DYNAMICS OF THE INTENSITY OF ENVIRONMENTAL REGULATION

K. P. Turceva

K. P. Turceva, Assistant of the Department of Political Sciences,
Perm State University.

E-mail: burdina.k@bk.ru (ORCID: 0000-0003-2109-7772).

Abstract

Environmental governance is one of the practices of the regional authorities' activities to influence various categories of nature users in order to change their behavior. Various methods are used to quantify the process of environmental governance, among which is the assessment of the intensity of environmental regulation, focused on identifying the degree of activity and effectiveness of measures taken by the state to prevent damage to the environment. In this paper, we will attempt to adapt this indicator to the analysis of the environmental activities of the constituent entities of the Russian Federation. Furthermore, we will try to demonstrate that the change in its value is influenced by the degree of development of regional environmental legislation, the effectiveness of the implementation of regional state programs and environmental cooperation between neighboring regions. It is proposed to analyze the intensity of environmental regulation in the Russian context as an assessment of the effectiveness of direct measures of regional authorities to prevent and eliminate environmental pollution.

Keywords: regional environmental policy; regional environmental governance; intensity of environmental regulation; regions of Russia; regional environmental legislation; state programs in the field of environmental protection; environmental collaboration.

УДК: 323(470+571)

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-3-45-55

ЦЕЛИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: МНОГОУРОВНЕВАЯ ПОЛИТИКА И КОНФИГУРАЦИЯ АКТОРОВ

Ю. С. Маркова, М. В. Иsobчук

Маркова Юлия Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, философско-социологический факультет,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
E-mail: julyamarkova@gmail.com (ORCID: 0000-0002-6271-9403. Researcher ID: ABG-6689-2021).

Иsobчук Мария Вячеславовна, ассистент кафедры политических наук, историко-политологический факультет,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
E-mail: isobchuk.mary@gmail.com (ORCID: 0000-0002-1204-4313. Researcher ID: W-1549-2017).

Аннотация

Одним из базовых направлений российской и мировой политики является реализация Концепции устойчивого развития. Сформулированная ООН Концепция локализуется на национальном уровне и, в частности в РФ, имеет форму Целей устойчивого развития. Сама же специфика сформулированных целей предполагает включенность в их достижение целого ряда как политических, так и экономических и общественных акторов. Из этого следует, что ЦУР как таковые представляют собой пример многоуровневой политики в современной РФ. Однако институциональный, политико-культурный и другие аспекты современной политической системы РФ накладывают некоторые ограничения на реализацию проектов многоуровневой политики. Цель данной статьи – проанализировать реализацию ЦУР в контексте многоуровневой политики с точки зрения субъектно-акторного состава их исполнителей и интересантов, а также моделей взаимоотношений между этими акторами. Исследование было проведено в стратегии кейс-стади посредством изучения реализации ЦУР в двух муниципалитетах Пермского края: Краснокамском и Нытвенском городских округах. Учитывая специфику предметного поля, в качестве основных источников данной статьи авторы взяли результаты серии глубинных интервью с представителями муниципальной власти и организаций гражданского общества в муниципалитетах. Всего было проведено и проанализировано 19 интервью. В результате исследования охарактеризованы субъектность и функционал конкретных акторов ЦУР. Установлено, что ключевыми акторами являются надлокальные и муниципальные органы власти, бизнес и НКО, в то время как СМИ и общественность выступают скорее в качестве ресурса, вовлекаемого в реализацию ЦУР перечисленными акторами. Сформулированы две модели взаимоотношений акторов реализации ЦУР в муниципалитетах: координирующая и внедряющая. Продемонстрировано, что вариативность моделей обусловлена политическими, административными и другими условиями в локалитетах. Также подтверждена гипотеза о том, что реализацию многоуровневой политики в РФ во многом затрудняют институциональные, ресурсные и организационные барьеры.

Ключевые слова: устойчивое развитие; ESG; Цели устойчивого развития; многоуровневая политика; многоуровневое управление; местное самоуправление; гражданское общество.

Как отмечают исследователи, «суть концепции устойчивого развития заключается в том, что рост экономики на страновом и глобальном уровне должен вписываться в пределы ресурсных и экологических возможностей планеты» (Цитленок и др., 2019: 10). В частности, к таковым ресурсным возможностям относятся параметры человеческого развития, социальной политики, политики в области формирования благоприятной социальной и экологической среды и т.д. Предполагается, что совместная включенность всех уровней политики – от наднациональных до локальных – позволит ускорить решение глобальных проблем человечества (ООН). Ввиду этого устойчивое развитие долж-

но являться одним из определяющих векторов развития и функционирования политики на любом уровне.

Цели устойчивого развития в их глобальном выражении определяются программой ООН в реализации устойчивого развития на период 2015–2030 гг. (ООН, 2015). Программа ООН носит скорее рамочный и рекомендательный характер, в то время как конкретные нормативно-правовые акты ее реализации определяются на национальном уровне (Бобылев, Соловьева, 2017). Как отмечают В. С. Цитленок и соавторы, «безальтернативность процесса перехода к экономике устойчивого развития стала импульсом к принятию Комиссией по проблемам устойчивого развития Государственной думы Российской Федерации в 2002 г. проекта “Стратегия устойчивого развития России”, в котором были определены цели, задачи и этапы трансформации российской экономики в устойчивую» (Цитленок и др., 2019: 10). В РФ задачи ЦУР закреплены также в Указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (Майский указ – 2018) и в действующих государственных программах РФ и конкретных задачах ЦУР (Сахаров и Колман, 2019).

Вместе с тем сама специфика Целей устойчивого развития предполагает не столько директивные меры национальных органов власти, сколько формирование осознанного сообщества, заинтересованного в решении обозначенных проблем (ООН, 2020). Участником данного сообщества при этом может являться неограниченный круг акторов различного типа от транснациональных корпораций до малых ассоциаций гражданского общества. Однако в российском контексте включенность и автономность негосударственных акторов в решении проблематики устойчивого развития остаются спорными (Тяглов, 2014: 180). Целью данной статьи является определение вариативности конфигурации акторов в реализации ЦУР в Пермском крае на муниципальном уровне. Предполагается, что уровень и качество включенности различных акторов (органы государственной власти, МСУ, ГО и пр.) позволяют реализовывать крупномасштабные политические и управленческие проекты с учетом локальных особенностей их реализации.

Данная проблематика также приобретает свою значимость в контексте анализа эффективности институтов федерализма (Blair, 1988) в современной РФ в условиях существующего политического режима. Несмотря на тот факт, что к концу 1990-х гг. многие исследователи отмечали значительные перспективы РФ в сфере выстраивания эффективных федеративных институтов (например, Kempton, 2001), уже к середине 2000-х гг. становится очевидным факт доминирования федерального центра и выстраивания «вертикали» взаимодействий Центра и субнациональных уровней власти (Vahry, 2005). Как отмечает Е. Журавская, одним из последствий данного политико-институционального решения является неадекватное предоставление общественных благ при отсутствии подотчетности органов местного самоуправления местному населению (Zhuravskaya, 2010). В то же время одной из ключевых задач ЦУР в контексте многоуровневого управления является решение данной проблемы. Предполагается, что исследование также поможет проанализировать изменения федеративной системы в РФ с учетом внедрения новых институционализированных практик.

Цели устойчивого развития как пример реализации многоуровневой политики в РФ

В качестве теоретической основы исследования в статье выступает концепция многоуровневой политики, разработанная Л. Хуг и Г. Марксом. Согласно определению, разработанному ими, многоуровневое управление есть комплекс паттернов взаимодействия формальных институтов и неформальных сетей в реализации управления (Hooghe & Marks, 2003: 233). Как отмечают Н. В. Борисова и П. В. Панов, «основная идея этой концепции – описание и анализ процесса формулирования и реализации политических курсов под углом зрения включенности в него акторов разного уровня (национальных, региональных, локальных) и разного типа (государственных и негосударственных)» (Борисова, Панов, 2022: 155).

В основе многоуровневого управления лежат две логики (Hooghe et al., 2020). Первая, функционалистская предполагает, что общественным благом (а проблематика, заложенная в ЦУР, представляется таковым) следует распоряжаться в пределах того уровня управления, который обладает необходимой информацией о его специфике, а также требуемым уровнем ресурсов. Таким образом, решение локальных проблем (например, формирование благоприятной городской среды) должно быть сосредоточено на локальном уровне. Вторая, идентитарная предполагает, что стимулирование самоуправления посредством включения акторов различного типа, заинтересованных в развитии общества, позволяет сформировать устойчивую самовоспроизводящуюся систему управления. Так,

видение проблемы не только органами власти различного уровня, но и непосредственными потребителями общественного блага позволит повысить эффективность распоряжения ресурсами. Так или иначе, обе логики периодически находят свое отражение в конкретных программах реализации ЦУР.

Л. Хуг и Г. Маркс выделяют две классические модели многоуровневого управления. В первом случае, система хоть и децентрализована, вместе с тем территориальная иерархия сохраняется, полномочия четко закреплены между субъектами. Примером реализации данной модели может являться федерализм. Таким образом в управлении задействовано несколько уровней органов власти, которые, взаимодействуя друг с другом, реализуют управление. Другой моделью многоуровневого управления является модель, в которой задействованы не только органы власти, но и другие публичные агенты (НКО, экспертные сообщества и пр.). При этом полномочия каждого агента гибки в зависимости от условий, а иерархия между ними отсутствует.

Несмотря на тот факт, что исследователями отмечается предпочтительность второй модели, реализация последней вызывает значительные затруднения (Stephenson, 2013). Вместе с тем ее проявления мы однозначно можем обнаружить в российском контексте. Как отмечает К. А. Сулимов, «несмотря на то, что центральная власть в России представляет собой, в некотором смысле, противостоящую многоуровневости инстанцию, стягивающую на себя все узлы решений, стремящуюся стать фокальной точкой для всего, что “снизу”, “сверху” и “вовне”, тем не менее многоуровневость работает помимо этих предпочтений» (Сулимов, 2019: 388).

Цели устойчивого развития РФ вместе с тем являются примером проекта многоуровневого управления, на основе которого возможно проследить реализацию многоуровневой политики в РФ и охарактеризовать конфигурацию акторов в рамках нее. С учетом логики теории многоуровневого управления, полученные данные, в свою очередь, также позволят проанализировать текущее состояние федерализма в государстве.

Многоуровневая политика и ее акторы: методология и методы исследования

Методология настоящего исследования выстроена в стратегии кейс-стади. По критерию объекта исследования применен классический вариант организационного кейс-стади: кейс-стади населенного пункта. По критерию количества кейсов и количества единиц анализа выбор сделан в пользу множественно-составного кейс-стади.

В качестве кейсов отобраны два муниципалитета Пермского края: Краснокамский городской округ и Нытвенский городской округ. Логика построения выборки была нацелена на бинарное сравнение, позволяющее выявить как общие, так и специфические черты муниципалитетов в реализации многоуровневой политики в области устойчивого развития и роли в ней разнообразных социальных акторов. Бинарная логика отразила исследовательскую ориентацию на поиск типичных для российских муниципалитетов закономерностей в построении многоуровневой политики, но с учетом локальных исторических, политических, социокультурных особенностей развития территориальных социумов. Методика отбора кейсов строилась на основе целенаправленной выборки, ориентированной на отбор информационно богатых случаев. С одной стороны, согласно данным официальной статистики, отобранные муниципальные образования характеризуются наличием ряда острых проблем, препятствующих устойчивому развитию (например, в сфере экологии для обоих муниципальных образований характерно низкое качество питьевой воды, в сфере обустройства городской среды – наличие аварийного жилищного фонда, недостаток социально значимых объектов инфраструктуры и др.). С другой стороны, оба муниципалитета реализуют программы по реализации принципов устойчивого развития.

Следуя требованиям методологической триангуляции в исследовании территорий, авторы использовали совокупность методов сбора данных: анализ документов, экспертные и глубинные интервью. С учетом проблематики, основными материалами для данной статьи послужили результаты глубинных интервью с представителями муниципальной власти и организаций гражданского общества в отобранных муниципалитетах. Информантами являлись: а) заместители глав муниципалитетов, депутаты, руководители и специалисты отделов и управлений по благоустройству, жилищно-коммунальному хозяйству, экономическому развитию, экологии и природопользованию, б) представители местных общественных организаций и фондов. Общее количество информантов составило 19 человек.

Методика глубинных интервью была построена по классической схеме: путеводитель (гайд) включал серию grand-тур вопросов и запланированных вопросов-подтолкиваний к ним, объединен-

ных в тематические блоки; по ходу интервью интервьюерами-исследователями задавались дополнительные уточняющие («незапланированные») вопросы. Тематические блоки путеводителя охватывали три направления: 1) восприятие устойчивого развития и его целей; 2) особенности политики по реализации целей устойчивого развития (взаимосвязь с региональными и федеральными программами, учет потребностей территории, барьеры и возможности); 3) акторы и стейкхолдеры политики по реализации целей устойчивого развития (роль бизнеса, общественных объединений, СМИ, экспертного и научного сообществ). Длительность интервью в среднем составляла 40–60 минут. Запись интервью производилась на диктофоны, затем в целях дальнейшего анализа были подготовлены транскрипты интервью. В описании представленных в статье результатов исследования приведены и выделены курсивом оригинальные цитаты информантов, с указанием в скобках ссылки на номер транскрипта интервью (И. №).

В качестве основной гипотезы, исследуемой в данной статье, выступило предположение, что в муниципалитетах наличествует широкий состав разнообразных негосударственных акторов, образующих структуру гражданских, экспертных и бизнес-сообществ, но их включенность в политику по реализации целей устойчивого развития пока находится на невысоком уровне и ограничивается: 1) институциональными барьерами (слабыми каналами взаимодействия с представителями органов власти); 2) нехваткой знаний и навыков по реализации проектной деятельности в рамках политики по достижению целей устойчивого развития; 3) ресурсными дефицитами (финансовыми, кадровыми и др.).

Конфигурация акторов многоуровневой политики в муниципалитетах

В результате проведенного исследования на основании эмпирического материала был выявлен субъектно-акторный состав реализации Целей устойчивого развития в Пермском крае, конфигурация акторов и механизмы их взаимодействия. На каждом из данных пунктов следует остановиться более подробно.

Субъектно-акторный состав реализации ЦУР. Субъектно-акторный состав реализации ЦУР в целом по своему перечню аналогичен реализации большинства политических процессов в современной РФ. Среди субъектов можно выделить следующие: надлокальные государственные органы власти (федеральные и региональные органы власти), муниципальные органы власти, заинтересованные коммерческие предприятия (бизнес), «третий сектор» (НКО и пр.), СМИ и общественность. Однако их роль в реализации ЦУР достаточно вариативна.

1. *Надлокальные государственные органы власти.* К таковым, как уже было отмечено, прежде всего относятся федеральные и региональные органы власти. В рамках ЦУР они, в свою очередь, выполняют такие функции, как формирование управленческого курса и его нормативное подкрепление, финансирование проектов и надзор за их реализацией. Взаимодействие реализуется напрямую с ответственными органами муниципальной власти. Данное взаимодействие является двунаправленным и подразумевает как взаимоотношения снизу вверх посредством финансирования и поддержки проектов и инициатив муниципалитета, так и взаимоотношения сверху вниз посредством осуществления контроля за реализацией экологической политики. С другими акторами ЦУР на локальном уровне взаимодействие данных акторов минимизировано. Что же касается эффективности данного взаимодействия, информанты отмечают недостаток не только финансовой, но и организационной поддержки со стороны федерального и регионального центров:

«невозможно сразу охватить весь этот объем. Невозможно. То есть вот я уже говорил, сто свалок, несанкционированных свалок, которые есть... и то денег, которые вот есть в бюджете Краснокамского городского округа и которые Министерство Пермского края нам выделяет, ... не хватает все равно» (И. № 10);

«государство и регионы – они готовы помогать, но, как сказать, всплывают такие нюансы, которые вроде бы мы тут помогли, но опять: а правомерно ли помогли, а по целевому ли, значит, направленно использованы деньги, а что является целевым, а что нецелевым, и вот такие вопросы, они, конечно, возникают» (И. № 11).

2. *Муниципальные органы власти.* В ходе исследования к данному типу акторов причислены все административные органы исполнительной власти на локальном уровне. Однако следует отметить, что данные акторы отнюдь не гомогенны. Так, в реализации экологической политики задействованы как органы исполнительной (глава городского округа, администрация городского округа), так и органы законодательной власти (легислатура городского округа), которые зачастую могут пре-

следовать различные цели, что существенным образом сказывается, к примеру, на финансировании экологической политики: *«экологические вложения мы видим через много-много лет, то есть это в любом случае долгосрочные какие-то вложения, а у нас, например, дума и глава, они там правят за четыре года и (им) в принципе не всегда бывает это интересно»* (И. № 11). Более того, ответственный за экологию орган исполнительной власти фактически не всегда может являться таковым. Так, к примеру, в Краснокамском городском округе отдел экологии и природопользования исключен из структуры администрации и оформлен в качестве муниципального казенного учреждения, что, соответственно, сказывается на полномочиях данного образования: *«Ну, отсутствуют функции надзора и контроля. Если экологи выведены из состава администрации, то сразу же, то есть мы не муниципальные служащие, функции контроля и надзора отсутствуют, то есть мы не можем составлять протоколы, не можем привлекать»* (И. № 11). В целом же именно органы муниципальной власти формируют экологическую политику на локальном уровне, взаимодействуя с другими акторами, включенными в ЦУР, зачастую реализуя координирующую функцию. Вместе с тем респонденты отмечают достаточно низкую приоритетность экологической политики на муниципальном уровне:

«Не на первом месте экология, сразу скажу. Все деньги, которые выделяются... на экологию мало выделяется, мало» (И. № 10); *«Мы как моногород во многом участвуем и в федеральных программах <...> Они предусматривают возможность строительства очистных любому предприятию, но, к сожалению, может, и не к сожалению, наши предприятия там заявили дороги построить. Это федеральные деньги. Для доступа там своих предприятий котельные себе построить. Они выбрали другие виды работ, хотя построить очистные в рамках моногорода для любого предприятия тоже возможно»* (И. № 1). Кроме того, наличествует характерная для органов муниципальной власти проблема кадрового дефицита, что не может не влиять на качество реализации политики устойчивого развития: *«У нас же три человека на весь округ, и мы решаем эти задачи как бы по мере своих сил»* (И. № 11).

3. *Бизнес.* Несмотря на специфику данного актора, следует отметить, что в обоих из исследуемых случаев его включенность в реализацию экологической политики достаточно высока. Связано это прежде всего с тем, что в обоих случаях отмечается наличие крупных промышленных предприятий, чья деятельность напрямую влияет на экологическую среду муниципалитета. В случае Краснокамского ГО это прежде всего «Гознак», «Буматика», «Кама», в случае Нытвенского ГО – фанерный комбинат ООО «Свеза Уральский», Нытвенский металлургический завод:

«У нас активно принимает участие <...> фабрика “Гознак”, так как они расположены на берегу Камы <...> после изменений активно тоже принимает участие в реализации проекта, другие какие-то возможности...предпринимательские...тоже есть привлечение средств» (И. № 9);

«ЦБК “Кама” <...> они участвуют в городе, по благоустройству <...> они очень усердно участвуют вот в этих субботниках, по посадкам всяких вот деревьев» (И. № 10);

«когда Уральский со “Связой” зашли в программу, большая часть мероприятий по 718–50 % за муниципалитет давала именно “Свеза”» (И. № 15).

Данные акторы выполняют следующие функции:

- лоббирование проектов в рамках реализации политики устойчивого развития посредством депутатского корпуса (на неформальной основе);
- основное и дополнительное финансирование проектов;
- самостоятельная реализация ФКГС (в ответ на инициативу администрации и только в отношении «собственных» территорий);
- мобилизация населения на субботники и инфраструктурная помощь (инструменты, вывоз и пр.).

В целом же следует отметить, что представители бизнес-сообщества взаимодействуют как с представителями муниципальной власти, так и с общественностью. Мотивация участия бизнеса в политике по реализации устойчивого развития муниципалитетов во многом обуславливается принципами корпоративной социальной ответственности: *«У них в корпоративной политике заложено, что на территориях пребывания они занимаются благоустройством, занимаются финансированием школ, садиков, детских площадок, любого строительства»* (И. № 1). Путем создания благоприятной среды в поселениях решается насущная для предприятий проблема привлечения и сохранения кадрового состава сотрудников: *«у них большой отток, допустим, кадров, чтобы кадры привлекать, а тем более обученные кадры, должно быть <...> комфортное проживание»* (И. № 5).

4. *«Третий сектор».* К данной категории акторов в первую очередь относятся различные НКО. Их функционал в рамках экологической политики заключается в инициировании, реали-

зации и организации мероприятий экологической политики: *«Да-да, они [НКО] способствуют. У нас просто вот одно НКО, фонд “Территория успеха”, они заключили договор <> и проводят “Чистые игры”. С каждым годом все больше, и больше, и больше, и больше. То есть это вообще здорово. У нас люди на субботники не идут, а на “Чистые игры” идут. Хотя это тот же самый субботник»* (И. № 11). В рамках реализации данного функционала НКО взаимодействуют как с муниципальными органами власти, так и с представителями бизнеса, общественности, СМИ: *«Люди откликаются. Хорошо, что предприятия стали откликаться. У нас РМЗ, комбинат в этот раз хорошо подключился, “Буматика” нам вывоз бесплатно все это делает, все договариваемся, все бесплатно делают»* (И. № 16).

Однако представленность и включенность данных акторов в зависимости от кейса вариативна. Так, Краснокамский городской округ полон активных общественных институтов и низовой гражданской активности в отношении экологии, природопользования, комфортной и безопасной среды. Зафиксирована высокая активность НКО и общественных организаций (наиболее значимые в рамках округа – фонд «Ярче», фонд «Территория успеха», организация «Город милосердия» и др.). В Нытвенском ГО, в свою очередь, представленность НКО, включенных в экологическую политику, сведена к минимуму.

5. **СМИ.** Субъектность данного актора в рамках экологической политики вызывает вопросы. Как отмечают респонденты, СМИ реализуют скорее функцию информирования и являются своего рода инструментом в распоряжении других акторов (НКО, бизнеса и пр.), нежели полноправным участником политического процесса: *«эта информация, допустим, что стартует такой-то проект, это, получается, размещается, все разъясняется, указываются контактные номера телефонов, кто может оказать помощь»* (И. № 2); *«ну, газеты, они в принципе иногда печатают статьи – что сделали <...> но в то же время как бы и заостряют внимание на таких проблемах, которые появляются»* (И. № 12).

6. **Общественность.** Общественность сложно назвать актором политического процесса (в том числе и в сфере реализации ЦУР), ввиду отсутствия у нее организованного характера. В данном случае общественность скорее представляет собой ресурс (человеческий), который привлекается вышеперечисленными акторами. Однако в случае Нытвенского ГО было выявлено, что активными акторами экологической политики являются ТОСы:

«И скажу, что они как помощник администрации, если на то пошло, помощники и организаторы как раз вот этих граждан, те ТОСы, которые у нас работают давно и развитые» (И. № 5). Данные организации по своей природе и в силу правового статуса не являются некоммерческими организациями и, пожалуй, являются примером акторов экологической политики, занимающим место отсутствующих в городском округе НКО: *«Они на сегодняшний день достигли такого уровня, что они в конкурсах, в личных программах могут участвовать и без муниципалитета. <...> ТОС Сергина выиграл сейчас грант. Грант Потанина»* (И. № 1). Впрочем, данный пример, вероятно, обусловлен спецификой гражданской активности в округе.

Таким образом, определено шесть групп акторов, обладающих потенциальной акторностью в рамках реализации ЦУР в сфере экологической политики. В рамках эмпирического анализа сделан вывод о том, что реальной акторностью обладают только четыре из них: надлокальные органы государственной власти, муниципальные органы власти, бизнес и НКО. В свою очередь СМИ и общественность выступают скорее в качестве инструментария в распоряжении перечисленных акторов.

Модели взаимодействия акторов в рамках ЦУР. Уже исходя из перечня и функционала акторов в рамках ЦУР, описанных выше, можно отметить значимые различия между исследуемыми кейсами. Ввиду этого было сформулировано две модели реализации ЦУР.

1. Координирующая модель: Краснокамский городской округ.

В рамках Краснокамского ГО спектр акторов ограничен надлокальными органами государственной власти, муниципальными органами власти, МКУ (непосредственное обеспечение экологической политики), НКО и бизнесом. В данном случае, несмотря на значительное сужение сферы полномочий отдела экологии и природопользования (юридически оформлен как казенное учреждение), последний реализует координирующую функцию, привлекая других акторов к реализации различных проектов. В случае Краснокамского городского округа имеет место поддержка гражданской инициативы в области Целей устойчивого развития. Представители муниципальной власти КГО утверждают, что реализуемые проекты согласуются с потребностями и требованиями жителей муниципалитета: *«мы все понимаем, что комфортная городская среда у нас без населения, она в принципе у нас невозможна. То есть люди сами у нас решают, какие территории мы берем на благоустройство, какие мы в по-*

следующем берем, то есть таким образом мы расставляем приоритеты. На сегодняшний день в Краснокамском округе у нас по итогам голосования рейтингового, да, составлен план по благоустройству 15 территорий. То есть это и набережная, и парки, скверы различные в различных микрорайонах» (И. № 8). Также представители муниципальной власти взаимодействуют с бизнес-структурами округа, в том числе напрямую: «пригласили предпринимателей, директоров, обсуждали: вот у нас интересно вот это, что мы можем...какой план развития придумать, то есть все прекрасно участвуют» (И. № 9). Ограничены представители МКУ финансово, однако перманентно взаимодействуют с органами муниципальной власти в связи с повышением финансирования.

В целом координирующая модель в рамках Краснокамского ГО может быть представлена следующим образом (рис. 1).

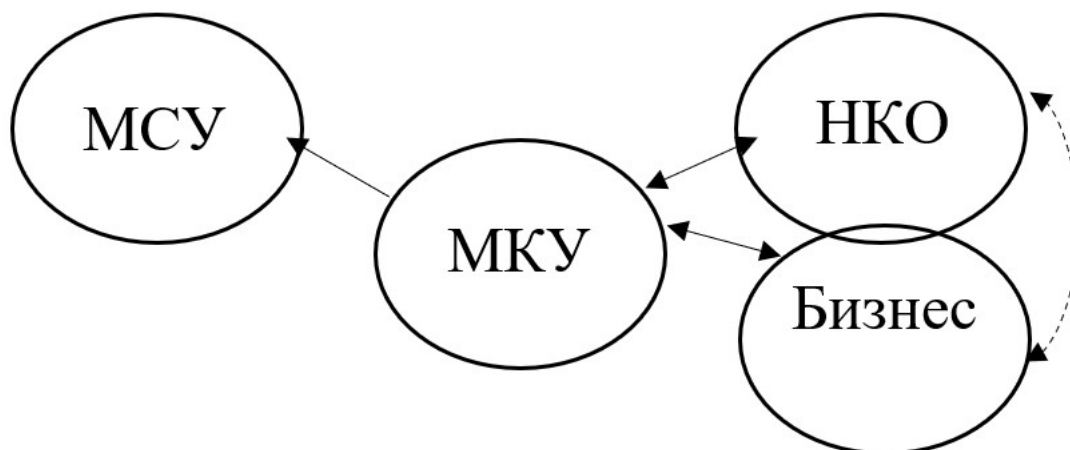

Рис. 1. Координирующая модель взаимодействия акторов в рамках ЦУР

Так, МКУ выступает в своем роде посредником между различными акторами, хотя и во многом лишено субъектности ввиду организационной формы. Вместе с тем существуют каналы взаимодействия акторов напрямую, в частности НКО и бизнеса, которым муниципальная власть не препятствует.

2. Внедряющая модель: Нытвенский городской округ.

В рамках Нытвенского ГО отдел экологии и природопользования включен в структуру муниципальной администрации, что одновременно обуславливает наличие у него большего перечня полномочий и большей степени ответственности перед вышестоящими органами власти. Отдел экологии здесь реализует скорее консультационную и информационную функции. Представители муниципальной власти НГО утверждают, что реализуемые проекты согласуются с потребностями и требованиями жителей муниципалитета. Форматы активизации гражданской активности: 1) активизация сверху – начальников территориальных отделов, старших по домам, через руководство ТОСов, руководителей общественных организаций; 2) активизация снизу: низовые инициативы активных граждан и гражданских организаций (пенсионеры, молодежные организации и пр.). «С жителями у нас работают больше начальники тер. отделов <...> И говорю, что люди у нас организуются в какие-то общественные организации, это <...> общество пенсионеров, есть, допустим, молодежь <...> получается какая-то вообще инициативная группа, есть у нас... председатели ТОСов, которые тоже у себя организывают, есть старшие по домам, есть управляющие компании... начальники, директора. То есть через них мы выходим, а они уже организуют» (И. № 5).

Могут быть отмечены следующие механизмы вовлечения акторов в ЦУР:

- 1) публичные отчеты главы городского округа и публичное взаимодействие с населением муниципалитета (информирование по завершённым проектам и по планируемым на два-три года вперед);
- 2) публичные слушания по планируемым и реализуемым муниципальным программам и проектам;
- 3) работа депутатского корпуса НГО с населением муниципалитета;
- 4) информирование населения муниципалитета посредством информационных порталов и социальных сетей / социальных медиа.

В целом констелляция акторов в рамках ЦУР в отношении экологической политики в Нытвенском ГО может быть представлена следующим образом (рис. 2).

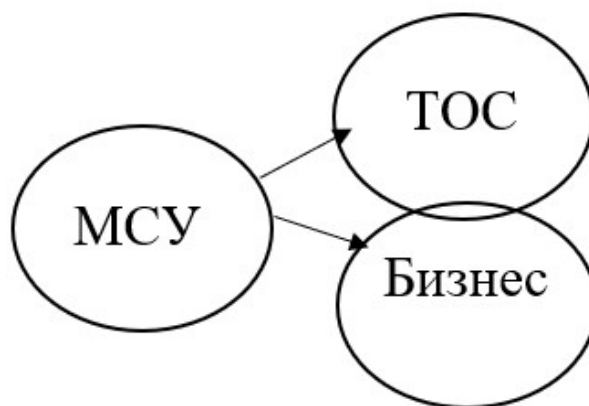

Рис. 2. Внедряющая модель взаимодействия акторов в рамках ЦУР

Данная модель отличается от предыдущей прежде всего ролью и степенью полномочий отдела экологии и природопользования, что впоследствии влияет на степень акторности остальных субъектов.

Исходя из результатов исследования, можно сделать следующие выводы о реализации ЦУР как примере многоуровневой политики в современной РФ. Прежде всего, в рамках исследования определен факт доминирования органов государственной власти при структурировании многоуровневых проектов. Региональный центр, вслед за федеральным, формирует директивные направления политики, их приоритетность, формально-правовое обеспечение, формы и механизмы взаимодействия и включения различных акторов в многоуровневые проекты. В свою очередь органы местного самоуправления структурируют данные проекты, определяя возможность и приоритетность их реализации в конкретной территории, руководствуясь, прежде всего, наличием финансовых и организационных ресурсов. Остальные же акторы скорее встраиваются в выстроенную систему, в связи с чем вариативность и конфигурация акторов и форм их взаимодействия остается невысокой. Однако таковая, безусловно, прослеживается и зависит от наличия инициативы конкретных акторов, сети их взаимодействий и других ресурсов. Данный факт подтверждает ранее сформулированные гипотезы о влиянии на реализацию многоуровневой политики институциональных, организационных и ресурсных барьеров.

Выводы

Итак, многоуровневая политика является, пожалуй, одним из наиболее эффективных инструментов обеспечения взаимодействия между политическими акторами различного типа. Базируясь на функционалистской и идентитарной логиках, многоуровневая политика позволяет эффективную реализацию крупных проектов, их локализацию в соответствии с субнациональными особенностями, что, в свою очередь, стимулирует локальное сообщество к соучастию. И реализация Целей устойчивого развития РФ, безусловно, одна из ключевых современных программ, нацеленных на реализацию многоуровневой политики в РФ.

В результате исследования были выявлены ключевые акторы ЦУР в муниципалитетах и модели их взаимодействия. На основании исследуемых кейсов сделан вывод о том, что состав акторов, как и модели их взаимодействия, могут быть вариативны в зависимости от политических, административных, ресурсных и других условий в локалитетах. Вместе с тем подтверждена гипотеза о том, что реализацию многоуровневой политики в современной РФ во многом затрудняют институциональные и ресурсные барьеры. В связи с этим можно сделать вывод о том, что повышение ресурсной (финансовой, организационной, кадровой и др.) обеспеченности муниципалитетов в РФ позволит выстроить многоуровневые отношения более качественным образом.

Вместе с тем следует заключить, что повышение ресурсной обеспеченности муниципалитетов и негосударственных акторов политики в современной России невозможно без качественного переосмысления политико-институциональных рамок существующей системы федеративных отношений. Так, реализация конкретных проектов даже на локальном уровне становится трудной задачей для ор-

ганов власти, лишенных административной, экономической, политической субъектности в достаточно длительной ретроспективе. И, возможно, дальнейшее продолжение политики ЦУР позволит качественным образом пересмотреть структуру существующей «вертикали» федерализма в РФ, так как последняя значимым образом сказывается на эффективности государственного управления в целом.

Финансовая поддержка

Статья подготовлена по результатам пилотного прикладного экспертно-аналитического проекта «Методология и практика принятия и реализации управленческих решений на муниципальном уровне в Пермском крае в сфере создания и развития комфортной и безопасной среды» [Цели устойчивого развития в муниципалитетах Пермского края] в рамках проекта ПГНИУ «Стратегирование территориальных образований региона» (ПРИОРИТЕТ 2030).

Список литературы / References

- Бобылёв, С. Н., Соловьёва, С. В. (2017) 'Цели устойчивого развития для будущего России', *Проблемы прогнозирования*, 3, сс. 26–33. [Bobylev, S. N., Solovyova, S. V. (2017) 'Sustainable Development Goals for the Future of Russia' [Tseli ustoychivogo razvitiya dlya budushchego Rossii], *Forecast Problems*, 3, pp. 26–33. (In Russ.)].
- Борисова, Н. В., Панов, П. В. (2022) 'Регионализм и многоуровневая политика по языковому вопросу в странах Европы', *Ars Administrandi (Искусство управления)*, 14(1), сс. 150–173. [Borisova, N. V., Panov, P. V. (2022) 'Regionalism and multilevel policy on the language issue in European countries' [Regionalizm i mnogourovnevaya politika po yazykovomu voprosu v stranakh Evropy], *Ars Administrandi (Art of Management)*, 14(1), pp. 150–173, DOI: 10.17072/2218-9173-2022-1-150-173 (In Russ.)].
- ООН (2015) *Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года*. [Электронный ресурс]. URL: <https://sdgs.un.org/ru/2030agenda> (дата обращения: 29.03.2023). [UN (2015) *Transforming Our World: The Agenda for Sustainable Development* [Preobrazovaniye nashego mira: Povestka dnya v oblasti ustoychivogo razvitiya na period do 2030 goda] [Online]. Available at: URL: <https://sdgs.un.org/ru/2030agenda> (Access: 29.03.2022) (In Russ.)].
- ООН (2020) *Доклад о целях в области устойчивого развития* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/progress-report/> (дата обращения: 29.03.2023) [UN (2020) *Report on Sustainable Development Goals* [Doklad o tselyakh v oblasti ustoychivogo razvitiya] [Online]. Available at: URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/progress-report/> (Access: 29.03.2022) (In Russ.)].
- ООН *Цели в области устойчивого развития* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (дата обращения: 29.03.2023). [UN. *Tasks in the field of sustainable development* [Tseli v oblasti ustoychivogo razvitiya] [Online]. Available at: URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/sustainable-development-goals/> (Access: 29.03.2022) (In Russ.)].
- Сахаров, А. Г., Колмар, О. И. (2019) 'Перспективы реализации Целей устойчивого развития ООН в России', *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*, 1, сс. 189–206. [Sakharov, A. G., Kolmar, O. I. (2019) 'Prospects for the implementation of the UN Sustainable Development Goals in Russia' [Perspektivy realizatsii Tseley ustoychivogo razvitiya OON v Rossii], *Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy*, 1, pp. 189–206. (In Russ.)].
- Сулимов, К. А. (2019) 'Концепт многоуровневого управления в исследования многоуровневой политики в России' в: *Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы*. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42701218> (дата обращения: 29.03.2023) [Sulimov, K. A. (2019) 'The concept of multilevel governance in the study of multilevel politics in Russia' [Kontsept mnogourovnevoogo upravleniya v issledovaniya mnogourovnevoy politiki v Rossii] in: *Trajectory of Russia's Politi-*

cal development: institutions, projects, actors. Available at: URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42701218> (Access: 29.03.2022) (In Russ.).

Тяглов, С. Г. (2014) 'Принцип многоуровневого управления устойчивым развитием региональной экономики в части обеспечения эколого-экономических императивов', *Пространство экономики*, 2–3, сс. 178–182. [Tyaglov, S. G. (2014) 'The principle of multilevel management of sustainable development of the regional economy in terms of ensuring ecological and economic imperatives' [Printsip mnogourovnevnogo upravleniya ustoichivym razvitiyem regionalnoy ekonomiki v chasti obespecheniya ekologo-ekonomicheskikh imperativov], *The Space of Economics*, 2–3, pp. 178–182. (In Russ.)].

Цитленок, В. С., Рощина, И. В., Артюхова, Н. А. (2019) *Устойчивое развитие экономики Российской Федерации: фактор структурно-многоуровневой разнотемпности*. Томск: Изд. Дом Томского государственного университета. [Tsitlenok, V. S., Roshchina, I. V., Artyukhova, N. A. (2019) *Sustainable development of the economy of the Russian Federation: a factor of structural and multi-level diversity of subjects* [Ustoichivoye razvitiye ekonomiki Rossiyskoy Federatsii: faktor strukturno-mnogourovnevoyu raznosubyechnosti]. Tomsk: Ed. House of Tomsk State University (In Russ.)].

Bahry, D. (2005) 'The New Federalism and the Paradoxes of Regional Sovereignty in Russia', *Comparative Politics*, 37(2), pp.127–146, DOI: 10.2307/20072879.

Blair, G. S. (1988) 'Review of Exploring Federalism, by D. J. Elazar', *The Journal of Politics*, 50(2), pp. 530–532, DOI: 10.2307/2131811.

Hooghe, L., Marks, G. (2003) 'Unraveling the Central State, but How? Types of Multi-level Governance', *American Political Science Review*, 97(2), pp. 233–243.

Hooghe, L., Marks, G., Schakel, A. (2020) 'Multi-level governance' in: Caramani, D. (ed) *Comparative Politics*. Oxford University Press, pp. 193–210.

Kempton, D. (2001) 'Russian Federalism: Continuing Myth or Political Salvation?', *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, 9(2), pp. 201–242.

Stephenson, P. (2013) 'Twenty years of multi-level governance: 'Where Does It Come From? What Is It? Where Is It Going?', *Journal of European Public Policy*, 20(6), pp. 817–837, DOI: 10.1080/13501763.2013.781818.

Zhuravskaya, E. (2010) 'Federalism in Russia', No w0141, *Working Papers from Center for Economic and Financial Research (CEFIR)* [Online]. Available at: URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/6364201.pdf> (Access: 29.03.2022). 21 p.

Статья поступила в редакцию: 30.03.2023

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 25.05.2023

Статья принята к печати: 06.07.2023

SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS IN THE RUSSIAN FEDERATION: MULTILEVEL POLITICS AND CONSTELLATION OF ACTORS

Yu. S. Markova, M. V. Isobchuk

Yu. S. Markova, Candidate of Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology, Perm State University.
E-mail: julyamarkova@gmail.com (ORCID: 0000-0002-6271-9403. Researcher ID: ABG-6689-2021).

M. V. Isobchuk, Assistant of the Department of Political Sciences, Perm State University.
E-mail: isobchuk.mary@gmail.com (ORCID: 0000-0002-1204-4313. Researcher ID: W-1549-2017).

Abstract

Globally implemented concept of sustainable development in Russia takes the form of Sustainable Development Goals, which may serve as an example of multi-level governance. This article aims to analyze the im-

plementation of ESG in the context of multi-level governance from the perspective of the subject-actor composition, and models of relationships between these actors. The authors use a case study strategy and examine the implementation of the ESG in two municipalities of the Perm region: Krasnokamsk and Nыtvensky districts. The main research materials for this article are the results of 19 in-depth interviews with representatives of municipal authorities and civil society organizations. The study reveals the subjectivity and functionality of specific ESG actors. The key actors are found to be supra-local and municipal authorities, businesses and NGOs. The media and the public tend to act as a source of support for the implementation of ESG by the aforementioned actors. Two models of relationships between actors of ESG implementation in municipalities are formulated: coordinating and implementing. The variability of the models is shown to be due to political, administrative, and other local conditions. The study also confirms the hypothesis that the implementation of a multi-level policy in Russia is largely hindered by institutional, resource and organizational barriers.

Keywords: sustainable development; ESG; Sustainable Development Goals; multilevel policy; multilevel governance; local self-government; civil society.

Acknowledgments: The article was prepared based on the results of the pilot applied expert-analytical project "Methodology and practice of making and implementing managerial decisions at the municipal level in the Perm Territory in the field of creating and developing a comfortable and safe environment" [Sustainable Development Goals in the municipalities of the Perm Territory] within the framework of the PSNIU project "Strategization territorial entities of the region" (PRIORITY 2030).

УДК: 323

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-3-56-64

**ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В ПОДХОДАХ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ
СОЦИЕТАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК КРИЗИСНОГО МЕНЕДЖМЕНТА
В ЕС И ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19**

В. А. Гацковская

Гацковская Варвара Александровна, магистрант,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Москва.
E-mail: gatskovskaya10@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-8536-3542. Research ID: HJA-8290-2022).

Аннотация

Пандемия COVID-19 стала вызовом и для ЕС как интеграционного объединения, и для всех его стран-членов. Для противодействия трансграничному кризису, который спровоцировал коронавирус, политика внутри объединения и взаимодействие стран-членов должны были быть четко скоординированы. Однако в реальности подходы стран-членов к противодействию пандемии отличались практически на всех этапах пандемии, примером чего стала Чешская Республика и ее уникальный подход к значительному числу аспектов антикризисного управления. С использованием концепции социетальной безопасности как кризисного менеджмента в качестве теоретической основы проанализирована угроза пандемии COVID-19 для ЕС, выявлены особенности подхода к кризисному менеджменту Чешской Республики (в сравнении с общеевропейским подходом), а также проанализировано общественное восприятие пандемии COVID-19 и связанной с ним антикризисной политики на уровне ЕС и в Чехии. Сделан вывод, что особенности подхода к обеспечению социетальной безопасности Чехии обусловлены прежде всего особенностями восприятия коронавируса как угрозы, а также антикризисных политик, проводимых на уровне Чехии и ЕС.

Ключевые слова: пандемия; социетальная безопасность; кризисный менеджмент; Чешская Республика; Европейский Союз.

Европейский союз столкнулся с серьезными вызовами его безопасности на протяжении 2020–2021 гг., связанными с пандемией COVID-19. Пандемия не только принесла смертельную угрозу жизни населения Союза, но и спровоцировала экономический кризис, привела к усилению роли государства в жизни общества, выявила, что большинство европейских институтов не были в полной мере готовы к обеспечению социетальной безопасности стран-членов. Это продемонстрировало необходимость кризисного управления как отдельных государств, так и всего ЕС, хотя ранее она касалась в основном отдельных стран в контексте редких стихийных бедствий, случаев терроризма. Также это акцентировало вопросы координации самого интеграционного объединения с его странами-членами.

В существующей литературе в основном рассматривается подход к обеспечению безопасности в течение пандемии либо ЕС в целом (Энтин, 2020; Ferrera et al., 2021; Wolff & Ladi, 2020), либо отдельных стран. Также существуют исследования, посвященные сравнению национальных политик и их особенностей, в том числе Чехии (Guasti, 2020; Nemes et al., 2021; Urbanovics et al., 2021). Однако практически не представлено сравнение общеевропейского и национальных подходов, хотя, например, Чехия как государство – член ЕС продемонстрировала уникальную политику кризисного менеджмента, связанную с успехом борьбы с пандемией в период только «первой волны», что является нестандартным в масштабе ЕС. Однако насколько в ее политике обеспечения социетальной безопасности проявились особенности по сравнению с наднациональным общеевропейским подходом? Чем они были обусловлены?

Социетальная безопасность как кризисный менеджмент

Оригинальная концепция социетальной безопасности, предложенная Копенгагенской школой в 1990-х гг., основывается на конструктивистских исследованиях и означает безопасность общества, определяемую через сохранение его идентичности (Buzan et al., 1992). Кроме общества в целом как основного объекта социетальной безопасности, могут выступать другие объекты, как, например, О. Вэвер отдельно выделяет религиозные группы и гендерные категории, которые могут лежать в основе объекта социетальной безопасности (Waever, 2008: 587–589).

Под угрозами социетальной безопасности с точки зрения «классического» подхода Копенгагенской школы понимаются вертикальная конкуренция (наличие проекта с более широкой или узкой конкуренцией, например, наднационального проекта), горизонтальная конкуренция (влияние на общество соседних культур) и миграция (Buzan et al., 1992: 121).

Однако угрозы обществу и его идентичности могут быть множественны, могут включать и другие кризисы, затрагивающие его выживаемость. По мере разработки концепции социетальной безопасности к ним добавлялись: депопуляция (Waever, 1995; Roe, 2016), внешняя и внутренняя агрессия государства, распространение «универсальных» продуктов в условиях капитализма и свободный рынок, который может спровоцировать угрозу экономической депрессии и безработицы, экологические факторы – из-за возможности связи идентичности общества и местности (Roe, 2004).

В наиболее полной мере это нашло отражение в концепции обеспечения социетальной безопасности как кризисного менеджмента, охватывающего весь спектр угроз, как внутренних, так и внешних. Обеспечение социетальной безопасности в соответствии с этой концепцией возможно только в контексте взаимодействия государства и общественных институтов. Ключевым элементом в таком случае является сохранение легитимности для общества (Lægheid, Rykkja, 2019). Что касается угроз социетальной безопасности в данной парадигме, они могут быть максимально широкими: кризис должен рассматриваться как экзистенциальная угроза, что связывает концепцию с конструктивизмом и теорией секьюритизации. В связи с особенностями пандемии COVID-19 как угрозы обществу авторами применяется именно последний подход к определению социетальной безопасности.

Пандемия как угроза социетальной безопасности для стран ЕС

Пандемия COVID-19 в 2020–2021 гг. является примером такого кризиса. Во-первых, она напрямую угрожала большинству обществ с точки зрения возможной депопуляции – по данным ВОЗ, в связи с пандемией в мире в 2020–2021 гг. умерло от 13,3 до 16,6 млн чел.¹. Во-вторых, в большинстве стран мира она воспринималась в качестве экзистенциальной угрозы, в том числе в Чехии, и в связи с ней принималось множество антикризисных решений, недопустимых в обычное время.

Кризисное управление ЕС в период пандемии было связано с проблемой взаимодействия стран – участников интеграционного объединения в условиях кризиса: с одной стороны, взаимодействие стран – участников интеграционного объединения должно быть четко скоординировано, с другой – страны-участники нередко действуют в соответствии с собственными планами, что связано с особенностями восприятия угроз. Это проявилось как на примере Швеции, придерживающейся совершенно иной от общеевропейских принципов политики в течение всей пандемии, так и таких стран, как Чехия, чья политика хоть и следовала общеевропейским рекомендациям, но значительно отличалась как по скорости реагирования, так и по использованию отдельных элементов антикризисной политики на разных этапах пандемии.

Что касается общей антикризисной политики ЕС, необходимо упомянуть, что ЕС изначально не обладает достаточными полномочиями в здравоохранении – основной области, затронутой пандемией. Наднациональные органы могут лишь прикладывать усилия для координации сотрудничества и выпускать рекомендации, которым страны-члены могут не следовать (Бабынина, 2020). Соответственно, это является значимым ограничением возможностей кризисного менеджмента ЕС.

Наибольшими полномочиями ЕС обладает в сфере помощи экономике и бюджетной политике. Для помощи странам-членам был создан Инструмент солидарности SURE, предусматривающий финансовую помощь до 100 млрд евро для поддержки отдельных отраслей экономики: здравоохране-

¹ World Health Organisation. 14.9 million excess deaths associated with the COVID-19 pandemic in 2020 and 2021. Available at: URL: <https://www.who.int/news/item/05-05-2022-14.9-million-excess-deaths-were-associated-with-the-covid-19-pandemic-in-2020-and-2021> (accessed: 10.12.2020).

ния, агропродовольственного сектора и др.¹. В дальнейшем был создан новый инструмент – Next Generation EU, включающий планы по поддержке инвестиций, развитию здравоохранения и антикризисных мер и др.²

Другой вопрос в компетенции ЕС – закрытие границ Шенгенской зоны и ограничение их пересечения для граждан стран, не входящих в объединение. Шенгенское право ЕС в ходе пандемии было подвергнуто серьезному испытанию, связанному не только с тем, что большинство стран – участниц Шенгенской зоны самостоятельно ввели пограничный контроль, но и с тем, что на уровне рекомендаций были приняты меры, сопряженные с проверкой состояния здоровья, следовательно, связанные и с удостоверением личности, что также не соответствует обычному применению Шенгенского права³. «Руководящие принципы координации действий государств-членов по восстановлению контроля на внутренних границах в пределах Шенгенской зоны свободного передвижения людей»⁴ были выпущены 16 марта 2020 г., и они подчеркивали важность сохранения общего рынка. Однако они были выпущены уже после того, как большинство стран – членов ЕС перешли к ограничениям пересечения границ в одностороннем порядке, и были несколько запоздалыми, учитывая, что первый случай заболевания был выявлен 24 января 2020 г.⁵

На наднациональном уровне также проводилась политика, касающаяся вакцинации, которая с 2021 г. была в центре мер ЕС, направленных на противодействие распространению коронавируса. С июня 2020 г. была обнародована европейская стратегия по ускорению разработки вакцин⁶. В августе этого же года ЕС присоединился к Глобальному механизму доступа к вакцинам против COVID-19 (COVAX). Также в области здравоохранения были приняты важные решения, касающиеся закупок систем тестирования, лекарств и вакцин. Комиссия закупила тесты для обнаружения антигенов на 100 млн, а также заключила контракты для будущих поставок вакцин и оборудования, однако большинство стран – членов ЕС данными контрактами не воспользовались, так как использовали собственные каналы поставок (Потемкина, 2020: 35).

В то же время в начале 2021 г. развивался кризис, связанный с нехваткой вакцин. При этом он сопровождался нежеланием большинства стран – членов ЕС закупать вакцины, не одобренные европейским регулятором, прежде всего российской вакцины «Спутник-V». Однако только Венгрия пошла на регулярные закупки российской вакцины (попытка предпринималась и Словакией, но закупки были остановлены в связи с низким спросом на вакцины со стороны общества и правительственным кризисом, катализатором которого стала в том числе вакцинальная политика). Основной причиной этого стала неспособность ЕС в тот момент быстро обеспечить все государства одобренными европейским регулятором вакцинами (Шишелина, 2021). В 2021 г. кампания вакцинации была усилена через введение механизма Европейского цифрового ковид-сертификата⁷, что позволило унифицировать общеевропейскую антикризисную политику и ограничения, прежде всего – в вопросе пересечения границ.

Таким образом, на общеевропейском уровне на начальном этапе наблюдалось отсутствие координации и быстрого принятия антикризисных мер. Однако в отношении менее срочных антикризисных мер, таких как поддержка экономики и проведение вакцинации (также в какой-то момент сопряженной с проблемой скорости обеспечения вакцинами населения стран ЕС), политика ЕС существовала и была относительно скоординированной.

¹ Council Regulation (EU) 2020/672 of 19 May 2020 on the establishment of a European instrument for temporary support to mitigate unemployment risks in an emergency (SURE) following the COVID-19 outbreak. Available at: URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32020R0672> (accessed: 10.11.2022).

² Europe's moment: Repair and prepare for the next generation. 27 May 2020. European Commission. Available at: URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_940 (accessed: 10.11.2022).

³ Council Recommendation amending Council Recommendation (EU) 2020/1475 of 13 October 2020 on a coordinated approach to the restriction of free movement in response to the COVID-19 pandemic. Available at: URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/commission-proposal-amend-coordinated-approach-restrictions-free-movement-covid-19-pandemic_en.pdf (accessed: 10.11.2022).

⁴ Covid-19 Guidelines for border management measures to protect health and ensure the availability of goods and essential services 2020/C 86 I/01 (OJ C, C/86, 16.03.2020, p. 1, CELEX. Available at: URL: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020XC0316\(03\)](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020XC0316(03)) (accessed: 11.11.2022).

⁵ World Health Organization. 2019-nCoV outbreak: first cases confirmed in Europe. Available at: URL: <https://www.euro.who.int/en/health-topics/health-emergencies/pages/news/news/2020/01/2019-ncov-outbreak-first-cases-confirmed-in-europe> (accessed: 10.11.2022).

⁶ Communication from the Commission to the European Parliament, the European Council, the Council and the European Investment Bank EU. Strategy for COVID-19 vaccines. COM/2020/245 final. Available at: URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52020DC0245> (accessed: 10.11.2022).

⁷ EU Digital COVID Certificate Regulation. 14 June 2021. Available at: URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32021R0953> (accessed: 12.12.2020).

Особенности кризисного менеджмента Чешской Республики в период пандемии

Для Чешской Республики можно выделить следующие значимые «волны» пандемии: первая волна (март–май 2020 г.), вторая волна (сентябрь–ноябрь 2020 г.), третья волна (декабрь 2020 – январь 2021 г.), четвертая волна (февраль–март 2021 г.), пятая волна (октябрь–декабрь 2021 г.), шестая волна (январь–февраль 2022 г.). На протяжении каждой из них политика обеспечения общественной безопасности Чехии во многом соответствовала общеевропейскому подходу. Как и в большинстве стран ЕС, Чехия использовала такие меры, как масочный режим, социальное дистанцирование, локдаун, а также координируемые и рекомендованные на уровне ЕС массовое тестирование на COVID-19 и вакцинацию. Также применяла уже упомянутые механизмы поддержки экономики – использовала средства из европейских фондов, а также развивала собственные программы, ввела ограничения по пересечению границ, также рекомендованные ЕС. Тем не менее политика обеспечения общественной безопасности Чехии обладала и рядом важных особенностей, проявившихся в течение всех упомянутых волн пандемии.

Во-первых, скорость принятия решений в Чехии гораздо превышала скорость принятия антикризисных мер в большинстве европейских стран. Несмотря на то, что первый случай заболевания в стране был выявлен только 1 марта 2020 г. – значительно позже, чем впервые в ЕС, уже 12 марта были закрыты границы страны¹, несмотря на то, что ЕС настаивало на необходимости соразмерности угрозы закрытию, а также необходимости отсутствия ограничения для экономической деятельности². Тогда же было введено чрезвычайное положение и основные меры по противодействию пандемии – запрет массовых мероприятий и работы большинства магазинов и предприятий, карантин для прибывающих в страну и ограничение свободы передвижения³.

Тесно связано со скоростью принятия антикризисных мер стало введение обязательного ношения масок, до того, как их необходимость была признана ВОЗ⁴. В данном вопросе также проявилась особенность, связанная с участием гражданского общества, – так, несмотря на недостаток масок, в обществе было налажено производство и распределение самодельных изделий (Bušíková & Vaboš, 2020: 500).

Во-вторых, примечательна кампания по вакцинации Чехии. Политика массовой вакцинации Чехии на некоторых этапах пандемии не соотносилась с общеевропейским подходом. В Чехии, по сравнению с большинством стран ЕС, крайне низок уровень вакцинации – на октябрь 2022 г. только 65,1 % населения было привито как минимум одной дозой, при этом средний уровень по ЕС превышает 75 %; то же касается и «бустеров», так как на март 2022 г. бустерная доза среди взрослого населения страны была только у 40,5 % граждан, в то время как в среднем по ЕС – 53,9 %⁵. При этом со стороны Европейской комиссии, особенно в период шестой волны, связанной с распространением «омикрона», высказывались призывы к распространению вакцинации и мер, направленных на стимуляцию невакцинированных, и распространению вакцинации бустерными дозами⁶. Несмотря на то, что в Чехии в той или иной мере они принимались, процесс массовой вакцинации оставался достаточно медленным, и самые жесткие меры, вводимые в некоторых странах – обязательная вакцинация, так и не были введены.

¹ Usnesení vlády České republiky ze dne 12. března 2020 č. 198 o přijetí krizového opatření. Available at: URL: 0 <https://apps.odok.cz/attachment/-/down/IHOABMNHPMSG> (accessed: 20.11.2020).

² European Commission. COVID-19 Guidelines for border management measures to protect health and ensure the availability of goods and essential services (2020/C 86 I/01), *Official Journal of the European Union*, 16.3.2020.

³ Usnesení vlády České republiky č.194: Vyhlášení nouzového stavu. Available at: URL: <https://apps.odok.cz/attachment/-/down/IHOABMNHPBSV> (accessed: 20.11.2020); Usnesení vlády České republiky č. 203: Krizové opatření o zákazu vstupu cizinců a výjezdu běžanů České republiky do zahraničí. Available at: URL: <https://apps.odok.cz/attachment/-/down/IHOABMNLVUVR> (accessed: 20.11.2020).

⁴ Vládní usnesení související s bojem proti epidemii - rok 2020. Vláda České republiky. 30. 12. 2020. Available at: URL: <https://www.vlada.cz/cz/epidemie-koronaviru/dulezite-informace/vladni-usneseni-souvisejici-s-bojem-proti-epidemii-koronaviru---rok-2020-186999/#brezen> (accessed: 20.11.2020).

⁵ European Centre for Disease Prevention and Control. COVID-19 Vaccine Tracker. Available at: URL: <https://vaccinetracker.ecdc.europa.eu/public/extensions/covid-19/vaccine-tracker.html#uptake-tab> (accessed: 22.11.2020).

⁶ European Commission. Commission reiterates calls to step up vaccination, rapid deployment of boosters, vigilance and rapid reaction to Omicron variant*. Press release, 1 December 2021. Available at: URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_21_6473 (accessed: 22.11.2020).

В-третьих, в Чехии можно было наблюдать противостояние отдельных ветвей власти и активное участие гражданского общества, несмотря на то, что эти демократические институты в Чехии гораздо более молоды и исторически менее сильны, чем в Западной Европе. Многие меры, принятые исполнительной властью, прежде всего министром здравоохранения, широко критиковались со стороны общества, и это нашло отражение и в судебных решениях: так, запрет на работу для предприятий торговли и запрет на перемещения людей, принятые министерством здравоохранения, были признаны городским судом Праги незаконными¹. Несмотря на то, что результатом этого стала не отмена мер, а принятие временного закона, расширяющего полномочия министерства, на наш взгляд, это демонстрирует возможность общества и различных ветвей власти сдерживать друг друга. Также примечательно, что из-за иска в Конституционный суд правительство пошло на смягчение одной из мер – уже в конце апреля границы были открыты для въезда граждан страны, членов их семей (даже если они не имеют вида на жительство в Чехии), для граждан ЕС с целью транзитного проезда, лиц, пребывающих в страну для работы или учебы². В дальнейшее развитие пандемии судебная власть вступила в противоречие с исполнительной и в отношении вакцинации – решением Высшего административного суда был отменен запрет на посещение заведений общепита и сферы услуг для переболевших или неполностью привитых граждан³. Именно такая оппозиция со стороны судов не позволила чешскому правительству вернуться к антилиберальным и антидемократическим методам управления (Guasti, 2020: 55), отдельное применение которых встречалось и в Центральной Европе, и, например, во Франции.

Общественное восприятие COVID-19, национального правительства и ЕС в контексте антикризисного управления

Особенности антикризисного управления Чехии и его несоответствия общеевропейскому подходу во многих областях, на наш взгляд, можно объяснить несколькими факторами.

Один из них, уже упомянутый, касается ограниченности возможностей ЕС в области противодействия кризисным ситуациям, особенно – в области здравоохранения. Тем не менее можно было наблюдать, что даже имеющиеся возможности были реализованы с задержкой. По мнению М. Л. Энттина, это объясняется противоречивой позицией ВОЗ по отношению к развитию эпидемии в Китае, информационной войной с ним, недооценкой глобальности угрозы, утратой ценностных ориентиров (в отношении глобального сотрудничества), абсолютизацией прав человека, и в качестве объективного фактора выступает недооценка опасности коронавируса с точки зрения медицины и эпидемиологии (Энттин, 2020: 27–28).

Однако, на наш взгляд, ключевая причина несоответствия заключается в проблеме восприятия угроз на уровне общества. Например, чешское общество, которое, в том числе в силу того, что является моноэтничным, обладает именно национальной идентичностью, требует реакции и доверяет в случае кризисной ситуации собственному правительству, а не наднациональным органам. Для правительства же именно восприятие угрозы на национальном уровне является ключевым в выстраивании кризисного управления.

Так, в Чехии в течение первой волны пандемии возможность заболеть и потенциальный вред от вируса воспринимались как что-то отдаленное. Однако во время второй и последующих волн уже 51 % населения воспринимал коронавирус как что-то, что может навредить ему лично или его семье. Достаточно высоким был и страх перед вирусом – по результатам опроса Центра изучения общественного мнения Чехии, уже 8 августа 2020 г. только 51 % населения не испытывал страх перед

¹ Městský soud v Praze: Omezovat práva měla vláda svými nařízeními, nikoliv ministerstvo. Česká justice. 23.4.2020. Available at: URL: <https://www.ceska-justice.cz/2020/04/mestsky-soud-praze-omezovat-prava-mela-vlada-svymi-narizenimi-nikoliv-ministerstvo/> (accessed: 22.11.2020).

² Usnesení č. 443: Krizové opatření o zákazu vstupu na území České republiky (pravidla pro překračování státních hranic). Available at: URL: <https://apps.odok.cz/attachment/-/down/IHOABNYHKZKD> (accessed: 22.11.2020).

³ Rozsudek Nejvyššího správního soudu sp. zn. 8 Ao 2/2022 (zrušení části mimořádného opatření ministerstva zdravotnictví - omezení maloobchodního prodeje a služeb). Available at: URL: <https://www.fulsoft.cz/33/rozsudek-nejvyssiho-spravniho-soudu-sp-zn-8-ao-2-2022-zruseni-casti-mimoradneho-opatreni-ministerstva-zdravotnictvi-omezeni-maloobchodniho-prodeje-a-sluzeb-uniqueidgOkE4NvrWuMkmaNigtjQuoNvKhBAK2jLpLpGVMY1prA/> (accessed: 22.11.2020).

COVID-19¹. На уровне ЕС же основной эмоцией, связанной с пандемией, была неопределенность (50% выделяли эту эмоцию как основную в начале пандемии, 45% – в октябре 2020 г.), а также надежда (41 % и в начале пандемии, и в течение второй волны в 2020 г.), и лишь 22 и 17 % в июне и октябре соответственно связывали ее со страхом².

При этом важно учитывать, что вокруг пандемии были развиты многочисленные конспирологические теории, которые влияли на адекватное восприятие угрозы, проводимой антикризисной политики и институтов. В европейских странах, например в Германии, Франции и Нидерландах, с 2020 г. процветало протестное движение, связанное с различными зонтичными теориями заговора, охватившими весь мир и создавшими отдельную угрозу безопасности (Kazarinova, 2022: 95–96). Что касается Чехии, вера в теории заговора также была достаточно сильна, их влияние уменьшалось только с течением времени: в 2020 г. около 36 % чехов были уверены, что пандемия является фейком, а общий уровень веры в конспирологические теории, связанные с COVID-19, среди населения составил 24 %³. При этом протестное движение в ней начало развиваться несколько позже, чем в Западной Европе, и вплоть до второй половины 2021 г. не было многочисленным.

Показательными являются и различия в доверии к национальным органам и наднациональным институтам ЕС. В Чехии на протяжении практически всей пандемии уровень доверия к правительству был крайне высок: в 2021 г. правительству, по данным GLOBSEC, доверяли 66 % респондентов⁴. Положительно оценивалась и проводимая антикризисная политика: в течение первого года пандемии большинство (более 70 % в I–III кварталах 2020 г.) оценивало политику, проводимую правительством, как сопоставимую угрозе⁵. Доверие чехов к ЕС составляло только 35 %⁶. Ожидания, что политика будет неэффективной, разделяли только 43 % респондентов⁷. Конечно, по мере ухудшения ситуации, связанной с заболеваемостью, уменьшалось и доверие: в феврале 2021 г. политику правительства воспринимало как адекватную угрозе 44 % населения, при этом 34 % были уверены в недостаточности ограничительных мер, которые, как уже упоминалось, действительно не соответствовали уровню угрозы второй волны пандемии. 15 % населения при этом были уверены, что ограничительная политика чрезмерна⁸.

Большее доверие именно к национальным правительствам наблюдалось и во всем ЕС: в основном граждане проявляли доверие именно национальным правительствам (62 %, хотя по странам уровень доверия колебался от 95 % в Дании до 41 % во Франции), а не институтам ЕС (45 %, от 71 % в Ирландии до 33 % во Франции) на лето 2020 г.⁹. Влияние на это, вероятно, оказали неудачные действия ЕС именно на начальном этапе пандемии, так как доверие к институтам ЕС сохранялось относительно будущих действий – 62 % ждали от них правильных решений в будущем¹⁰ и признавали, что 55 % проявили солидарность¹¹. Общий уровень доверия к ЕС составлял 49 %, причем он сохранился и весной 2021 г.¹². К зиме 2021–2022 г. общий уровень доверия снизился до 47 %¹³.

Исключением в вопросах доверия к ЕС стал вопрос вакцинации, который косвенно касается и восприятия коронавируса как угрозы, и доверия к органам ЕС. На весну 2021 г. большинство европейцев (75 %) считали вакцинацию единственным способом справиться с пандемией и до 79 % были готовы вакцинироваться в течение года. При этом в среднем 70 % были уверены, что именно ЕС сыграл ключевую роль в обеспечении страны вакцинами, и 47 % уверены, что объединение

¹ Červenka J. Hodnocení reakce státu na epidemii COVID-19 - Naše společnost - speciál - únor 2021. Centrum pro výzkum veřejného mínění, Sociologický ústav AV ČR.

² European Parliament, Uncertainty/EU/Hope public opinion in times of COVID-19 second round Public opinion survey commissioned by the European Parliament A Public Opinion Monitoring Study. October 2020. P. 48.

³ GLOBSEC Trends 2021: Central and Eastern Europe one year into the pandemic. GLOBSEK, 2021. Pp. 53, 55.

⁴ Ibid. P. 56.

⁵ Čadová N. Op. cit. P. 7.

⁶ The EU and the Coronavirus outbreak Standard Eurobarometer 93 Summer 2020. URL: https://data.europa.eu/data/datasets/s2262_93_1_93_1_eng?locale=en (accessed: 22.11.2020).

⁷ GLOBSEC Trends 2021: Central and Eastern Europe one year into the pandemic. GLOBSEK, 2021. P. 62.

⁸ Ibid.

⁹ The EU and the Coronavirus outbreak. Standard Eurobarometer 93 Summer 2020. URL: https://data.europa.eu/data/datasets/s2262_93_1_93_1_eng?locale=en (accessed: 22.11.2020).

¹⁰ Ibid. P. 13.

¹¹ Ibid. P. 19.

¹² Ibid. P. 52.

¹³ Standard Eurobarometer 96 – Winter 2021–2022. April 2022. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2553> (accessed: 22.11.2020).

справилось с кампанией вакцинации (против 45 % недовольных)¹. Причем к 2022 г. отношение к вакцинации как к необходимости стало более популярным (82 %), а удовлетворенность вакцинной политикой ЕС выросла (52 % удовлетворенных против 38 % неудовлетворенных по сравнению с 49 % удовлетворенных действиями национальных правительств и 47 % недовольных)². При этом, что касается Чехии, как уже упоминалось, уровень вакцинации в ней был ниже, чем в среднем по ЕС. При этом всего 34% населения готовы были перенести ответственность за закупку вакцин на ЕС³. Однако этот факт, вероятно, сочетался с общим недоверием к вакцине. То же самое можно было наблюдать в отношении российской вакцины – несмотря на внешнеполитические конфликты с Россией, почти половина чехов готовы были принять российскую вакцину от коронавируса «Спутник-V» в случае необходимости, и при этом основной причиной недоверия был не факт российского происхождения препарата, а общее недоверие к вакцине⁴.

Выводы

Политика обеспечения социетальной безопасности как кризисного менеджмента Чехии в эпоху пандемии соотносится с аналогичной политикой ЕС только в отношении общих направлений антикризисной политики и мер поддержки бизнеса и населения. При детальном рассмотрении практически каждое направление политики имеет значимые особенности, связанные как со временем принятия решений, так и с формой их воплощения. Исходя из этого, несмотря на общее соответствие, на различных этапах пандемии политика Чехии была в большей степени уникальна и самостоятельна.

Антикризисная политика во многом связана с общественным восприятием пандемии. В чешском обществе пандемия воспринималась в качестве угрозы, особенно – вторая и последующие волны распространения вируса. Действия правительства и эффективность проводимой антикризисной политики также в основном оценивались положительно. На уровне европейского же общества в целом кризис, связанный с COVID-19, изначально не был связан со страхом. Более того, противоречивая и нескоординированная политика ЕС (за исключением вопросов вакцинации и в какой-то степени экономики) также не вызывала доверия со стороны общества. Ввиду этого в условиях кризисной ситуации именно национальные правительства смогли сохранить легитимность и стать основными в реализации антикризисного управления.

Реальные различия и несоответствия определяются восприятием общества и политическими акторами кризиса в качестве угрозы и готовности общества следовать за проводимой политикой.

Пандемийный кризис показывает, что общеевропейские подходы не оказывают значительного влияния на национальную политику в случае, если кризис воспринимается обществом как угроза. Это ведет к проработке собственной политики кризисного менеджмента и, следовательно, к увеличению различий и уменьшению сходства между общеевропейским и национальным подходами к обеспечению социетальной безопасности.

Проблема координации взаимодействия стран – участников интеграционного объединения в условиях ЧС – одна из основных для социетальной безопасности ЕС. Она может оказывать влияние на уровень консолидации объединения и определять будущее европейской интеграции в целом.

Благодарность

Автор выражает благодарность профессору, доктору философских наук Гласер Марине Алексеевне.

¹ Flash Eurobarometer 494 Attitudes on vaccination against Covid-19. 21.05.–26.05.2021. Available at: URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2512> (accessed: 5.12.2022).

² Flash Eurobarometer 505 Attitudes on vaccination against Covid-19 - February 2022. European Commission. Available at: URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2692> (accessed: 5.12.2022).

³ GLOBSEC Trends 2021: Central and Eastern Europe one year into the pandemic. GLOBSEK, 2021. P. 59.

⁴ Willingness of people to get vaccinated with the Sputnik V vaccine in the Czech Republic in 2021, Statista. Available at: <https://www.statista.com/statistics/1232209/willingness-to-be-vaccinated-with-sputnik-v-in-czechia/> (accessed: 5.12.2022).

Список литературы / References

- Бабынина, Л. О. (2020) 'Коронавирус: что может сделать и делает Европейский союз', *Аналитические записки ИЕ РАН*, (12 (195)) [электронное издание]. URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an195.pdf> (дата обращения: 20 декабря 2022) [Babynina, L. O. (2020) 'Coronavirus: what the European Union can and is doing' [Koronavirus: chto mozhet sdelat' I delaet Evropeiskii soyuz], *Analiticalpapers of IE RAS*, 12 (195). Available at: URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2020/an195.pdf> (Accessed: 20th December 2020)]. (In Russ.). DOI: 10.15211/analytics122020.
- Потемкина, О. Ю. (2020) 'ЕС на пути к союзу здравоохранения', *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, 6, сс. 32–38. [Potemkina, O. (2020) 'EU on the way toward Health Union' [ES na puti k soyuzu zdravookhraneniya], *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, 6, pp. 32–38. (In Russ.)]. DOI: 10.15211/vestnikieran620203238.
- Шишелина, Л. Н. (2021) 'Опыт Вишеградских стран в борьбе с пандемией', *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, 1, сс. 111–117. [Shishelina, L. (2021) 'Experience of the Visegrad Countries in the Fight against the Pandemic' [Opyt Vishegradskikh stran v bor'be s pandemiei], *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*, 1, pp. 111–117. (In Russ.)]. DOI: 10.15211/vestnikieran1202111117.
- Энтин, М. Л. (2020) 'Безальтернативный характер развития ЕС', *Современная Европа*, 4, сс. 25–36. [Entin, M. (2020) 'Unalternative Character of EU Development' [Bezal'ternativnyi kharakter razvitiya ES], *Contemporary Europe*, 4, pp. 25–36. (In Russ.)]. DOI: 10.15211/soveurope420202536.
- Bušíková, L. and Baboš, P. (2020) 'Best in Covid: Populists in the time of pandemic', *Politics and Governance*, 8(4), pp. 496–508, DOI: 10.17645/PAG.V8I4.3424.
- Buzan, B., Wæver, O., and De Wilde, J. (1998) *Security: A new framework for analysis*. Lynne Rienner Publishers.
- Ferrera, M., Miró, J. and Ronchi, S. (2021) 'Walking the road together? EU polity maintenance during the COVID-19 crisis', *West European Politics*, 44, pp. 1329–1352, DOI: 10.1080/01402382.2021.1905328.
- Guasti, P. (2020) 'The impact of the Covid-19 pandemic in Central and Eastern Europe: The rise of autocracy and democratic resilience', *Democratic theory*, 7(2), pp. 47–60, DOI: 10.3167/dt.2020.070207.
- Kazarinova, D. V. (2022) 'Understanding the Infodemic of Coronavirus Conspiracy Theories', *Russia in Global Affairs*, 20(2), pp. 83–104, DOI: 10.31278/1810-6374-2022-20-2-83-104.
- Lægread, P., and Rykkja, L. H. (eds.) (2018) *Societal Security and Crisis Management: Governance Capacity and Legitimacy*. Springer.
- Nemec, J., Maly, I. and Chubarova, T. (2021) 'Policy responses to the COVID-19 pandemic and potential outcomes in Central and Eastern Europe: Comparing the Czech Republic, the Russian Federation, and the Slovak Republic', *Journal of Comparative Policy Analysis: Research and Practice*, 23(2), pp. 282–290, DOI: 10.1080/13876988.2021.1878884.
- Roe, P. (2004) *Ethnic violence and the societal security dilemma*. Routledge.
- Roe, P. (2016) 'Societal security' in: Collins, A., (ed.) *Contemporary security studies*. Oxford University Press, pp. 233–247.
- Urbanovics, A., Sasvári, P. and Teleki, B. 'Evaluation of the COVID-19 regulations in the Visegrad group', *Transforming Government: People, Process and Policy*, 15(4), pp. 645–657, DOI: 10.1108/TG-08-2020-0228
- Wæver, O. (1995) 'Identity, integration and security: Solving the sovereignty puzzle in EU studies', *Journal of international affairs*, 48(2), pp. 389–431.
- Wæver, O. (2008) 'The changing agenda of societal security'. In: Brauch, H. G. (ed.) *Globalization and environmental challenges*. Springer, Berlin, Heidelberg, pp. 581–593.

Статья поступила в редакцию: 03.04.2023

Статья принята к печати: 06.07.2023

**COMMON AND SPECIFIC IN APPROACHES TO ENSURING SOCIETAL SECURITY
AS CRISIS MANAGEMENT IN THE EU AND THE CZECH REPUBLIC
DURING THE COVID-19 PANDEMIC**

V. A. Gatskovskaya

V. A. Gatskovskaya, graduate student,

HSE University, Russia, Moscow.

E-mail: gatskovskaya10@yandex.ru (ORCID: 0000-0002-8536-3542. Research ID: HJA-8290-2022).

Abstract

The COVID-19 pandemic was a challenge for the EU as an integration association and for all its member states. To counteract the cross-border crisis triggered by the coronavirus, policies within the association and the interaction of member states had to be clearly coordinated. In reality, however, the approaches taken by member states to deal with the pandemic differed at almost every stage of it. An example of that was the Czech Republic and its unique approach to a significant number of aspects of crisis management. Using the concept of societal security as a theoretical basis, the article analyzes the threat of the COVID-19 pandemic to the EU, revealing the specifics of the Czech Republic's approach to crisis management (in comparison with the general European approach), and analyzing the public perception of the COVID-19 pandemic and the related crisis management policies at the EU and Czech Republic levels. It is concluded that the peculiarities of the approach to social security in the Czech Republic are primarily due to the peculiarities of the perception of the coronavirus as a threat, as well as to the anti-crisis policies implemented at the Czech and EU levels.

Keywords: pandemic; societal security; crisis management; Czech Republic; European Union.

УДК: 323

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-3-65-74

**ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕМЫ ГОЛОДА 1932–1933 ГГ.
В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН: ФРЕЙМ-АНАЛИЗ ПУБЛИЧНЫХ
ВЫСТУПЛЕНИЙ ВЛАСТВУЮЩЕЙ ЭЛИТЫ РЕСПУБЛИКИ**

Е. А. Варфоломеев

Варфоломеев Егор Алексеевич, аспирант,
факультет социальных наук, Департамент политики и управления, Аспирантская школа по политическим наукам,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия, Москва.

E-mail: egor_varf@mail.ru (ORCID: 0000-0001-5349-9448. Researcher ID: ABE-3755-2021).

Аннотация

Политическое использование прошлого стало важным инструментом формирования идентичностей. Постсоветские страны, активно пользуясь прошлым, демонстрируют различные стратегии обращения с ним. Рассматривается случай политического использования темы голода 1932–1933 гг. в Казахстане. В первую очередь использование темы этого голода ассоциируется с Украиной, но начиная с 2012 г. в Казахстане голод 1932–1933 гг. стал одним из инструментов формирования национальной идентичности. В центре внимания этого исследования оказались публичные выступления властвующей элиты Казахстана. Целью данной статьи стало определение динамики фреймирования голода в речах президентов Казахстана и их представителей. Для этого был использован динамический фрейм-анализ Яноу и ван Хульст. Основные вопросы данной статьи – как фреймируется голод 1932–1933 гг. властвующей элитой и какие общие и расходящиеся черты можно выделить, сопоставляя между собой фреймирование соперничающих нарративов. В результате анализа было показано, что властвующие элиты Казахстана фреймируют голод как искусственно созданную трагедию, не акцентируя внимание на виновном. Выстраиваемый официальный нарратив, таким образом, отличается от соперничающих нарративов дипломатичностью формулировок, как способствуя сохранению внутреннего баланса, так и не приводя к войнам памяти на международной арене, что отличает случай Казахстана от случая Украины.

Ключевые слова: Республика Казахстан; политика памяти; политическое использование прошлого; фрейм-анализ; нарративы; голод 1932–1933 гг.

Распад Советского Союза запустил процесс национального строительства в бывших союзных республиках, совпавший с государственным и экономическим переходами. Спустя 30 лет после начала этого процесса мы можем выделить как общие, так и особенные стратегии формирования национальных идентичностей. Обращение к исторической памяти постсоветскими странами стало общим местом для достижения этой цели (Finkel, 2010: 51–52). Однако существенным различием является то, как эти страны работают с исторической памятью, что в конечном итоге не только сказывается на внутреннем уровне политики, но и становится основанием для международных конфликтов (Finkel, 2010: 58).

Руководства ставших суверенными после распада СССР государств столкнулись с проблемой формирования национальной идентичности ввиду невозможности опереться на легитимность прошлых построений, что поставило перед ними задачу скорейшего формирования нации, связанной с государством (Rutland, 2023: 14). Память о прошлом – важная опора для формирования национальной идентичности (Malinova, 2021: 997). Однако этот процесс сопряжен с использованием политически пригодного для этого прошлого.

После 1991 г. часть бывших советских республик активно обвиняли друг друга в геноциде или других преступлениях (Finkel, 2010), что можно рассмотреть на примере политического использования темы голода 1932–1933 гг. Массовый голод 1932–1933 гг. охватил обширные районы СССР (Кондрашин, 2018: 6–8). Его основные очаги находились на территориях современных Казахстана,

России и Украины (Кондрашин, 2018: 6–8). Среди ключевых причин его начала называют неблагоприятные климатические условия и форсирование начатой ранее коллективизации. Тема голода в наши дни по-разному отражена в политике памяти – от забвения в России до признания геноцидом в Украине (а также ряде стран и международных организаций). Это приводит к мнемоническим войнам между странами, так как Россия (как преемница СССР) обозначается Украиной виновной в голоде, а также мнемонический конфликт находит отражение на национальном уровне. На этом фоне выделяется случай Казахстана, где память о голоде 1932–1933 гг. в последнее десятилетие тоже стала занимать заметное место в политике памяти страны – происходит инструментализация темы голода, становящегося предметом коммеморации, что, однако, не вызывает как сильных внутренних прений, так и острой реакции со стороны России.

В фокусе этой статьи находится официальный нарратив о голоде 1932–1933 гг., его эволюция и соотнесение с конкурирующими нарративами. Понимая политику памяти как соревновательное поле, не стоит забывать о его нахождении в публичном пространстве, что создает для акторов политики памяти возможность как оспаривать интерпретации прошлого, так и заимствовать их, поэтому, прежде чем перейти к анализу официального нарратива, будет дан краткий обзор соперничающих нарративов, под которыми понимаются нарративы о голоде 1932–1933 гг. групп, не входящих в правящую либо переставших быть ее частью. Основной вопрос данной статьи – как фреймируется голод 1932–1933 гг. в нарративе властвующей элиты Казахстана и какие общие и расходящиеся черты можно выделить, сопоставляя между собой фреймирование голода в соперничающих нарративах.

Таким образом, в начале статьи дано краткое описание соперничающих нарративов, а далее проведен анализ выступлений властвующих элит Казахстана с учетом данных, представленных в первом подразделе; в конце статьи даны основные выводы.

Теоретические основания и методология

Дж. Кокли отмечает, что в националистических нарративах, как правило, прослеживается тенденция к формированию позитивного образа нации посредством включения в нарратив памяти о героических эпизодах прошлого (Coakley, 2012). А. Ассман указывает, что трагические эпизоды, интерпретированные в героическом ключе, также могут быть включены в нарратив о нации (Ассман, 2019). С другой стороны, как отмечают исследователи, при формировании национальных нарративов государства сталкиваются с трудным прошлым, которое Дженнифер Диксон определяет как событие прошлого, связанное с нарушением прав человека (геноцид, депортации, репрессии и прочее), вину за которое несет государство или его правопреемник (Диксон, 2018). Трудное прошлое принципиально отличается от героического или героически интерпретированного, а его политическое использование идет вразрез со стратегиями построения национальной идентичности вокруг последних (Диксон, 2018).

Работа с трудным прошлым обычно происходит по двум сценариям. Первый – забвение, которое предполагает замалчивание или отрицание событий прошлого (Heisler, 2008: 16). Подобная ориентация на героическое прошлое способствует консолидации нации, однако не снимает противоречий, вызванных маргинализированной памятью о трудных событиях прошлого, что ведет к внутренним и внешним мнемоническим войнам (Heisler, 2008: 17–18). Второй – примирение с прошлым, которое предполагает проработку случившихся трагических событий и примирение сторон по итогам дискуссий, способствующих преодолению доминирующего фрейминга трудного прошлого (Art, 2006). В литературе отмечают, что способствуют преодолению забвения смена режима в государстве, международное давление, демографические изменения, деятельность ассоциаций жертв, изменение социальных норм (Malinova, 2021: 999). Оппозиция этих двух подходов укладывается в представление о политике памяти как о соревновательном поле, в рамках которого мнемонические акторы борются за продвижение собственной интерпретации коллективного прошлого (Malinova, 2021: 997).

На протяжении советского периода тема голода 1930-х гг. была предана забвению и стала широко обсуждаться в Казахстане только с конца 1980-х гг. (Richter, 2019: 483). Волну массового обсуждения в начале 1990-х гг. сменили десятилетия забвения со стороны властей уже независимой страны, но не со стороны оппозиции, которая на протяжении 20 лет развивала свой нарратив о голоде 1932–1933 гг. (Richter, 2019: 483–484). До 2012 г. официальные власти старались не затрагивать тему голода, а после призывали «не политизировать вопрос»¹. Вполне вероятно, это было вызвано двумя

¹ Выступление Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева на открытии Монумента памяти жертв голода 1932–1933 гг., *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*. 2012. URL:

причинами. Первая – курс Назарбаева на построение гражданской нации (Кэмерон, 2020: 184). Вторая – нежелание портить отношения с соседней Россией (на фоне конфликта России и Украины из-за интерпретации последней голода 1932–1933 гг. как геноцида) (Кэмерон, 2020: 184), а также курса Казахстана на сближение с Россией в экономическом плане, что не способствовало формированию негативного образа РФ в казахстанской политике памяти (Плотников, 2018).

Однако начиная с 2012 г. можно отметить значительный рост внимания к теме голода 1930-х гг. в политике памяти Казахстана: в большинстве областных городов созданы мемориалы жертвам голода, поминовение его жертв включено в День памяти жертв политических репрессий, к которому приурочены выступления первых лиц страны, посвященные как репрессированным, так и жертвам голода. В программной статье «Независимость превыше всего» президент Казахстана К-Ж. Токаев одним из ключевых направлений политики Казахстана на четвертое десятилетие его независимости называет «модернизацию сознания»¹, цель которой – формирование нации, адаптированной к современным реалиям. В рамках «модернизации сознания» Токаев предлагает написать историю без белых пятен, особо уделяя внимание событиям как «золотого века» истории страны – периода существования Золотой Орды, так и трагическим моментам XX в. – преследованию партии «Алаш» в 20-е гг., голоду 1921–1922 гг., голоду 1932–1933 гг. и декабрьским событиям 1986 г., особо подчеркивая важность памяти о трагических инцидентах в контексте понимания ценности независимости². Тем самым Токаев определяет репертуар исторических событий, которые окажутся в центре как политики памяти, так и политики идентичности Казахстана в ближайшее десятилетие.

Целью данной статьи стало определение динамики фреймирования голода в речах президентов Казахстана и их представителей. Для этого был использован динамический фрейм-анализ Яноу и ван Хульст, в центре которого находится анализ фреймирования и интерпретации нарративов о каком-либо событии. Фреймирование определяется как процесс конструирования смыслов, который ведет к формированию определенного видения мира. Фреймирование начинается, когда группа акторов сталкивается с новыми событиями в окружающем мире. С целью интерпретации нового опыта акторы фреймирования привносят прошлый опыт для интерпретации уникальных ситуаций в настоящем (Яноу и ван Хульст, 2011: 104–105). Актеры фреймирования транслируют непрерывно модифицирующиеся политические нарративы, фреймирующие и рефреймирующие события (Яноу и ван Хульст, 2011: 100). Анализ фреймирования события позволяет определить изменение или сохранение трактовок, установить преемственность между нарративами о событиях через рассмотрение динамики способов говорения о них, наличие в нарративе элементов прошлых повествований, опровержение элементов прошлых нарративов, реинтерпретацию проблем в новых нарративах (Яноу и ван Хульст, 2011).

Для проведения анализа были отобраны выступления президентов Казахстана, а также генерального секретаря страны, приуроченные ко Дню памяти жертв политических репрессий и голода или связанные с актами коммеморации голода (открытие памятников, конференций), доступные на официальном сайте президента Республики Казахстан. Объектами анализа стали выступления и обращения к народу президентов Казахстана 1997 г., выступление 2008 г., два выступления 2012 и 2015 гг., обращения к народу 2020–2021 гг., а также выступления государственных секретарей Казахстана: семь выступлений в период с 2015 по 2018 г. и два в 2021 г. Анализируя памятные речи президентов Казахстана и их представителей, приуроченные ко Дню памяти жертв политических репрессий и голода, можно составить представление о том, как инструментализируется тема голода в политике идентичности Казахстана и как это изменяется во времени.

Голод 1932–1933 гг. в Казахстане в соперничающих нарративах

Сторонники построения национальной общности Казахстана, основанной на культуре титульного этноса, начиная с конца 1980-х гг. стали обращаться к теме голода, что привело, например, к учреждению Национальной комиссии по расследованию голода 1930-х гг. В комиссию вошли как представители государственной власти (чиновники, генпрокурор, судьи), так и представители общественности, а также были представлены профессиональные сообщества (юристы, историки). На основе имеющихся данных (архивные документы, свидетельства очевидцев, печатные издания и стати-

https://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_addresses/vystuplenie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-nursultana-nazarbaeva-na-otkrytii-monumenta-pamyati-zhertv-golo (дата обращения: 20.04.2023).

¹ Токаев, К. (2021) ‘Тәуелсіздік бәрінен қымбат’, *Интернет-издание ‘Egemen Qazaqstan’*. URL:

<https://egemen.kz/article/260146-tauelsizdik-barinen-qymbat>. (дата обращения: 10.04.2023).

² Там же.

стика) члены комиссии пришли к выводу, что голод возник в результате халатной политики центральных властей и охарактеризовали его как «имеющий признаки геноцида», направленного на уничтожение кочевых казахов¹.

Данная комиссия предлагала провести рассекречивание архивных документов, которые были связаны с голодом, а также скорректировать учебные программы в школах по предмету «история» с учетом новой трактовки событий². Однако предложения комиссии отчасти так и не были воплощены.

В 1997 г. на фоне нарастания националистических настроений в стране государство вновь обращается к теме политических репрессий и голода 1930-х гг. в Казахстане. В результате был учрежден День памяти жертв политических репрессий, который стали отмечать 31 мая. Начиная с 2012 г. к названию дня памяти на сайте президента Казахстана и в СМИ добавляют «... и голода».

В 1998 г. была сформирована Комиссия Сената Парламента Казахстана по реабилитации всех категорий жертв политических репрессий. Ее целью, по словам председателя С. Касымова, было «устранение исторической несправедливости», также планировалось поднять вопрос о статусе голода 1932–1933 гг.³ Однако годом позже комиссия была расформирована, а Касымов стал представителем президента Назарбаева в Мажилисе Парламента Казахстана. Можно отметить, что формирование комиссии проходило на фоне принятия подобных законов и учреждения институтов памяти в Восточной Европе и, в частности, Украине, где тема голода 1932–1933 гг. стала важным элементом политики памяти страны.

Можно выделить несколько ключевых составляющих этнонационалистического нарратива о голоде 1932–1933 гг. в Казахстане.

Во-первых, выбор обозначения для голода. В случае Украины голод 1930-х гг. по аналогии с холокостом был назван голодомором. В случае Казахстана были предприняты попытки закрепления за голодом названий «Великий джунт» (это заглавие первой книги о голоде в Казахстане, изданной в 1991 г. Валерием Михайловым, означающее «падёж скота»), «Ашаршылык» (сильный голод, приводящий к множественным смертям) и «Зулмат». Но в русскоязычной прессе казахских националистов по аналогии с Украиной голод принято называть «голодомор».

Во-вторых, интерпретация голода как геноцида. В рассматриваемом нарративе коллективизация описывается как инструмент геноцида. Данная интерпретация в случае Казахстана подкрепляется апелляциями к исследованиям, согласно которым в голод 1930-х гг. погибло до трех миллионов человек, а откочевало за пределы СССР – до 600 тыс., что равно половине проживавших в тот момент на территории страны людей. Также отмечается, что коллективизация помимо голода привела к разрыву с традиционными для казахов ценностями и замещением их внешними, что вело к разрушению их уникальной идентичности и смешиванию с прочими народами СССР.

В-третьих, четкая артикуляция виновного в голоде. В этнонационалистическом нарративе персонализированы виновные в голоде: это Голощекин, руководитель Казахстана в 1930-е гг., и Сталин как глава государства. Подобная определенность идет вразрез с официальной интерпретацией, в рамках которой используются чаще безличные «преступный режим» или «тоталитаризм».

Таким образом, можно отметить, что голод интерпретируется в этнонационалистическом нарративе как геноцид, вина за который возлагается на руководство СССР, что требует юридической фиксации и проведения декоммунизации в стране.

В 2018 г. в Казахстане была зарегистрирована политическая организация «Жаңа Қазақстан», которая подготовила меморандум о признании голода геноцидом казахского народа. Данный документ не получил дальнейшего хода, но обсуждался в национальных СМИ⁴.

Меморандум был представлен А. Сарымом, одним из руководителей движения. В документе призывалось принять законы о декоммунизации и голоде 1932–1933 гг., а также подчеркивалась необходимость «дать юридическую и правовую оценку по признакам массовых убийств, геноцида и

¹ Текст Заключения комиссии Президиума Верховного Совета Республики Казахстан по изучению нормативных правовых актов, приведших к голоду во время коллективизации (1992), *National digital history of Kazakhstan*. URL: <http://e-history.kz/ru/publications/view/6> (дата обращения: 20.12.2022).

² Там же.

³ Касымов, С. (2009) Мы предали память тех, кто боролся за свободу и независимость Казахстана [Электронный ресурс], *Zona.kz*. URL: <https://zonakz.net/2009/12/02/%D0%BC%D1%8B%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%BB%D0%B8-%D0%BF%D0%B0%D0%BC%D1%8F%D1%82%D1%8C-%D1%82%D0%B5%D1%85-%D0%BA%D1%82%D0%BE-%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%BB%D1%81%D1%8F-%D0%B7%D0%B0-%D1%81%D0%B2/> (дата обращения: 03.12.2022).

⁴ О признании геноцида казахов (2018) [Электронный ресурс], *Матрица.kz*. URL: <https://matritca.kz/old/news/54004-o-priznanii-genocida-kazahov-pravovye-osnovy-i-politicheskaya-ocenka.html#sel=25:1,25:34;1:1,1:9> (дата обращения: 03.05.2023).

прочих преступлений против человечности коммунистического режима»¹. Интересно заметить, что Сарым в 2019 г., после транзита власти от Назарбаева к Токаеву, вошел в состав правящей партии «Нур-Отан», а после ее ребрендинга стал членом правления партии «Аманат».

Как уже отмечалось ранее, в советские годы голод 1932–1933 гг. в Казахстане не обсуждался публично, ввиду чего нет сложившегося советского нарратива о голоде. Вместе с тем обсуждение голода в публичном пространстве после 1991 г. привело к формированию групп, реакционно настроенных по отношению к этой теме, что усиливалось в их случае ностальгией по советскому прошлому. Таким образом сформировался советско-ностальгический нарратив.

Сложно выделить акторов, которые участвовали бы в борьбе за интерпретацию голода 1932–1933 гг. с позиций советско-ностальгического нарратива.

Логично предположить, что одним из ключевых акторов могла бы стать Коммунистическая партия Республики Казахстан, которая объявила себя преемницей Коммунистической партии КССР, но с конца 1990-х гг. она в парламенте страны не представлена и в данный момент занимает незначительное положение в политическом ландшафте страны.

Советско-ностальгический нарратив занимает маргинальные позиции в Казахстане. Можно найти отдельные электронные СМИ на русском языке, которые, обсуждая тему голода 1930-х гг., интерпретируют ее актуализацию «стремлением расколоть страну». Часто упоминаются «украинский сценарий», «отрицание исторической общности с Россией», «след Госдепа», стремление переложить вину за голод с казахов на русских. Авторами подобных статей подчеркивается, что голод был на территории всего СССР, а вина возлагается на неблагоприятные условия погоды и издержки плановой экономической системы².

В то же время важно отметить, что проанализированные источники не позволяют сказать о существовании ярко выраженного отрицания голода. Напротив, в статьях говорится о том, что голод был на территории всего СССР, а интерпретация его как геноцида по «украинскому сценарию» может привести к расколу внутри страны и ухудшению отношений с Россией. В связи с чем предлагается не жить прошлым и смотреть в будущее³.

Если суммировать те немногие данные о советско-ностальгическом нарративе, можно отметить, что сам голод в его рамках не отрицается, но его актуализация определяется как попытка дестабилизации этнической ситуации в Казахстане, подчеркивается, что голод 1932–1933 гг. не геноцид, а часть общесоветской трагедии, а персонализация виновных либо опускается, либо вина переносится на погодные условия.

Голод 1932–1933 гг. в Казахстане в официальном нарративе

В данной части статьи представлен анализ фреймирования голода 1932–1933 гг. в официальном нарративе Республики Казахстан. Для этого были проанализированы речи властвующей элиты страны и выделены фреймы – определения события, используемые для распознавания группой уникальных ситуаций настоящего.

Анализируя выступления властвующей элиты Казахстана, можно отметить, что тема голода не является регулярно воспроизводимой в их риторике до 2012 г. Однако отдельные заявления делались в 1990-е и 2000-е гг.

В 1997 г. Назарбаев утвердил День памяти жертв политических репрессий. Интересно, что на официальном сайте президента Казахстана этот день иногда называют Днем памяти жертв политических репрессий и голода, хотя никаких редакций закона от 1997 г. об утверждении праздника нет. Добавление «голода» к памяtnому дню совпадает с выступлениями первых лиц Казахстана по теме голода 1932–1933 гг.

Подобное фреймирование голода как части советских репрессий можно связать с попыткой поиска баланса между националистической и общегражданской повестками в стране. Дабы перехватить тему голода 1932–1933 гг. у набирающих силы националистов, Назарбаев и Токаев уравнивают

¹ Там же.

² Ергалиев, Г. (2021) Отравленными национализмом массами легче управлять [Электронный ресурс], *Stan Radar*. URL: <https://stanradar.com/news/full/44567-kazahstan-otravlennymi-natsionalizmom-massami-legche-upravljat.html> (дата обращения: 15.05.2023).

³ Жанайдаров, Д. (2023) Опасные параллели: почему Казахстану нельзя повторять ошибок Украины [Электронный ресурс], *Ведомости Казахстана*. URL: <https://kazvedomosti.kz/article/opasnye-paralleli-pochemu-kazahstanu-nelzya-povtoryat-oshibok-ukrainy/> (дата обращения: 15.05.2023).

репрессии и голод, усредняя их значение для всех этносов страны. «На нынешний год приходится сразу две даты, которые мы не должны забывать. Это 80-летие массового голода начала 30-х годов и 75-летие пика массовых политических репрессий сталинизма»¹.

В 2012 г. Назарбаев на сессии Ассамблеи народа Казахстана заявил, что Казахстан смог помочь спастись жертвам сталинских репрессий и стал для них новым домом². В 2016 г., снова выступая перед Ассамблеей, Назарбаев еще раз подчеркнет, что казахи «помогали жертвам сталинизма, никогда никого не обвиняли в бедах, пережитых в советское время, и смогли добиться независимости мирным путем, а сейчас строят свое государство, сплотив вокруг себя все этносы и конфессии страны»³. Пережитый опыт фреймируется как способствовавший складыванию мирного сосуществования разных народов в Казахстане при ведущей роли казахов: «Уже в новое время мы сделали ценности единства и согласия фундаментом общества, основой нашей особой казахстанской толерантности»⁴.

Интересно, что фрейм восприятия голода как общей трагедии Казахстана, Белоруссии, России и Украины использовался лишь на ранних этапах, например в 2012 г.: «Голод в Советском Союзе с 1932 по 1933 г. – один из худших периодов в истории человечества. Голод, разоривший не только Казахстан, но и Россию, Украину и Белоруссию, убил не менее 7 миллионов человек»⁵. Ранее, во время визитов в Киев в 2006 и 2010 гг., Назарбаев также называл трагедию общей. В 2012 г. это было важно в контексте создания Таможенного союза на территории этих государств. Частичный провал проекта и усиление националистического блока в Казахстане способствовали пересмотру этого пункта. Однако в выступлении государственного секретаря Абдылкаликовой, сделанном в 2016 г., можно наблюдать иную трактовку голода: «Кроме того, подвергнуты преследованию национальная интеллигенция казахов, демократическая партия “Алаш”, а искусственно организованный голод начала 1930-х гг. превратился в национальную трагедию»⁶. Голод начинает в большей степени восприниматься именно как национальная трагедия, а не общая травма постсоветских стран, и как искусственно созданное событие, что сближает официальный нарратив с этнонационалистическим. Это отчасти может быть связано с событиями 2014 г. на Украине, когда российское вмешательство в Крыму, Донецке и Луганске было с настороженностью встречено в постсоветских государствах, особенно в странах с большой долей этнически русского населения.

В то же время сохраняется отличная от националистов риторика, которая не возлагает вину на конкретный этнос: «Наша многоэтничность таким образом была искусственно создана. Но в этом нет вины людей, не по своей воле оказавшихся на нашей земле»⁷. Вина за голод 1932–1933 гг. возлагается на «преступный тоталитарный режим». Однако персонализация или конкретизация в речах не производится. Отчасти это можно связать со стремлением элит Казахстана сохранить добрососедские

¹ Выступление Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева на XIX сессии Ассамблеи народа Казахстана (2012), *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*. URL:

https://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_addresses/vystuplenie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-a-nazarbaeva-na-xix-sessii-assamblei-naroda-kazakhstana-27-04-2012_1340715076 (дата обращения: 23.04.2023).

² Выступление Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева на XIX сессии Ассамблеи народа Казахстана (2012), *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*. URL:

https://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_addresses/vystuplenie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-a-nazarbaeva-na-xix-sessii-assamblei-naroda-kazakhstana-27-04-2012_1340715076 (дата обращения: 23.04.2023).

³ Выступление Президента Казахстана Н. А. Назарбаева на XXII сессии Ассамблеи народа Казахстана (2016), *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*. URL: http://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_addresses/vystuplenie-prezidenta-kazakhstana-nazarbaeva-na-hhii-sessii-assamblei-narodkazakhstana?q=%D0%B3%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B4 (дата обращения: 23.01.2023).

⁴ Выступление Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева на XIX сессии Ассамблеи народа Казахстана (2012), *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*. URL:

https://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_addresses/vystuplenie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-a-nazarbaeva-na-xix-sessii-assamblei-naroda-kazakhstana-27-04-2012_1340715076 (дата обращения: 23.04.2023).

⁵ Выступление Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева на открытии Монумента памяти жертв голода 1932–1933 гг., *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*. URL:

https://www.akorda.kz/ru/speeches/internal_political_affairs/in_speeches_and_addresses/vystuplenie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-nursultana-nazarbaeva-na-otkrytii-monumenta-pamyati-zhertv-golo (дата обращения: 23.04.2020).

⁶ Выступление Государственного секретаря Республики Казахстан Г. Абдылкаликовой на пленарном заседании международной научно-практической конференции «“Мәңгілік Ел” как феномен национальной истории и исторической памяти» (2016), *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*. URL: https://www.akorda.kz/ru/secretary_of_state/secretary_of_state_speeches/vystuplenie-gosudarstvennogo-sekretarya-respubliki-kazakhstan-gabdykalikovoi-na-plenarnom-zasedanii-mezhdunarodnoi-nauchno-prakticheskoi-konf (дата обращения: 23.04.2023).

⁷ Участие в мероприятии, посвященном Дню благодарности [Электронный ресурс], *Библиотека Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы*. URL: <https://presidentlibrary.kz/ru/news/uchastie-v-meropriyatii-posvyashchennom-dnyu-blagodarnosti> (дата обращения: 23.04.2023).

отношения с Россией, преемницей СССР. Но, вероятно, в большей степени это связано с желанием сохранить благоприятный межэтнический климат в стране, избежать конфронтации казахов и русских. Стоит отметить, что после передачи власти от Назарбаева Токаеву подчеркивание невинности конкретных этносов в голоде 1930-х гг. сохранилось: «Я бы хотел это особо подчеркнуть. Потому что к гибели населения в годы коллективизации русский народ, как, впрочем, и русское руководство того времени, не имели никакого отношения», – заявил Токаев в программном интервью по случаю избрания президентом¹.

Количество жертв разнится от выступления к выступлению. Аналогичная ситуация с артикулируемыми последствиями. Ввиду этого спикеры подчеркивают, в частности, значимость изучения событий голода 1932–1933 гг.: «Обсуждение трагических страниц истории Казахстана первой половины XX в. является важным вкладом в процесс модернизации общественного сознания. Единство нации, в том числе и во взглядах на свою историю, есть необходимое условие дальнейшего прогресса страны»². Подобная риторика характерна для спикеров, выступающих на конференциях, посвященных репрессиям и голоду в Казахстане.

Наиболее частотным фреймом является определение голода как основной причины демографических проблем современного Казахстана. Употребление этого фрейма во многом связано с началом политики помощи в возвращении соотечественников на родину. Назарбаев акцентирует внимание на том, что в результате голода Казахстан покинуло более 600 тыс. чел. В то же время еще большее число людей покинуло Казахстан в 1990-е гг. после открытия границ и по мере становления авторитарного режима Назарбаева, за что его критиковали оппоненты внутри страны.

В целом репрезентация голода на ранних этапах не носила виктимный характер, а подавалась как трагедия, из которой казахи вышли победителями. «Разве было легко нашим дедам и отцам в этом столетии: в гражданскую войну, в периоды голода и мора, в годы массовых репрессий, в Великую Отечественную войну или в послевоенной разрухе?»³. В то же время в последние годы голод презентовался как травма, которую смогли преодолеть, но которая нанесла серьезный ущерб демографии. Отсюда выросла интерпретация голода как урока истории, события, которое не должно повториться.

В начале 1990-х гг. националистические движения, имевшие высокую популярность среди населения, внесли в общественную повестку дня вопрос памяти голода 1932–1933 гг. Причиной актуализации голода для них было стремление привлечь больше электората, который нужно было вернуть от России, а для этого требовалось разрушить миф о «прекрасном Советском Союзе», для чего идеальным инструментом могла служить тема голода 1930-х гг.

Однако это были низовые движения, они не имели доступа к властному ресурсу. Назарбаев, понимавший популярность идей националистов и желавший сохранить власть, заимствовал часть пунктов из политических программ националистических движений, в частности положения о трагедии голода, что позволило ему сохранить умеренных националистов на своей стороне. Все это находило отклик и в политике идентичности, которая в ранний период носила этнический характер, а не общегражданский.

Казахстан нуждался в тесном партнерстве с Россией, поэтому интерпретация голода теряет прежнюю категоричность. Назарбаев начинает говорить о том, что голод 1930-х гг. является общей трагедией народов бывшего СССР. Такой смене курса способствовал и сильный отток из страны городского населения, которое представляло собой узкую прослойку высококвалифицированных специалистов в разных сферах экономики, находившейся в кризисе, среди которых было много просоветски настроенных (в частности, этнически русских) граждан Казахстана.

Внутренние конфликты не способствуют стабильности режима. Стратегия формирования национальной идентичности, ядром которой была бы титульная нация, могла дестабилизировать баланс в стране из-за полиэтнического состава населения. Назарбаев принимает решение о конструировании гражданской идентичности, которая могла бы объединить все население республики. Отражение это-

¹ Русский народ ни при чем: Токаев высказался на тему голода 30-х годов (2019) [Электронный ресурс], *Sputnik*. URL: <https://ru.sputnik.kz/20190721/tokaev-vyskazalsya-na-temu-goloda-11012706.html> (дата обращения: 23.04.2023).

² Қазақстан Республикасының Мемлекеттік хатшысы Гүлшара Әбдіқалықованың Қызылорда қаласындағы «Тарихи жады және тағылым – рухани жаңғырудың негізі» атты ғылыми-практикалық конференциядағы сөзінің тезистері (2017), *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*. URL: https://www.akorda.kz/ru/secretary_of_state/secretary_of_state_speeches/kazakhstan-respublikasynyn-memleketitik-hatshysy-gulshara-abdikalykovany-n-kyzylorda-kalasyndagy-tarihi-zhady-zhane-tagylым-ruhani-zhangyrydun- (дата обращения: 23.04.2023).

³ Послание Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева народу Казахстана (1997), *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*. URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-na-nazarbaeva-narodu-kazhastana-oktyabr-1997-g (дата обращения: 23.04.2023).

го можно найти в текстах, связанных с установлением памятных дат, которые закрепляли коммеморацию голода. В них репрессиям 1930-х гг. и голоду 1932–1933 гг. придается подчеркнута общесоветский характер.

Можно заключить, что трансформация интерпретации голода 1932–1933 гг. в Казахстане привела к изменению характера политического использования голода в стране. Если ранее голод использовался для исключения «виновных» этносов, то в последние годы приобрела четко выраженный инклюзивный характер (жертвами голода признавались все этносы страны, а роль виновных перекладывалась на политический режим, но не на конкретное сообщество).

Авторитарный характер государственности и отсутствие крупных свободных СМИ в регионе позволяли Назарбаеву сохранять существовавшую в конце 2010-х гг. интерпретацию голода 1932–1933 гг. как доминирующую и контролировать ее эволюцию. Существующие же контрнарративы в силу ситуации со СМИ в стране не смогли занять заметного положения и конкурировать по охвату аудитории с официальной интерпретацией голода.

Что же касается фреймирования голода различными группами Казахстана, то можно отметить, что радикальная трактовка голода как геноцида казахов отчасти находит отражение в официальном нарративе в таких определениях, как «результат преступной политики» и «искусственный голод». В то же время эта смягченная официальная версия, вероятно, позволяет избегать конфронтации с теми, кто интерпретирует голод как стечение обстоятельств. Однако официальное фреймирование как трагедии, но не геноцида позволяет избегать и международной напряженности, которая могла бы возникнуть в случае объявления материальных или иных претензий к России как преемнице СССР, что тоже могло бы спровоцировать внутренние конфликты как с настроенной ностальгически по СССР частью населения, так и с этнически русской.

Транзит власти в 2019 г. от Нурсултана Назарбаева к Касым-Жомарту Токаеву в самом начале, казалось, не должен был привести к серьезным трансформациям в политической жизни страны. Это же касалось политики памяти.

В апреле–июне 2019 г. в стране проходила президентская кампания, в ходе которой кандидаты в президенты воздержались от высказываний на тему голода 1932–1933 гг. Но после избрания президентом в июле 2019 г. Токаев все же прокомментировал тему голода. В программном интервью, вышедшем в рамках фильма «Президент 2.0», он отметил, что тема изучения голода актуальна в Казахстане, но рассматривается «без надрыва, без русской направленности»: «Я бы хотел это особо подчеркнуть. Потому что к гибели населения в годы коллективизации русский народ, как, впрочем, и русское руководство того времени, не имели никакого отношения»¹.

В мае 2020 г. Токаев публикует обращение к казахскому народу по случаю Дня памяти жертв политических репрессий и голода, в котором продолжает линию Назарбаева в интерпретации голода. Голод все так же остается «трагедией», объявляется результатом «большого террора», наряду с репрессиями подчеркивается как составная часть процесса формирования казахстанской нации². Отклонением же от линии Назарбаева становится его заявление о создании Государственной комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. Подобная институционализация стала знаком качественно нового этапа политики памяти в стране.

В январе 2021 г. начинается работа по формированию комиссии. В послании народу в День памяти жертв политических репрессий и голода 31 мая 2021 г. Токаев развивает прежний нарратив о голоде. Изучение голода и репрессий и установление точного числа их жертв – задача восстановления исторической справедливости³. Он также подчеркивает, что «трагические страницы истории стали неотъемлемой частью нашей национальной идентичности»⁴. Тогда же по его инициативе ко Дню памяти жертв политических репрессий и голода Государственной комиссией по реабилитации жертв политических репрессий был подготовлен трехтомный сборник документов «Ашаршылык. Голод. 1928–1934», направленный в библиотеки и высшие учебные заведения страны.

¹ Русский народ ни при чем: Токаев высказался на тему голода 30-х гг. (2019) [Электронный ресурс], *Sputnik*. URL: <https://ru.sputnik.kz/20190721/tokaev-vyskazalsya-na-temu-goloda-11012706.html> (дата обращения: 23.04.2023).

² Обращение Главы государства Касым-Жомарта Токаева по случаю Дня памяти жертв политических репрессий и голода (2020), *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*. URL: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/akorda_oth_er_events/obrashchenie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-po-sluchayu-dnya-pamyati-zhertv-politicheskikh-repressii-i-goloda (дата обращения: 23.04.2023).

³ Обращение Главы государства Касым-Жомарта Токаева по случаю Дня памяти жертв политических репрессий и голода (2021), *Официальный сайт Президента Республики Казахстан*. URL: <https://www.akorda.kz/ru/glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-po-sluchayu-dnya-pamyati-zhertv-politicheskikh-repressiy-i-goloda-3042454> (дата обращения: 23.04.2023).

⁴ Там же.

Заключение

Сопоставляя официальный нарратив с соперничающими, можно заключить, что власти Казахстана после 2012 г. пытаются лавировать между стремлением к забвению голода и низведению события до случайности, характерным для советско-ностальгического нарратива, и радикальным фрейммированием голода 1932–1933 гг. как геноцида казахского народа. Подобная стратегия позволяет избежать чрезмерной напряженности как внутри страны, так и за ее пределами.

Работая с трудным прошлым, властвующие элиты Казахстана не передают его забвению, напротив, традиция обращения президентов или их представителей по случаю Дня памяти жертв политических репрессий и голода стала ежегодной, что подчеркивает актуальность темы голода для них. Тем более, что эта тема становится важной в контексте легитимации единства, межэтнической терпимости и независимости. В то же время, в отличие от Украины, не происходит процесса персонификации вины, тема голода не становится основой для легитимации России как негативного другого, что позволяет Казахстану не вступать в войны памяти.

В 2022 г. ко Дню памяти жертв политических репрессий и голода не последовало официального заявления. Однако произошло значительное изменение в практике поминовения голода первым лицом государства. Единственный раз, когда Назарбаев официально принимал участие в мероприятиях, посвященных репрессиям и голоду 1930-х гг., был в 2012 г. на открытии мемориала жертвам голода 1932–1933 гг. в Астане. С тех пор президента в столице и регионах на мероприятиях представлял госсекретарь, а в регионах его обращение зачитывали главы областей или мэры городов. Мероприятия были сугубо светского характера. Подобная практика продолжалась и первые три года правления Токаева. Но в 2022 г. президент начал День памяти жертв политических репрессий и голода с поминальной молитвы в мечети «Хазрет Султан» на тот момент в Нур-Султане, а после там же возложил цветы к первому мемориалу жертвам голода, в 2012 г. открытому Нурсултаном Назарбаевым.

С этого момента, можно предположить, начинается новая веха в политическом использовании темы голода в Казахстане. Особая роль голода в формировании казахстанской нации неоднократно подчеркивалась президентами Назарбаевым и Токаевым. Но последний в своей статье «Независимость превыше всего» заявляет о необходимости изучения голода и репрессий для формирования той интерпретации прошлого, которая бы не раскалывала нацию (Токаев, 2021). Так что в ближайшем будущем можно ожидать трансформации официального нарратива о голоде 1932–1933 гг.

Что же касается соперничающих нарративов, то можно отметить, что в условиях ограниченных ресурсов и отсутствия у них доступа к крупным СМИ, их трансляция на широкие слои общества все так же будет ограничена, тем не менее стоит ожидать изменений и в их фрейминге голода.

Список литературы / References

- Ассман, А. (2019) *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. Москва, Новое литературное обозрение. [Assman, A. (2019) *The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Politics* [Dlinnaja ten' proshlogo: Memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie. (In Russ.)].
- Кондрашин, В. (2018) *Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни*. Москва, Политическая энциклопедия. [Kondrashin, V. (2018) *The famine of 1932–1933: the tragedy of the Russian village* [Golod 1932–1933 godov: tragedija rossijskoj derevni], Moscow, Politicheskaja jenciklopedija. (In Russ.)].
- Кэмерон, С. (2020) *Голодная степь: Голод, насилие и создание Советского Казахстана*. Москва, Новое литературное обозрение. [Cameron, S. (2020) *The hungry steppe: famine, violence, and making of soviet Kazakhstan* [Golodnaja step': Golod nasilie i sozdanie Sovetskogo Kazahstana]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)].
- Плотников, Д. (2018) 'Изменения в политике памяти в государствах – союзниках России на постсоветском пространстве после 2014 года', *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 1. [Plotnikov, D. (2018) 'Changes in Surveillance Policy in Russia's Allied States in the Post-Soviet Space after 2014' [Izmenenija v politike pamjati v gosu-

- darstvah – sojuznikah Rossii na postsovetskom prostranstve posle 2014 goda], *Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Politologija*, 1. (In Russ.).
- Яноу, Д., ван Хульст, М. (2011) 'Фреймы политического: от фрейм-анализа к анализу фреймирования', *Социологическое обозрение*, 10 (1–2), сс. 87–113. [Janou, D. i van Hulst, M. (2011) 'Frames of the political: from frame analysis to framing analysis' [Frejmy politicheskogo: ot frejm-analiza k analizu frejmirovanija], *Sociologicheskoe obozrenie*, 10 (1–2), pp. 87–113. (In Russ)].
- Art, D. (2006) *The Politics of the Nazi Past in Germany and Austria*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Coakley, J. (2012) *Nationalism, Ethnicity and the State: Making and Breaking Nations*. SAGE Publications Ltd. DOI: 10.4135/9781473915107.
- Dixon, J. (2018) *Dark Pasts: Changing the State's Story in Turkey and Japan*. Cornell University Press.
- Finkel, E. (2010) 'In Search of Lost Genocide: Historical Policy and International Politics in Post-1989 Eastern Europe', *Global Society*, 24(1), pp. 51–70, DOI:10.1080/13600820903432027.
- Heisler, M. (2008) 'The Political Currency of the Past: History, Memory, and Identity', *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, 617, pp. 14–24, DOI: 10.1177/0002716208315024.
- Malinova, O. (2021) 'Politics of Memory and Nationalism', *Nationalities Papers*, 49(6), pp. 997–1007, DOI: 10.1017/nps.2020.87.
- Richter, J. (2019) 'Famine, Memory, and Politics in the Post-Soviet Space: Contrasting Echoes of Collectivization in Ukraine and Kazakhstan', *Nationalities Papers*, 48(3), pp. 476–491, DOI:10.1017/nps.2019.17.
- Rutland, P. (2023) 'Thirty Years of Nation-Building in the Post-Soviet States', *Nationalities Papers*, 51(1), pp. 14–32, DOI:10.1017/nps.2021.94.

Статья поступила в редакцию: 31.05.2023

Статья поступила в редакцию повторно, после доработки: 11.07.2023

Статья принята к печати: 18.07.2023

INSTRUMENTALIZATION OF THE SUBJECT OF THE FAMINE OF 1932–1933 IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN: FRAME ANALYSIS OF PUBLIC SPEECHES OF THE REPUBLIC'S LEADERSHIP

E. A. Varfolomeev

E. A. Varfolomeev, postgraduate student,
Faculty of Social Sciences, Department of Politics and Administration, Graduate School of Political Science,
National Research University "Higher School of Economics", Russia, Moscow.
E-mail: egor_varf@mail.ru (ORCID: 0000-0001-5349-9448. Researcher ID: ABE-3755-2021).

Abstract

Using the past for political purposes is a powerful tool in the formation of identities. Post-Soviet countries demonstrate various strategies when dealing with the memory of the past. This article focuses on the political use of the topic of the famine of 1932-1933 in Kazakhstan. This topic is usually associated with Ukraine, however, starting from 2012, the famine of 1932-1933 has become one of the tools for shaping national identity in Kazakhstan. This article uses Yanow and van Hulst's dynamic frame analysis to determine the dynamics of famine framing in the speeches of Kazakhstan's presidents and their representatives. The central question of this article is how the famine of 1932-1933 is framed by the ruling elite, and what common and distinctive features can be identified through comparison with the famine framing in competing narratives. The analysis shows that the ruling elites of Kazakhstan present the famine as an artificially created tragedy without focusing on the culprit. The constructed official narrative thus differs from rival narratives in its diplomatic language. This both helps to maintain internal balance and avoids memory wars in the international arena, which distinguishes the case of Kazakhstan from the case of Ukraine.

Keywords: Republic of Kazakhstan; politics of memory; political use of the past; frame analysis; narratives; famine of 1932-1933.

Обзоры и рецензии

УДК: 323

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-3-75-84

**К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ
КАК ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ: РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ
МОНОГРАФИИ Н. М. МУХАРЯМОВА И О. Б. ЯНУШ
«ЯЗЫКОВОЕ УСТРОЙСТВО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА:
ФАКТОРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ» (КАЗАНЬ, 2022)**

К. Ю. Замятин

Замятин Константин Юрьевич, PhD, доцент,
Институт языкознания РАН, Россия, Москва.

E-mail: k.zamyatin@iling-ran.ru (ORCID: 0000-0001-5374-911X. Researcher ID: AAY-5217-2020).

Аннотация

В тексте дается рецензия на книгу, для чего анализируется содержание самой книги, а также приводится контекст международных научных исследований о языке и обществе. Текст книги анализируется последовательно, начиная со введения, и далее от главы к главе. В конце делается вывод о значении книги для развития российской науки и для прикладных усилий ученых в области языковой политики. Книга поднимает в качестве своего организующего начала ключевую проблему междисциплинарности исследований языковой политики и представляет собой одну из редких в российской науке попыток исследования языковой политики с позиций политической науки. Такой ракурс исследования особенно актуален в России сейчас, когда каждый год разрабатываются новые официальные документы, регулирующие различные аспекты языковой жизни, от формулирования концептуальных основ государственной политики в этой сфере до утверждения языковых норм и реализации других прикладных аспектов. Авторы справедливо исходят из того, что с точки зрения эффективности политики одним из основных оказывается вопрос об агентности, множественности субъектов политики и важности их участия в формировании политики.

Ключевые слова: языковая политика; агентность; публичная политика; государственная политика; Российская Федерация; социология науки; мировая наука.

Потребность в книге, которая помогла бы русскоязычному читателю познакомиться с работами мировой науки в области теорий языковой политики и оценить их применимость к российской языковой политике, назрела давно, но особенно востребована такая работа в последние годы. Авторы книги констатируют во введении, что набирают динамику усилия «публично-властных инстанций» и «профессионально-общественных сил» в отношении влияния на языковую жизнь в России. В качестве иллюстрации этой динамики авторы приводят примеры последних принятых официальных документов, а также созданных новых научных площадок для обсуждения вопросов языковой политики.

Авторы также называют некоторые существующие лакуны и проблемы в осмыслении феномена языковой политики. Как эксперт, принимающий участие в разработке и продвижении упоминаемых в тексте книги проектов Концепции языковой политики и Программы сохранения и возрождения языков России, могу только засвидетельствовать, насколько актуальными оказываются многие поднятые авторами сюжеты из взаимодействия теории научного знания и практики политики. В связи с обозначенной двойственностью языковой политики хочу сразу же для ясности обратить внимание на ее принципиальное разграничение как политической и научной деятельности. Во избежание путаницы отмечу, что, говоря о научном дискурсе, я пишу про «теории языковой политики».

Сразу назову главное, на мой взгляд, достоинство книги – ее способность побудить желание размышлять и спорить, и даже написать рецензию. А это значит, что книга удалась. Именно исходя

из этого понимания значения книги, хочу подискутировать и высказать некоторые критические замечания.

Уже во введении авторы тезисно излагают свои основные идеи по преодолению лакун и проблем в осмыслении, в частности за счет расширения понятийного инструментария путем привлечения таких понятий, как «правовая политика» и «языковое устройство». Попытки теоретизирования и ввода новых категорий и классификаций интересны. Композиционно понятно стремление авторов с самого начала познакомить читателя с ключевыми идеями книги. Все же у меня осталось впечатление, что подобные обобщения скорее подошли бы для заключения книги, потому что после прочтения введения у меня сохранились сомнения, есть ли необходимость множить сущности и, например, вводить понятие языкового устройства, поскольку в книге речь идет все-таки не столько о российском обществе, а в первую очередь о государстве.

И это при том, что авторы говорят о «достигнутом в научном сообществе консенсусе по поводу перехода от моноцентричного видения феномена языковой политики в виде направления сугубо государственного управления языковым разнообразием к более панорамной картине» и о парадигмальном сдвиге «в направлении проблематики агентивности в языковой политике». Я бы с удовольствием согласился, но тут вынужден все-таки уточнить, что, насколько я знаком с тематикой, парадигмальный сдвиг произошел в англоязычной научной литературе, в то время как в русскоязычной литературе до консенсуса, кажется, пока далеко, а воплощение этого сдвига на практике в российских политических реалиях, судя по официальным документам, и вовсе пока не включено в повестку. Страна скорее пока находится в противофазе, поэтому, наверно, несколько преждевременно описывать «сетевую публичную политику» как реальную альтернативу.

Не подкрепляет тезис о парадигмальном сдвиге и собственная критика авторов фокуса разработчиков Программы сохранения и возрождения языков России на активизме в качестве одного из движущих элементов ее реализации. При этом активизм рассматривается авторами книги узко как «любительские формы», в то время как, по их мнению, основной движущей силой должны быть элиты, которые «играют ключевую роль в формировании ментальных и психологических предпосылок престижности того или иного языкового набора» и т.д. Разделяю опасения авторов относительно «факультативности» активизма «снизу», в том числе в его «научном изводе»; также согласен с оценкой ключевой роли элит в общественной жизни, которая, безусловно, соответствует российской действительности.

Вместе с тем усматриваю тут также нехватку научной рефлексии. В целом адекватно описанная ситуация мыслится в категориях элитной теории о природе политической власти. Но такой ракурс упускает из рассмотрения существенный аспект агентности. Если отвлечься от российской действительности, то в том-то и состоит суть агентности, что «люди имеют значение». Напишу подробнее об агентности («агентивности» у авторов книги) ниже в контексте соответствующей главы. Тут только замечу, что на этот дефицит контекста я и ссылаюсь, когда пишу выше о том, что тезисное формулирование основных идей во введении как композиционный ход оставляет больше вопросов, чем предлагает ответов.

Книга состоит из одиннадцати глав, которые авторы не разбивают на части, но условно их можно сгруппировать на первую часть, посвященную обсуждению скорее теоретических вопросов, вторую часть, сфокусированную больше на практическом применении научных разработок, хотя обе части неизбежно перекликаются и обе содержат как теорию, так и практику, и третью часть, в которой затрагиваются отдельные вопросы языковой жизни. Учитывая и теоретический, и прикладной характер материала, такое структурирование мне представляется довольно логичным.

Мне лично книга особенно интересна своей теоретической частью (первые три главы) – тематикой, которой я занимаюсь последние годы. Исследования по теориям языковой политики являются одним из наиболее динамично развивающихся междисциплинарных проектов в мировой науке. Несмотря на прошедшие по крайней мере полвека, до настоящего времени не состоялось синтеза и не возникло новой дисциплины, а значит, по-прежнему многое зависит от дисциплинарного профиля конкретного исследователя. Вместе с тем нужно сказать, что в рамках междисциплинарного проекта за эти десятилетия произошла значительная эволюция теорий языковой политики.

В главе 1 авторы книги отмечают важность критической теории для развития проекта на Западе и актуальность постколониальной перспективы для его развития сегодня в России. Не из-за того ли, что Казань географически находится восточнее? При этом авторы книги упорно называют этот научный проект «западным» и даже «евроцентричным», хотя постколониальная рефлексия началась на Западе уже в 1980-е гг. Авторы книги приводят предложения разных исследователей по периоди-

зации, которые, на мой взгляд, не совсем раскрывают траекторию эволюции проекта. Мне кажется более актуальной, в том числе и для самих авторов, периодизация, предлагаемая Дж. Толлефсоном и М. Пересом-Милансом (2018), которые как раз и приводят мысль о выделении проблематики структуры и агентности в качестве следующего этапа. Но этот вопрос по-прежнему открыт, потому что открыто само будущее, а проект по-прежнему быстро эволюционирует, воспринимая новые веяния в международной науке, именно поэтому им так интересно заниматься.

Однако есть определенные, уже устоявшиеся элементы, особенно в ракурсе важной темы междисциплинарности. Языковая политика и планирование возникли в рамках социолингвистики. Однако уже в 1970-х гг. один из основоположников проекта Дж. Фишман писал об отграничении социолингвистической перспективы от перспективы социологии языка, или «макросоциолингвистики» – в американской традиции. Одновременно в рамках формирования эпохи постмодерна центральным стал вопрос эпистемологии в связи с переходом к конструктивизму как парадигмальному сдвигу в социальных и гуманитарных науках, которые используют все более похожий набор количественных и все больше качественных методов. Принципиальной вехой здесь стал переход к новому пониманию природы власти в ее соотношении с языком и знанием. Одним из его следствий стало то, что, продолжая оставаться междисциплинарным проектом, теории языковой политики на сегодня имеют своим стречнем ее изучение в качестве «публичной политики» (public policy), которая является хорошо разработанной субдисциплиной в рамках политической науки – это понимание, кажется, разделяют и авторы книги, что выделяет их работу в российском контексте.

В условиях недостижения синтеза знаний разных дисциплин для становления отдельной дисциплины, когда руководства (хендбуки) по теориям языковой политики – это все что есть, наверно, неизбежно, что кое-где текст книги скорее напоминает конспект для написания учебника. При этом основными исследователями в рассматриваемой области названы Э. Хауген, Дж. Фишман, Б. Спольски, Т. Риченто, Т. Скутнабб-Кангас и Р. Филлипсон, а также ряд современных авторов, хотя научное влияние их работ, в том числе на политическую практику, не всегда оказывается явным. Например, стоит отметить, что Ф. Грин (2003) принимал участие в разработке Европейской языковой хартии. Текст местами несколько хаотичен за счет шероховатости склеек внутри глав, а расстановка акцентов иногда неточна. Например, глава 1 завершается выходом на различие «языковой политики» и «политики языка», которое, безусловно, существенно для обсуждения, но оно давно уже стало общим местом в проекте.

Глава 2 продолжает тему междисциплинарности в более узком ракурсе соотношения «языка» и «политики». Отмечается, что их соотношение «по-разному трактуется российскими и зарубежными исследователями». Авторы обсуждают разработки на эту тему в основном только современных российских исследователей. Однако стоит заметить, что последние еще не столь далеко продвинулись по сравнению с западными коллегами в освоении темы, в частности потому, что они обычно работают вне общего научно-философского контекста. Частично причина такого состояния дел кроется в том, что, в то время как в Советском Союзе политической науки не было, на Западе эта тематика интенсивно разрабатывается уже с 1970-х гг. (см., например, работы М. Эдельмана (1977), М. Шапиро (1984, 1988)). Соответственно, попытка автором составить таксономию и разбить языковые темы на дисциплины знания о политическом любопытна, но, на мой взгляд, нуждается в переосмыслении в свете накопленных достижений мировой науки.

Приход постмодернизма с его «дискурсивным» и «коммуникативным поворотом» сопровождался «политическим поворотом в науках о языке», который произошел даже раньше, чем в смежной области исследований – этнической политике. В противоположном направлении «лингвистический поворот» в западной философии начала XX в. к 1970-м гг. повлиял и на научные дисциплины, в частности оформился в «лингвистический поворот в политических науках». Последний оказался особенно интересен не только фокусом на исследованиях политического дискурса (помимо Я. Бломмэрта (1997) также Н. Фейрклаф (2014), Т. ван Дейк (1997)), но и тем, что вскоре язык стал рассматриваться в качестве объекта политики как «policy». Именно направление исследований языковой политики как публичной (а в российской политической традиции – государственной) политики на сегодня наиболее значимо и потенциально востребовано в прикладном плане.

Глава 3 обсуждает актуальную тему уровней политики и вводит в тематику субъектности, развиваемую далее в главе 6. Субъектность выводится в контексте центральной для социальных наук проблемы взаимодействия социальной структуры и человеческой агентности в вопросе первичности в формировании человеческого поведения. Обсуждение проблемы выиграло бы, если бы в книге был дан общий философско-научный контекст. Так, сама идея «правительственности» М. Фуко (1969)

включает представление о присутствии власти на всех уровнях общества и, таким образом, могла бы стать возможной предпосылкой дальнейшего обсуждения авторами уровней власти. Также релевантно было бы привести альтернативы решения проблемы структуры и агентства П. Бурдые (1977) или П. Бергера и Т. Лукмана (1966), работы которых авторы упоминают только в последующей главе в контексте институционализма. В качестве рамки для приложения конструктивистского подхода к языковой политике было бы логично, кроме собственно работ Д. Джонсона (2013), представить и общенаучный контекст, например в свете разработок тех же П. Бергера и Т. Лукмана или А. Гидденса (1984).

Актуальны и интересны попытки приложения обсуждаемых категорий к российским реалиям в следующих четырех главах на уровне дискурсов (глава 4), институций (глава 5), круга субъектов политики (глава 6) и политико-правовых механизмов (глава 7). В ключевой главе 4 про концептуальные подходы отмечается необходимость пересмотра и пересборки проводимой в России языковой политики в качестве отдельного направления государственной политики. Среди приведенных разноплановых факторов, показывающих потребность в таком шаге, выделяются примеры «разноречивых высказываний» и «оценочно-смысловых разночтений» как в научном, так и во властном дискурсе. При этом проводится различие между концептуализацией «в общем и нестрогом плане» как научной деятельностью, в которой «оспаривание выступает фундаментальной предпосылкой познания», и концептуальным оформлением политики, в котором происходит «артикуляция интересов» и «согласование социально-волевых позиций». Представляется, что в таком противопоставлении скрывается опасность в очередной раз перейти от теории социального конструктивизма к практике социальной инженерии, такой, например, как сейчас решаются вопросы национальной политики в России. Опасны своей конфликтностью ситуации, когда различия презентуются как «противоречия», которые предлагается решать дискурсивно «игрой словами», например через иерархизацию идентичностей, потому что отсюда один шаг до таких категорий, как «единый народ». Наоборот, нормально, когда идеологически сосуществуют, по сути, исключаящие друг друга дискурсы «многонациональность», «единая нация» и «сохранение многообразия», потому что дискурсы выражают и воплощают реальные интересы, институции и структуры идентичности.

В работающей демократии механизмы политического представительства и демократической делиберации как раз и призваны амальгамировать многоголосие мнений и выработать в многостороннем диалоге приемлемое политическое решение, позволяющее избегать конфликтов или разрешать существующие. Таких, как идентифицированная авторами необходимость согласования «интра- и интерлингвальных аспектов» в качестве центральной на сегодня проблемы российской языковой политики, хотя в будущем в контексте постколониальных исследований и этот расклад может поменяться вслед за раскладом сил политических акторов. Именно в таком случае согласования многоголосия мы сможем говорить не о государственной политике, но о публичной политике. Пока же подразумеваемый авторами способ решения противоречий через «планирование дискурса» через иерархически построенную систему категорий слишком напоминает существующую систему, строящуюся по советскому образцу «авторитетного дискурса» в условиях тоталитарной системы власти по принципу сверху вниз. Но даже в такой ситуации резилентность общества власти в фуколдианском смысле, то есть агентность, сохраняется.

В такой репрезентации, кстати, проявляется и опасность однобокости в выборе в качестве исследовательской стратегии только дискурсивного анализа, поскольку сквозь его очки видятся «противоречия», или «двойственность», языковой политики там, где политический анализ оперировал бы категориями «интересы» и «институты». В этом контексте вполне закономерно, что если в предыдущей главе исследовательский фокус акторов был на агентности, то в главе 5 речь идет о структуре – об институциях. Нельзя не согласиться с оптимизмом авторов по поводу эвристического потенциала применения неинституциональных подходов к языковой политике. Тут следует упомянуть, что наряду с исследователями типа Д. Лейтина российские исследователи также пытались понять политические решения в отношении языков в свете структурных факторов, в том числе с инструменталистских и институционалистских позиций. Так, с точки зрения М. Губогло (1998), в период распада СССР титульные элиты союзных республик занимались планированием статуса языков инструментально, так как были заинтересованы в том, чтобы использовать требования обязательного знания «титульного языка» госслужащими в качестве инструмента для обеспечения своего исключительного доступа к власти, поскольку местные русские, как правило, не знали или плохо знали титульные языки. Аргумент распространился по аналогии и на языковую политику в (автономных) республиках России. Однако аргумент по аналогии – это довольно слабый аналитический инструмент: практиче-

ски все автономные республики установили как титульные, так и русский языки в качестве государственных языков, что воспрепятствовало их использованию в качестве политического инструмента.

При этом интересы также могут структурно определяться институтами. Д. Горенбург (2003) замечает, что институционалистское объяснение подъема национальных движений указывает на центральную роль самого института республик и других «этнических институтов», «созданных для контроля за взаимодействием государства с этническими группами», как структурного фактора, обеспечивающего готовые каналы для этнической мобилизации. Согласно институционалистской логике, «политические предприниматели» были заинтересованы в этнической мобилизации для установления контроля над политическими институтами и, таким образом, захвата политической власти. С этой перспективы я трактую закрепление официального статуса языков в республиках как создание еще одного «этнического института».

Однако как инструменталистские подходы, основанные на интересах, так и институционалистские подходы не могут адекватно решить проблему структуры и агентности, так как имеют тенденцию не замечать роль идей. Многие активисты, участвовавшие в мобилизации, руководствовались не столько личным интересом, сколько сложными мотивами, включающими идеологические убеждения. Возобновившееся в последнее время в политической науке внимание к агентности возникло из понимания того, что мотивы акторов основаны не только на интересе, преследуемом в институциональной среде, но и на идеях, чувстве принадлежности, убеждениях и тому подобном, то есть на идеологиях. Идеологии не только легитимизируют существующий социальный порядок, но и в первую очередь конституируют этот порядок и, таким образом, конструируют социальную агентность. Институты включают лежащие в их основе идеологии, а изменения в идеологии могут вызвать институциональные изменения.

Материалисты, будь то марксисты или сторонники теории рационального выбора, как Д. Лейтин (1992), также могут рассматривать идеи просто как инструменты, которые акторы используют для достижения своих целей. С распадом СССР понятие идеологии стало непопулярным в России, поскольку ассоциировалось с марксизмом. В то же время игнорирование исследователями «национальной», «возрожденческой» и прочей идеологической риторики как дымовой завесы для своекорыстных интересов элит само по себе является проявлением марксистского понимания идеологии как «ложного сознания». Сводя идею статуса официального языка к активу в политическом конфликте, они допускают некоторую агентность элит, но недооценивают влияние политической среды, и прежде всего роль институтов, а также идей и идеологий, в формировании политических интересов. Для конструктивистов не только институты продвигают идентичность, помогая людям создавать свои ценности, но также идеи и ценности являются основой институтов и формируют убеждения и интересы акторов. Так, по мнению Д. Беланда и Р. Кокса (2010), при расчете полезности определенного варианта политики мотивы акторов включают идеи, вытекающие из данной институциональной среды, и их собственные политические убеждения.

Более того, как инструменталистская, так и институционалистская разновидность конструктивизма соответствуют теории элит и не учитывают альтернативной перспективы плюралистической теории политической власти с ее фокусом на массовой политике, вовлечении мобилизованных масс и взаимодействии между массами и элитами в политической жизни в процессе формирования политики, характеризующем периоды политических изменений. При этом исследователи социальных движений, например Х. Джонстон и Дж. Ноукс (2005), указывают на ключевую роль идеологий и дискурсивных фреймов в процессах мобилизации. А В. Шмидт (2010) замечает, что если «новоинституционалистские» подходы рационального выбора, нормативного, исторического и социологического институционализма сосредоточены на структуре, то дискурсивный или конструктивистский институционализм показывает, как идеи и дискурсы влияют на социальные и политические изменения.

Тут было бы логично представить переход к применению институциональных разработок к российским реалиям, но, поскольку с идеями и идеологиями на данный момент дела в России обстоят так, как обстоят, то такой склейки у меня нет. Так же, впрочем, как нет ее и у авторов – что можно привести в качестве иллюстрации неровностей текста, о которых я упомянул вначале. В этом контексте остается обратить внимание на дефицит исследований языковых идеологий в России, а также согласиться с констатацией авторами недостаточности и разобщенности в управленческом дизайне в отношении языковой политики в России.

В главе 6 продолжается рассмотрение поднятой выше темы о субъектности, но уже в контексте рассмотренных в предыдущей главе институциональных ограничений. Глава вновь начинается констатацией поворота «к людям» в изучении языковой политики и продолжает развивать тезис о

полицентричности языковой политики. Тут соглашусь только, что в реальной жизни можно увидеть поворот к полицентричности в политической практике разных стран. С сожалением остается признать, что, несмотря на соответствующую риторику, в России дела пока обстоят иначе. Не только политика в целом, но и формирование политики как политического курса идет сверху вниз, со стороны элит. Право определять язык обучения и изучаемые языки, безусловно, является проявлением агентности родителей, но довольно ограниченной рамками как формальных, так и идеологических структур.

Например, согласно Стратегии государственной национальной политики в текущей редакции 2018 г., «государственная национальная политика Российской Федерации – система стратегических приоритетов и мер, реализуемых государственными органами и органами местного самоуправления, институтами гражданского общества и направленных на укрепление межнационального согласия, гражданского единства, обеспечение поддержки этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, недопущение дискриминации по признаку социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, а также на профилактику экстремизма и предупреждение конфликтов на национальной и религиозной почве»¹. При этом любопытна подмена: «государственная политика» определяется тут через множественность субъектов, то есть, по сути, дается определение «публичной политики» в ее «западном» понимании, но на деле мы знаем, что это именно политика государства с декорациями «участия институтов гражданского общества». Далее, если мы посмотрим еще и Госпрограмму реализации государственной национальной политики в редакции 2021 г.², то по характеру мероприятий можем прийти к выводу, что в России именно государство является не только главным, но единственным субъектом политики, а «институты гражданского общества» только «принимают участие» в ее осуществлении.

Аналогичное решение власти предложили и в процессе разработки Концепции языковой политики. В то время как четыре института РАН разработали цитируемый авторами проект Концепции языковой политики³, имея в виду множественность субъектов языковой политики, проект, разработанный в Министерстве просвещения называется проектом Концепции государственной языковой политики⁴. Налицо ситуация, схожая с советским периодом с приматом интересов государства, в то время как одним из главных достижений перестройки было в том, что человек, его права и свободы, интересы гражданского общества были поставлены во главу угла. В развитие тезиса об «имитационной демократии» мы видим тут, как государство имитирует «полицентричность», включая в свой официальный дискурс элементы, присущие западной политической традиции.

Взаимодействие масс и элит не сводится к тому, что люди участвуют в выборах тех, кто ими рулит. Политическое участие масс в формировании политики принимает различные более или менее институционализированные формы, в том числе общественные движения, группы интересов и общественные организации. Активисты могут не только быть по определению самыми активными участниками общественных движений, но и формировать группы интересов и даже создавать общественные организации, чтобы выражать интересы гражданского общества – и тогда это уже не просто «активизм снизу», а полноценный диалог. В постсоветской России взаимоотношения государства и общества были построены на системе «государственного корпоративизма», когда государство выбирало только одну организацию из соответствующего сектора для представления общественных интересов в диалоге по поводу формирования политики: например, самый большой профсоюз отрасли или официально признанную национальную организацию типа избранного исполнительного органа съезда такого-то народа. На сегодня общественные организации, часто будучи даже возглавляемы чиновниками, потеряли автономию, и система государственного корпоративизма трансформировалась в элемент государственного контроля. При этом секторальные организации в некоторой степени продолжают служить каналом обратной связи, однако контекст национальной безопасности для национальной и языковой политики не способствует «активности гражданского общества».

Таким образом, в политической практике я в целом не наблюдаю отхода от «государствотричного» понимания языковой политики. Тем не менее ситуация сложнее, потому что и сегодня

¹ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.: Указ Президента Рос. Фед. от 19 дек. 2012 г. № 1666; О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.: Указ Президента Рос. Фед. от 6 дек. 2018 г. № 703.

² Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Реализация государственной национальной политики: Постановление Правительства РФ от 29 дек. 2016 г. № 1532 (ред. от 9 июня 2021 г.).

³ Проект Концепции языковой политики Российской Федерации, подготовленный Институтами РАН, от 16 июля 2021 г. URL: https://iling-ran.ru/web/ru/jazyki_rossii/kjap.

⁴ Проект Концепции государственной языковой политики Российской Федерации, подготовленный в Минпросвещения РФ, не публиковался.

языковой активизм является легитимной формой участия в формировании и реализации языковой политики. Влияние научного дискурса «языкового возрождения» в академических кругах также ощущается. Такое участие научного сообщества идет в ногу с «этнографическим поворотом», в котором «включенное наблюдение» не сводится к пассивному наблюдению, но предполагает активное участие исследователей, в том числе для улучшения жизни сообществ. Однако такая деятельность предполагает следование строгим этическим правилам, которые, по моим собственным наблюдениям, пока не отрефлексированы активистами от науки. В целом противопоставление плюралистической и элитной теорий о природе политической власти как политического участия общественных движений в форме «активизма снизу» и их взаимодействию с элитами мне представляется вторичным к вопросу о характере политического участия в зависимости от природы политического и правового режима.

Тут мы подходим к еще одной важной категории, обсуждаемой отдельно в главе 7, каковой является концепция «правовая политика». У меня сложилось впечатление, что авторы вкладывают довольно специфическое содержание в это понятие. В строгом смысле этого термина правовая политика разных стран состоит в том, чтобы следить, что суды осуществляют свою деятельность в соответствии с буквой и духом закона. В России эта функция реализовывалась, например, через постановления Пленума Верховного суда. Мне кажется, то, что авторы называют правовой политикой, является собой феномен несколько иной природы. Рефлексия по поводу советского права пришла к пониманию, что оно отличалось, в частности, тем, что существовал зазор между «правом» и «законом» как буквой и духом закона. В частности, наследие этой особенности советского права стало одной из причин того, что во время перестройки языковое законодательство было сформулировано декларативно, в том числе чтобы не решать многие потенциально конфликтные языковые вопросы, такие как обязательное использование языков. Такая ситуация не устраивала стейкхолдеров. В постперестроечное время исполнительная власть все больше использовала не правовые, а политические механизмы, чтобы продвинуть свою повестку. В условиях усиления исполнительной власти для этого не требовалось проходить согласительные процедуры законотворческого процесса. Таким образом, авторы книги используют концепцию «правовая политика», чтобы описать данную особенность права в России, но не приводят политический контекст. Впрочем, здесь, как и в других местах, фигуры умолчания говорят порой больше, чем сам текст.

Завершающие четыре главы добавляют к картине языковой жизни интересные частные аспекты, с разных сторон освещающие ее многообразие. Глава 8 о «десятилетиях языков коренных народов» также содержит релевантные размышления. В то же время утверждается основной аргумент о том, что эта категория распространяется не только на коренные малочисленные народы, но и на народы России численностью более 50 тысяч, с которыми, собственно, согласны даже власти, что видно по плану мероприятий «десятилетия».

В главе 9 о муниципальной языковой политике приведены актуальные данные опроса служащих в органах местного самоуправления. Думается, что тут картина могла бы быть полнее, если данные о мнениях респондентов были бы дополнены официальными данными, поскольку, по сути, большинство вопросов были вопросами факта, а такая информация об осуществляемых мерах органами власти собирается и первична по отношению к мнениям.

Самой полемичной мне представляется глава 10 о «финно-угорском мире» как примере трансграничного языкового сотрудничества. Кажется, выбран довольно сложный, а поэтому не самый удачный пример для изучения такого сотрудничества. Все-таки в соответствующей статье Европейской языковой хартии речь идет в первую очередь о случаях одного языка по обе стороны границы. Широта темы не сопровождается соответствующей глубиной и текст воспринимается скорее как публицистика, причем со ссылками на интернет-ресурсы типа «Регнум». При этом суть явления не обязательно передается неправильно, но дизайн оказывается с изъянами. Например, глава не обсуждает российскую перспективу, если, конечно, не считать высказывания М. Захаровой позицией Российской Федерации. Понятно, что международная тема сегодня сложна для обсуждения. Аргумент главы идет по кругу: оптика конструктивистского понимания предопределяет по замкнутому кругу и выводы, когда авторы, исходя из тезиса, приходят к его подтверждению.

Любопытные данные приводятся в последней, 11-й главе о языках в цифровом пространстве. Про последние главы можно тоже много что сказать конкретного, но, учитывая уже и так большой объем, детали пропущу. Отдельного заключения авторы не дают – читателю предстоит сделать выводы самому.

Для себя я вижу главный вклад книги в том, что она явила собой знаковый шаг в расширении горизонтов и освоении российским научным сообществом новейшего инструментария, наработанного мировой наукой. Эпистемологически важно изучать достижения и иметь разработанные научные инструменты и альтернативы, например в категориях «полицентричная», «сетевая», «публичная политика». Но онтологически важно также изучать реалии такими, как они есть в наиболее адекватной им оптике. После прочтения книги я еще раз убедился, что такие модные современные начинания, как этнография языковой политики, интересны и релевантны, но не могут заменить политического анализа и выступают только дополнением к нему. Ввиду этого мой личный вывод, о чем, кажется, в целом пишут и авторы книги: в России по-прежнему особенно актуально изучение языковой политики как публичной политики.

В России, в силу ряда причин, проблематика языковой политики с советских времен и до сих пор во многом продолжает изучаться социолингвистами. Еще тогда, когда в СССР господствовало марксистское учение с его специфическим пониманием политического, на Западе началось изучение вопросов языка и политики, выразившееся, в частности, в исследованиях языковой политики как конкретного случая публичной политики в рамках одноименной субдисциплины политической науки. В России такого направления до сих пор окончательно не оформилось, а ее изучением, в частности, занималась этнополитология, поскольку языковая политика до сих пор формально не выделена из национальной политики.

В мировой науке произошел ряд «поворотов», которые позволили эпистемологически по-новому увидеть социальные феномены, в частности феномен языковой политики. Они дополнили научный инструментарий возможностью посмотреть на этот феномен с разных сторон, например с перспективы разных субъектов. Тем не менее, когда мы говорим «языковая политика», мы все равно в первую очередь имеем в виду ее мейнстримовое понимание как публичной политики (Газзола и др., 2023, 2024), а в России – государственной политики. Концепты «семейная» или «школьная» языковая политика – метафоры в той мере, в какой мы не применяем их в контексте публичной политики, а в рамках последней они как раз и являют множественность субъектов.

Кажется очевидным, но, видимо, стоит проговорить еще раз: в академическом смысле языковая политика, несмотря на присутствие термина «языковая», не субдисциплина социолингвистики. В концепции «языковая политика» родовое понятие – «политика». Научное изучение политики осуществляет политическая наука (политология). Применение социологических и антропологических методов создает новые возможности в изучении политики. Тем не менее политическая социология, или политическая антропология носит вспомогательный характер по отношению к политической науке при изучении политического. В этнологии была схожая ситуация. Антропология добавила новый взгляд, но не изменила магистраль изучения национальной политики, которую по-прежнему исследуют в первую очередь этнополитологи в рамках политической науки. Религиозная, миграционная, гендерная и тому подобные политики также изучаются политологией.

Национальная, языковая, религиозная политики – это частные направления управления разнообразием. Теории языковой политики возникли как прикладной междисциплинарный проект, в котором инсайты из фундаментальных направлений аккумулируются для решения практических проблем. Именно поэтому, по моему убеждению, теории языковой политики из междисциплинарного проекта никогда не синтезируются в отдельную академическую дисциплину. Употребление термина «теории» во множественном числе указывает на множественность перспектив и отсутствие такого синтеза, и поэтому я предпочитаю его более старому названию «проект “языковая политика и планирование”».

Экспертиза антропологов, этнологов, лингвистов, религиоведов добавляет, но не может заменить работу политологов. Среди прочих практических проблем авторы цитируют наблюдение Т. Риченто (2006), что большинство социолингвистов и специалистов по прикладной лингвистике «либо имеют малую степень, либо не имеют никакой подготовки в области политической науки». В результате усилия практических лингвистов, не имеющих подготовки в социальных и гуманитарных науках, «скользят по поверхности дискурса», а решения принимают другие люди.

Национальная, языковая, религиозная политики – все эти политики – это конкретные примеры публичной политики, изучаемой в академической перспективе одноименной субдисциплиной политической науки. Смежной сферой по реализации публичной политики, а также соответствующей академической субдисциплиной политической науки является публичное администрирование (public administration), а в российском случае ожидаемо – государственное управление.

Несмотря на то, что, как я утверждаю, языковая политика в России по-прежнему «государственноцентричная», я согласен, что, конечно, и в России действуют и другие акторы со своей агентностью и резилентностью. Но при этом за абстрактным тезисом про множественность субъектов политики не стоит забывать, что агентность в обществе распределяется неравномерно – и конкретно в российском обществе она по-прежнему в основном спускается сверху вниз как политические и управленческие решения в рамках государственной политики и государственного управления.

Онтологически центральные вопросы – «что представляет из себя языковая политика» и «кто делает языковую политику?» В кратко- и среднесрочной перспективе представляется вероятным такое развитие событий, которое авторы во введении называют «инерционным сценарием» «государственноцентричной» политики. Такому онтологическому пониманию нужна соответствующая эпистемология. Политику изучает политическая наука. Более того, в арсенале современной мировой политической науки инструментарий публичной политики не ограничивается исследованием роли государства, но позволяет понять и роль других субъектов. В этом контексте приоритет все-таки остается за изучением языковой политики России как публичной политики (Замятин, 2023).

Список литературы / References

- Губогло, М. Н. (1998) *Языки этнической мобилизации*. Москва: ИЭА РАН. [Guboglo, M. N. (1998) *Languages of Ethnic Mobilization* [Yazyki etnicheskoy mobilizatsii]. Moscow: IEA RAS. (In Russ.)].
- Мухарьямов, Н. М. и Януш, О. В. (2022) *Языковое устройство российского общества: факторы политической динамики / под ред. Г. Ф. Лутфуллиной*. Казань: Отечество. [Mukhraryamov, N. M. and Yanush, O. V. (2022) *Language Set-Up of the Russian Society: Factors of Political Dynamics*. [Yazykovoe ustroystvo rossiyskogo obshchestva: faktory politicheskoy dinamiki] / ed. G. Lotfullina. Kazan: Otechestvo. (In Russ.)].
- Замятин, К. Ю. (2023) 'Изучение языковой политики как публичной политики в мире и России', *Социолингвистика*, 3 (в печати). [Zamyatin, K. Yu. (2023) 'Studying Language Policy as Public Policy in the World and Russia' [Izuchenie yazykovoy politiki v mire i Rossii], *Sotsiolingvistika*, 3 (in press) (In Russ.)].
- Beland, D. and Cox, R. H. (2010) 'Ideas and Politics' in: D. Beland and R. H. Cox (eds.) *Ideas and Politics in Social Science Research*. New York: Oxford University Press, pp. 3–20.
- Berger, P. and Lukmann, T. (1966) *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. NY: Anchor Books.
- Blommaert, J. (1997) 'Language and Politics, Language Politics and Political Linguistics', *Belgian Journal of Linguistics*, 11, pp. 1–10.
- Bourdieu, P. (1977) *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge: Cambridge University Press.
- van Dijk, T. A. (1997) 'What is Political Discourse Analysis?' in: J. Blommaert and C. Bulcaen. (eds.) *Political Linguistics*. Amsterdam: Benjamins, pp. 11–52.
- Edelman, M. (1977) *Political Language: Words That Succeed and Policies That Fail*. NY: Academic Press.
- Fairclough, N. (2014) *Language and Power*. 3rd edition. London: Longman.
- Fishman, J. (1972) *The Sociology of Language: An Interdisciplinary Social Science Approach to Language in Society*. Rowley, Mass.: Newbury House.
- Foucault, M. (2002, 1969) *The Archaeology of Knowledge*. A. M. Sheridan Smith (trans.) London and New York: Routledge.
- Gazzola, M., Gobbo, F., Johnson, D. C. and Leoni de León, J. A. (2023) *Epistemological and Theoretical Foundations in Language Policy and Planning*. Cham: Palgrave Macmillan.
- Gazzola, M., Grin, F., Cardinal, L. and Heugh, K. (eds.) (2024) *The Routledge Handbook of Language Policy and Planning*. Abingdon: Routledge. Forthcoming.
- Giddens, A. (1984) *The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration*. Oxford: Polity Press.
- Gorenburg, D. (2003) *Minority Ethnic Mobilization in the Russian Federation*. New York: NY Cambridge University Press.
- Grin, F. (2003) *Language Policy Evaluation and the European Charter for Regional or Minority Languages*. New York: Palgrave Macmillan.

- Johnson, D. (2013) *Language Policy*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Johnston, H. and Noakes, J. A. (eds.) (2005) *Frames of Protest: Social Movements and the Framing Perspective*. Lanham: Rowman & Littlefield.
- Laitin, D. (1992) *Language Repertoires and State Construction in Africa*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Pérez-Milans, M. and Tollefson, J. W. (2018) 'Language Policy and Planning: Directions for Future Research' in: J. Tollefson and M. Pérez-Milans (eds.) *Oxford Handbook of Language Policy and Planning*. Oxford: Oxford University Press, pp. 727–742.
- Ricento, T. (ed.) (2006) *An Introduction to Language Policy. Theory and Method*. Oxford: Blackwell Publishing.
- Shapiro, M. (ed.) (1984) *Language and Politics*. New York: New York University Press.
- Shapiro, M. (1988) *The Politics of Representation: Writing Practices in Biography, Photography, and Policy Analysis*. Madison: The University of Wisconsin Press.
- Schmidt, V. (2010) 'Reconciling Ideas and Institutions Through Discursive Institutionalism' in: D. Beland and R.H. Cox (eds.) *Ideas and Politics in Social Science Research*. New York: Oxford University Press, pp. 47–82.

Статья поступила в редакцию: 24.06.2023

Статья принята к печати: 07.07.2023

FOR STATEMENT OF THE PROBLEM OF STUDYING LANGUAGE POLICY AS A PUBLIC POLICY: REFLECTIONS ON THE MONOGRAPH OF N. M. MUKHARYAMOV AND O. B. YANUSH "LANGUAGE DEVICE OF THE RUSSIAN SOCIETY: FACTORS OF POLITICAL DYNAMICS" (KAZAN, 2022)

K. Yu. Zamyatin

K. Yu. Zamyatin, PhD, Docent.

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

E-mail: k.zamyatin@iling-ran.ru (ORCID: 0000-0001-5374-911X. Researcher ID: AAY-5217-2020).

Abstract

The text reviews the book by analysing the content of the book itself and providing the context of international scientific research on language and society. The text of the book is analysed sequentially, starting with the introduction and continuing from chapter to chapter. At the end, a conclusion is drawn on the significance of the book for the development of Russian scholarship and for the applied efforts of scholars in the field of language policy. The book raises as its organising principle the key problem of interdisciplinarity in language policy research and represents one of the rare attempts in Russian science to study language policy from the perspective of political science. Such a research perspective is especially relevant in Russia nowadays, when every year new official documents regulating various aspects of language life are developed, from the formulation of conceptual foundations of state policy in this sphere to the approval of language norms and the realisation of other applied aspects. The authors rightly assume that from the point of view of policy effectiveness, one of the main issues is the issue of agency, the plurality of policy actors and the importance of their participation in policy formation.

Keywords: language policy; agency; public policy; state policy; Russian Federation; sociology of science; world science.

УДК: 32

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-3-85-95

**ПОЛИТИКО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ГЕТЕРОГЕННОСТЬ,
КОНФЛИКТЫ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ БАЗ ДАННЫХ
ДЛЯ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

П. В. Панов

Панов Петр Вячеславович, доктор политических наук, главный научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов,

Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН, Институт гуманитарных исследований УрО РАН, Россия.

E-mail: panov.petr@gmail.com (ORCID: 0000-0002-0759-7618. Researcher ID: O-2160-2016).

Аннотация

Социокультурная, экономическая, географическая и иная неоднородность государства в кросс-территориальном отношении нередко политизируется, возникают движения за самоопределение и политико-территориальные конфликты. В поисках ответа на вопрос, какие способы управления политико-территориальным разнообразием более эффективны, ведутся количественные large-N-сравнительные исследования, которые требуют систематизации и интеграции больших массивов информации по разным аспектам проблемы: характеристики конфликтов, движений за самоопределение, политики государства по управлению конфликтами. В полной мере эта непростая задача пока не решена, и в данной работе представлен обзор нескольких баз данных, которые могут стать основой для такой интеграции, показаны их сильные стороны и ограничения, возможности и трудности интеграции. Ключевая проблема на этом пути видится в том, что разные датасеты основываются на различных единицах наблюдения: конфликты, этнические группы, страны, отдельные регионы и т.д. Более того, даже при одинаковых единицах наблюдения используются разные критерии для их включения в датасет. В некоторых датасетах присутствует смещение выборки, которое также затрудняет интеграцию данных.

Ключевые слова: базы данных; территориальная гетерогенность; политизация; конфликты; движения за самоопределение; институциональные реформы.

Задача управления политико-территориальным разнообразием приобретает в наши дни особую остроту. Это вызвано тем, что явно определенные территориальные границы – один из ключевых атрибутов современного государства, но в рамках этих границ отдельные части государства различаются по социокультурным, экономическим и иным характеристикам, и такая неоднородность в последние десятилетия все чаще приобретает политическое значение, порождая политико-территориальные конфликты, риски сепаратизма и угрозу территориальной целостности государства. Шотландия и Каталония – самые яркие, но далеко не единственные случаи.

Политико-территориальные конфликты, движения за самоопределение и стратегии, которые выбирают государства в ответ на их требования, чрезвычайно разнообразны. Пытаясь найти ответ на вопрос, какие способы управления политико-территориальным разнообразием более эффективны, ученые занимаются не только углубленными исследованиями отдельных случаев, но и количественными large-N-исследованиями в широкой сравнительной перспективе. Для такого рода исследований необходима систематизация и интеграция больших массивов информации по разным аспектам проблемы: характеристики политико-территориальных конфликтов, движений за самоопределение, политики государства по управлению конфликтами. В полной мере эта непростая задача пока не решена, и в данной работе представлен обзор нескольких (как уже ставших «классикой», так и созданных в последние годы) баз данных, которые могут стать основой для такой интеграции, показаны их сильные стороны и ограничения, возможности и трудности интеграции.

Политико-территориальная гетерогенность и конфликты

Попытки систематического сбора данных по политическим конфликтам предпринимались, начиная с 1930-х гг., но первым по-настоящему успешным проектом стал Correlates of War Project (COW), основанный в 1963 г. Дэвидом Сингером и Мэлвином Смоллом (Мичиганский университет). В начале 2000-х гг. проект «переехал» в Пенсильванский университет, где в настоящее время идет работа над пятой версией, которая пока опубликована частично¹. Все войны в рамках COW делятся на девять типов, объединенных в четыре группы: межгосударственные, экстрагосударственные (колониальные, имперские), негосударственные и внутригосударственные. К внутригосударственным относятся гражданские войны, которые подразделяются на два типа в зависимости от целей «повстанцев»: контроль над центральной властью (тип 4) или над территорией (тип 5). Последний, пятый тип соответствует политико-территориальным конфликтам. В последней версии датасета из 420 внутригосударственных войн, которые происходили с 1818 г., к этому типу относятся 155. Столь небольшое количество вызвано тем, что изначально операциональное определение «войны» в COW очень жесткое, включение в датасет предполагает не менее 1000 погибших (battle-deaths) в течение года (Sarkees & Wayman, 2010). Это является весьма существенным ограничением для использования COW в эмпирических исследованиях, но методологические находки этого проекта стали основой для многих других (обзор см.: Gleditsch et al., 2014).

Наиболее авторитетный среди них – Armed Conflict Dataset (ACD), совместное детище двух центров – Департамента по исследованию мира и конфликтов шведского Университета Уппсалы (Uppsala Conflict Data Program – UCDP) и норвежского Института по изучению мира в Осло (Peace Research Institute in Oslo – PRIO). Ключевым понятием здесь является не война, а конфликт как «contested incompatibility» – несовместимость позиций / целей акторов, которая оспаривается публично и активно (Bartusevič & Gleditsch, 2019: 228). При этом ACD включает только вооруженные конфликты и, продолжая логику COW, в качестве операционального критерия использует количество погибших в течение года, однако пороговое значение значительно ниже – 25 погибших. Тем не менее через переменную «интенсивность» среди всех конфликтов отдельно выделяются войны: «1» – конфликт (25–999 погибших), «2» – война (1000 и более) (Gleditsch et al., 2002). Подобно COW, ACD различает четыре типа конфликтов: межгосударственные, экстрасистемные, внутригосударственные и интернализированные внутригосударственные, а с точки зрения «предмета» (conflict issue incompatibility) – конфликты, где происходит борьба за контроль над центральной властью и над территорией. Таким образом, как и в COW, второй вариант внутригосударственных конфликтов соотносится с политико-территориальными конфликтами.

ACD регулярно обновляется, в настоящий момент на сайте выложена version 23.1 основного датасета. Данные представлены в панельном формате и охватывают период с 1946 по 2022 г.². Кроме того, за два десятилетия проект «оброс» самыми разнообразными «ответвлениями» по отдельным сюжетам: UCDP Dyadic Dataset, UCDP Actor Dataset, Cities and Armed Conflict Events и др. Среди них особый интерес представляют созданная на основе ГИС-технологий база геопривязанных данных (georeferenced data) о вооруженных конфликтах – UCDP Georeferenced Event Dataset (GED), а также Энциклопедия вооруженных конфликтов, которая содержит описания и характеристики конфликтов, включенных в ACD. Поскольку пороговое значение для включения конфликта в ACD составляет 25 погибших, объем информации в этом датасете заметно превосходит COW. Так, в UCDP / PRIO Armed Conflict Dataset version 23.1 содержится 2626 единиц наблюдения, в том числе 55 в 2022 г. Опираясь на тип и предмет, 20 конфликтов можно отнести к политико-территориальным.

Вместе с тем в последнее время исследователи все чаще подчеркивают, что акцент на вооруженные конфликты является серьезным ограничением, так как очевидно, что отнюдь не все конфликты доходят до стадии вооруженной борьбы (Bartusevič & Gleditsch, 2019: 225–226). Собрать в систематизированном виде информацию о мирных конфликтах, разумеется, намного сложнее, и один из немногих проектов, где ставится такая задача, – Conflict Barometer, который реализуется группой ис-

¹ Correlates of War. URL: <https://correlatesofwar.org/data-sets/cow-war/> (дата обращения: 04.06.2023).

² UCDP / PRIO Armed Conflict Dataset version 22.1. URL: <https://ucdp.uu.se/downloads/> (дата обращения: 04.06.2023). Поскольку конфликт понимается как противоборство двух сторон, имеется и иная версия датасета, где единица наблюдения – диада «правительство – повстанцы».

следователей Гейдельбергского университета с 1992 г. в форме ежегодных обзоров, а с 2014 г. еще и ежегодно обновляемых датасетов, где единица наблюдения – конфликт-год¹. До 2008 г. датасеты публиковались в рамках проекта CONIAS (Conflict Information and Analysis System), который одновременно выполнялся в этом же университете и по той же методологии².

Политический конфликт в Conflict Barometer определяется как такая несовместимость (incompatibility) позиций акторов по значимым для общества вопросам (предмет конфликта – conflict item), которая проявляется в «экстраинституциональных действиях», то есть конфликтные взаимодействия между акторами выходят за рамки сложившихся (в данном контексте) процедур разрешения спорных вопросов (таких как выборы, обращение в суд и т.д.) (Conflict Barometer, 2021: 7–8). Таким образом, ключевыми характеристиками конфликта являются, во-первых, акторы – стороны конфликта. Во-вторых, предмет, по которому их позиции несовместимы, и на основании этого выделяется девять типов конфликтов (последний – по остаточному принципу), в том числе два, которые можно отнести к политико-территориальным: по поводу автономии и сепаратизма. В-третьих, уровни интенсивности конфликтных взаимодействий: первые два (диспут и ненасильственный кризис) – «низкие уровни», затем «средний уровень» (насилие), и еще два уровня (ограниченная война и война) относятся к «высоким». Операционально они фиксируются через такие прокси-индикаторы, как использование оружия и вооруженных людей, количество погибших и беженцев, масштабы разрушений.

Conflict Barometer далеко не свободен от недостатков. Датасет имеет серьезные хронологические ограничения (только с 2014 г.), при этом дополнить его на основании ежегодных текстовых докладов представляется проблематичным, так как масштабы и глубина сбора информации на первых стадиях реализации проекта были довольно ограниченными. Так, объем доклада за 2002 г. составляет всего лишь 36 страниц, в 2006 г. – 64 страницы, в 2010 г. – 92, и на текущий уровень работы с информацией проект вышел только в последнее десятилетие (косвенно об этом говорит тот факт, что объемы ежегодных докладов стабилизировались и варьируются вокруг 200 страниц). Количество закодированных характеристик конфликта в датасете невелико (только акторы, предмет и интенсивность), а в докладах представлены описания не всех конфликтов.

Несмотря на эти ограничения, подход Conflict Barometer к пониманию конфликтов не только как вооруженных (насиленных) представляется перспективным. Последняя версия датасета, выпущенная в мае 2023 г., содержит 363 конфликта, и 80 из них относятся к автономистским либо сепаратистским. Весьма примечательно, что только 13 из 80 в течение всего периода 2014–2022 гг. находились на высоком уровне интенсивности, тогда как 14, напротив, все время оставались на низком уровне интенсивности. Если же смотреть отдельные годы, то примерно около половины всех политико-территориальных конфликтов являются ненасильственными, и это лишний раз указывает на то, что такие проекты, как ACD, дают мощное смещение выборки (selection bias). Тем не менее ряд исследователей полагают, что и для Conflict Barometer характерно смещение выборки в сторону более интенсивных конфликтов. Это связано с тем, что Conflict Barometer и CONIAS ограничивают понимание конфликта экстраинституциональными взаимодействиями, тогда как несовместимые позиции нередко оспариваются акторами активно и публично, но вполне конвенциональными методами. Кроме того, само понимание экстраинституциональности не вполне надежно с точки зрения операционализации, и в ряде случаев отбор конфликтов (их включение / невключение в датасет) вызывает сомнения (Germann & Sambanis, 2021, Online Appendix: 2–3).

Политизация территориальной гетерогенности и движения за самоопределение

Термин «политизация» коннотационно предполагает, что «нечто», изначально не имея политического значения, становится политически значимым. Применительно к территориальной гетерогенности это значит, что социально-экономическое, социокультурное и тому подобное разнообразие территорий отнюдь не обязательно становится политической проблемой и далеко не всегда приводит

¹ Conflict Barometer. Datasets. URL: <https://hiik.de/data-and-maps/datasets/?lang=en> (дата обращения: 04.06.2023).

² В настоящее время CONIAS сфокусировался на исключительно консалтинговых проектах. См: CONIAS. URL: <https://conias.com/en/> (дата обращения: 04.06.2023).

к возникновению движений за самоопределение, к политической мобилизации и политико-территориальным конфликтам. Не останавливаясь на вопросе о причинах политизации территориальной гетерогенности (это отдельная и достаточно дискуссионная тема), следует отметить, что она, как правило, базируется или как минимум сопровождается и легитимируется акцентуацией социокультурной специфики населения / территории, и особенно сильным основанием при этом является этническая идентичность¹. Не удивительно, что именно этнические группы обычно являются единицей наблюдения при создании баз данных, направленных на изучение политизации территориальной гетерогенности и движений за самоопределение.

Первой масштабной попыткой систематизации большого массива информации о политизированных этнических группах стал Minorities at Risk project (MAR), инициированный в 1986 г. Тедом Робертом Гарром в Университете Мэриленда (Center for International Development and Conflict Management – CIDCM). Политически активными (politically-active groups) считаются группы, которые удовлетворяют хотя бы одному из двух критериев: 1) страдают от систематической дискриминации; 2) производят коллективную мобилизацию в защиту и продвижение требований самоопределения (Gurr, 1993: 6). На первой фазе реализации проекта было выделено 233 таких группы, затем их количество увеличилось и на последней, четвертой фазе (хронологически она охватила период до 2006 г.) достигло 284². Данные представлены в панельном формате за 1945–2006 гг. и содержат большое количество переменных: характеристики группы (размеры, специфика, территориальная концентрация и т.д.), ее положение (дискриминация, уровень недовольства), политические организации и представительство в органах власти, требования, ресурсы, конфликты и т.д.³. Одна из переменных – индекс сепаратизма (Separatism index) – позволяет выделить те группы, у которых есть активные сепаратистские и автономистские движения. На момент 2006 г. из 284 групп таких было 135.

Следует заметить, что параллельно с MAR в этом же исследовательском центре (CIDCM) осуществлялся проект Peace and Conflict Reports в формате ежегодных докладов, где содержится информация о различных конфликтах: глобальных, режимных (демократизация) и движениях за самоопределение⁴. Последняя категория явно коррелирует с информацией о сепаратистских группах в MAR.

Хотя большинство переменных в MAR закодированы на номинальном или порядковом уровне, этот датасет чрезвычайно активно используется в сравнительных количественных large-N-исследованиях. Отдавая ему должное, ученые тем не менее отмечают свойственное ему смещение выборки и субъективность оценок при включении этнической группы в «список» политически активных (Hug, 2013). Пытаясь преодолеть эту слабость, многие исследователи стремятся расширить перечень политически значимых групп. Одной из наиболее успешных в этом направлении стала деятельность коллектива по изучению международных конфликтов (International Conflict Research – ICR) Швейцарского федерального технологического института в Цюрихе под руководством Ларса-Эрика Цедермана. Результатом этой работы стал EPR – Ethnic Power Relations dataset. Его первая версия была опубликована в 2005 г. (Cederman et al., 2010), а дальнейшее развитие вылилось в создание целого «семейства датасетов» (EPR Dataset Family) и единого для всех ресурса GROW^{up} (Geographical Research On War, Unified Platform).

Единицей наблюдения в EPR, как и в MAR, является политизированная этническая группа – «политически релевантная этническая группа» (politically relevant group). К таким группам относятся те, которые: а) имеют хотя бы одну политическую организацию, ставящую целью представлять группу, или б) члены этой группы подвергаются политической дискриминации со стороны государства

¹ Исследователи, как правило, используют веберовское понимание этничности как субъективного представления об общем происхождении («common descent», «common origin») независимо от того, на чем оно основано: «Группы, которые, либо опираясь на сходство внешнего облика или обычаев или того и другого вместе, либо на почве воспоминаний о колонизации или переселении лелеют субъективную веру в единство своего происхождения и стремятся на этом основании к созданию общности, мы будем называть (если только они не представляют собой роды) этническими группами, причем не важно, существует ли единство крови объективно» (Вебер, 2017: 72).

² В 2010-х гг. в продолжение MAR был реализован проект AMAR (All Minorities at Risk project), где количество этнических групп превысило 1000, но это было сделано за счет расширения критериев отбора до «социально релевантных групп» (socially relevant), в большинстве из них не прослеживается политическая мобилизация (Birnie et al., 2015).

³ MAR Data. URL: http://www.mar.umd.edu/mar_data.asp (дата обращения: 04.06.2023).

⁴ Peace and Conflict. URL: <https://cidcm.umd.edu/research/peace-and-conflict> (дата обращения: 04.06.2023).

(Vogt et al., 2015: 1329). Несмотря на то, что концептуальные критерии очень похожи на MAR, авторы EPR, опираясь на экспертные оценки специалистов по отдельным странам (online expert survey, около сотни экспертов), выделили не 284, а 733 этнические группы в качестве политически релевантных. Частично это связано с тем, что учитывались не только меньшинства, но и доминирующие этнические группы. Более того, ключевая идея проекта изначально заключалась именно в том, чтобы определить политический статус каждой группы с точки зрения доступа к власти, выделив семь вариантов: имеющие монополию на власть, доминирующие, старшие и младшие партнеры в коалиции, не имеющие доступа к власти, дискриминируемые и исключаяющие себя из политической жизни данного государства (то есть сепаратисты, в том числе в де-факто государствах). Участники проекта исходят из того, что именно политический статус группы является наиболее значимым фактором этнополитических конфликтов, и их многочисленные исследования в целом подтверждают эту теорию. Поскольку для проведения этих исследований необходимы данные по этнополитическим конфликтам, все политически релевантные группы были соотнесены с конфликтами из базы данных ACD и создан ACD2EPR-датасет.

Последняя версия EPR, выпущенная в 2021 г., содержит более 800 политически релевантных этнических групп. Данные представлены в панельном формате «группа-год» за период с 1946 по 2021 г.¹ и включают десятки переменных, характеризующих группу и ее доступ к власти, конфликты, а также разнообразные переменные странового уровня. Кроме того, на платформе GROW^{up} основной датасет интегрирован с другими датасетами из этой «семьи»: Transborder Ethnic Kin (EPR-TEK), Ethnic Dimensions (EPR-ED) dataset, The Ethnicity of Refugees (EPR-ER) dataset². На основе ГИС-технологии ареалы расселения всех этнических групп наложены на карту и создан GeoEPR dataset. Картографическая информация представлена за разные годы, что позволяет визуализировать динамику и расселения, и политического статуса каждой этнической группы. Достаточно подробные текстовые описания представлены в EPR Atlas.

В целом выросший из EPR проект является на сегодняшний день, пожалуй, наиболее масштабной и разносторонней базой данных для сравнительных исследований этнополитических конфликтов. Тем не менее у него есть некоторые ограничения. Прежде всего, не всегда бесспорны экспертные оценки по поводу отнесения этнической группы к политически релевантным, а также кодировка их доступа к власти (она не всегда соответствует официальной электоральной статистике). Уровень конфликта закодирован на основе ACD, следовательно, учитываются только вооруженные конфликты с количеством погибших не менее 25 человек в год, так что в оценках конфликтов имеет место смещение в сторону наиболее интенсивных. Отсутствует информация о требованиях этнических групп и реакции государства на эти требования. Интеграция EPR с ACD позволяет выделить в отдельную категорию политико-территориальные конфликты, поскольку, как отмечалось выше, ACD содержит переменную о предмете конфликта, но она не включена в ACD2EPR. С 2014 г. дополнительно к доступу к власти на национальном уровне в EPR введена такая переменная, как наличие у этнической группы территориальной автономии, то есть косвенно (анализируя динамику) можно определить, когда у этнических групп появляется и представительство в национальных органах власти, и территориальная автономия, но не вполне понятно, насколько это является следствием движения за самоопределение или же вызвано иными причинами.

Перспективы создания «интегрированной» базы данных

Таким образом, и по конфликтам, и по этническим группам созданы достаточно фундаментальные базы данных, где систематизирована разнообразная информация по политико-территориальным конфликтам и движениям за самоопределение, но ни один из описанных выше датасетов не фокусируется на деятельности государства по управлению политико-территориальными конфликтами. Тем не менее исследователями неоднократно ставилась задача объяснить, почему государство по-разному реагирует на требования самоопределения, исходящие от разных групп. Одна из самых известных работ по этому поводу принадлежит Барбаре Уолтер, которая рассматривает ре-

¹ GROW^{up} – Geographical Research On War, Unified Platform. URL: <https://growup.ethz.ch/> (дата обращения: 04.06.2023).

² EPR – Ethnic Power Relations. URL: <https://icr.ethz.ch/data/epr/core/> (дата обращения: 04.06.2023).

акцию государства на сепаратистские требования с точки зрения рационального выбора и разрабатывает «репутационную теорию»: государство значительно реже идет на уступки (accommodations) требованиям самоопределения, если в стране есть другие этнические группы, которые могут выдвинуть (или уже выдвигают) аналогичные требования, а также если эти требования касаются более «ценной» части территории государства (Walter, 2009). Реакция государства закодирована автором на основе первичных источников (Keesing's Contemporary Archives) через порядковую шкалу из четырех уровней: отсутствие реформ, нетерриториальные реформы, предоставление территориальной автономии и согласие на сепессию. Работа Уолтер имеет важное значение, но она сделана на основе анализа 146 движений за самоопределение с 1956 по 2002 г., и этот список основывается на проекте Peace and Conflict Reports (CICDM), который, как отмечалось выше, соответствует MAR и страдает заметным смещением выборки.

Аналогичные ограничения характерны и для исследования Кэтлин Каннингем, которая выдвигает и тестирует еще один важный тезис: значимым фактором готовности государства к компромиссам (concessions) с движением за самоопределение является степень фрагментации как самого движения, так и государства: чем она выше, тем проблематичнее достичь компромисса (Cunningham, 2014). Автор самостоятельно кодирует реакцию государства на основе первичных данных (Keesing's Record of World Events, LexisNexis Newswires, regional World News Reports и т.д.), но выборка из 142 движений за самоопределение опять-таки основывается на Peace and Conflict Reports (CICDM).

Следует заметить, что обе исследовательницы включают в «позитивные» для движения за самоопределение реакции государства не только предоставление территориальной автономии, но и реформы, связанные с представительством группы в органах власти, удовлетворением требований в социокультурной сфере (язык, религия и т.д.), и это выгодно отличает их подход от EPR, где игнорируются реформы, не имеющие отношения к участию представителей этнических групп во власти на национальном и субнациональном уровнях.

В целом эти работы показывают, что для дальнейших исследований есть потребность в создании интегрированной базы данных по всем трем направлениям (движения за самоопределение, политико-территориальные конфликты и политика государства по управлению такими конфликтами), причем такой, которая бы не имела явного смещения выборки ни по одному из этих направлений. Как представляется, в настоящий момент ближе всех к решению этой задачи подошла группа исследователей из Лаборатории по изучению идентичности и конфликтов Пенсильванского университета (The Penn Identity & Conflict Lab - PIC Lab) под руководством Николаса Самбаниса¹, которые в 2018 г. представили Self-Determination Movements (SDM) Dataset.

Движение за самоопределение понимается в SDM не только как стремление к созданию отдельного государства, или ирредентизм, но и как требование более широкой автономии (расширение полномочий по сбору и расходованию налогов, в сфере поддержания правопорядка, в отношении культурной, языковой политики, земельных отношений и т.д. – все, что подразумевает существенное переопределение институционального устройства государства). Вместе с тем SDM – не просто разделяемые людьми сепаратистские чувства (sentiment), а наличие у группы политической организации, которая занимается мобилизацией в поддержку выдвигаемых требований (Sambanis et al., 2018: 658–659)². Такая концептуализация позволяет исследователям в значительной степени расширить круг движений за самоопределение. Хотя при формировании списка SDM Dataset использует MAR и Peace and Conflict Reports, дополнительно привлекаются самые разные источники (энциклопедии, Keesing's Record of World Events, Lexis-Nexis и т.д.). В результате количество движений в SDM Dataset почти в четыре раза больше, чем в MAR – 464 в 120 странах. С учетом сложностей в идентификации это, может быть, и не всеохватывающий список³, но смещение выборки в нем явно не такое очевидное.

¹ Penn Identity & Conflict Lab. URL: <https://web.sas.upenn.edu/pic-lab/about/> (дата обращения: 04.06.2023).

² Все движения за самоопределение в SDM Dataset привязаны к группе, которая выдвигает соответствующие требования, причем подчеркивается, что речь идет именно об этнических группах. Однако «этническая группа» понимается так широко, что включает и такие территориальные сообщества, которые обычно не интерпретируются в этнических категориях, например западные австралийцы (штат Западная Австралия), техасцы и вермонтцы в США и т.д.

³ Например, в SDM отсутствуют такие движения за самоопределение, как албанское меньшинство в Сербии (Прешевская долина), хмары в Индии, азербайджанцы в Грузии и т.д.

Данные в SDM Dataset охватывают период с 1945 по 2012 г. и представлены в панельном формате (единица наблюдения – SDM-год). Они содержат разнообразные характеристики группы, от имени которой выдвигаются требования (Claims), а также характеристики конфликта. Самбанис и его коллеги выделяют две категории «насильственных конфликтов»: с низкой и высокой интенсивностью. Первая соответствует «вооруженным конфликтам» в ACD – 25 погибших в год, а вторая основывается на понятии «гражданская война», которое Самбанис концептуализировал в своих ранних работах, обосновав 11 критериев, в том числе не менее 500 погибших в первый год конфликта или не менее 1000 в первые три года конфликта (Sambanis, 2004). Однако при кодировке движений учитываются не только насильственные конфликты, но и наличие активного SDM как такового, что позволяет наряду с насильственными конфликтами выделять периоды ненасильственных действий¹, а поскольку «активность» движений может быть вполне конвенциональной, это в три раза увеличивает количество движений за самоопределение в SDM Dataset в сопоставлении с количеством политико-территориальных конфликтов в CONIAS / Conflict Barometer (Germann & Sambanis, 2021: 187). Как уже отмечалось выше, Самбанис и его коллеги критикуют CONIAS / Conflict Barometer именно за ограниченную трактовку конфликтов как исключительно экстраинституциональных взаимодействий.

Наконец, SDM Dataset содержит несколько переменных, характеризующих реакцию государства на требования, которые выдвигают движения за самоопределение, кодируя наиболее важные реформы, направленные как на ограничение прав группы на самоуправление (restrictions), так и на уступки ее требованиям (concessions). Вслед за Уолтер и Каннигем Самбанис и его коллеги учитывают не только территориальные реформы (хотя по этому поводу в датасете есть отдельная переменная), но и нетерриториальные, связанные в первую очередь с правами в культурной сфере (язык, религия, образование), так что и в плане кодировки политики государства по управлению политико-территориальной гетерогенностью SDM Dataset позволяет избегать явного смещения оценок.

В целом SDM Dataset представляется наиболее успешной попыткой интеграции информации по рассматриваемым направлениям². Помимо датасета как такового, в качестве приложения к нему опубликованы комментарии по каждому случаю, где кратко описываются основания для соответствующих кодировок. Тем не менее и этот проект имеет существенные ограничения. Прежде всего – хронологические: в отличие от таких проектов, как Conflict Barometer, ACD, EPR, SDM Dataset пока не имеет регулярных обновлений, и кодировка заканчивается 2012 г. Кроме того, такие ключевые переменные, как характеристика требований, которые выдвигают движения за самоопределение, и реакция государства на них, закодированы только для сделанной рандомно выборки (Random Sample Data), которая включает всего 91 из 464 движений.

Таким образом, проблема дефицита систематизированной информации по поводу политики государства, а именно по институциональным реформам, направленным на управление политико-территориальной гетерогенностью, остается, и вряд ли она может быть решена легко и быстро, однако в качестве паллиатива представляется возможным использовать базы данных по смежным темам. В этом плане представляется возможным выделить три перспективных направления.

Во-первых, базы данных по территориальному самоуправлению и властным полномочиям на субнациональном уровне. Наиболее авторитетным проектом в этой области является Regional Authority Index (RAI). Инициированный в середине 2000-х гг. Лисбет Хуг и Гарри Марксом, этот проект реализуется большой группой исследователей из разных институций и ставит целью систематизировать информацию по широкому кругу вопросов, касающихся как институциональной автономии (self-rule) субнациональных административно-территориальных единиц (АТЕ), так и институциональных возможностей их включения в политические процессы на национальном уровне (shared-rule)

¹ Поскольку выборка в SDM базируется не на «конфликтах», а на «движениях», авторы датасета не дают операционального определения «конфликта» и чаще используют термины «nonviolent claims», «nonviolent activity», «nonviolent mobilization», чем «nonviolent conflicts», но в контексте они выглядят как синонимы, и можно предположить, что наличие активного движения за самоопределение уже интерпретируется как конфликт.

² Как представляется, совсем не случайно на него быстро обратил внимание коллектив Цедермана. В одной из последних работ, исследуя влияние изменения государственных границ на этнополитические конфликты, они попытались интегрировать данные по требованиям этнических групп из SDM Dataset в EPR (Cederman et al., 2022). С другой стороны, Герман и Самбанис, исследуя факторы возникновения и эскалации конфликтов, интегрировали из EPR в SDM Dataset переменные о доступе этнических групп к власти и потере автономного статуса (Germann & Sambanis, 2021).

(Hooghe et al., 2016). В 2021 г. была опубликована третья по счету версия RAI, где количество стран, охваченных кодировкой, достигло 96¹. Данные представлены в формате «АТЕ-год» за период с 1950 по 2018 г. Кроме того, по каждой стране опубликован текстовый профиль, в котором содержится обзор истории территориальных реформ, пояснения по кодировке и источники информации.

Стремясь углубить RAI, другая интернациональная группа исследователей под руководством Паоло Дарданелли (Университет Кента) разработала De / Centralisation Dataset (DcD), где предложена значительно более детальная и нюансированная кодировка динамики полномочий субнациональных органов власти за период с 1790 по 2010 г. в каждом из 22 основных секторов политики отдельно (Dardanelli et al., 2019). Выборка стран в проекте, правда, пока ограничена, изначально он охватывал всего шесть стран, но по мере привлечения новых специалистов его география расширяется². В несколько ином направлении идеи, положенные в основу RAI, развивают Кристоф Тринн и Феликт Шульте (Гельдербергский университет). Они предлагают оригинальную концептуализацию, выделяя восемь типов территориального самоуправления и тем самым добавляя качественные характеристики к количественной кодировке RAI (Trinn & Schulte, 2022). Созданный в результате Territorial Self-Governance Dataset (TERRGO) содержит более 39 тысяч единиц наблюдения, данные представлены в формате «регион-год» (2900 регионов в 96 странах за период с 2000 по 2018 г.)³.

Во-вторых, базы данных по power-sharing – модели организации власти, которая гарантирует участие отдельных сегментов общества через специальные институциональные установления. В широком понимании power-sharing касается не только организации власти на центральном уровне (квотирование, «большая коалиция» и т.п.), но и многоуровневой политики (территориальная автономия). В ряде работ эти два измерения концептуализируются, соответственно, «inclusive and dispersive power-sharing institutions». Кроме того, нередко выделяется третье измерение – «constraining power-sharing», под которым понимаются специальные институциональные гарантии / преференции, призванные защитить группу от дискриминации в самых разных сферах общественной жизни: военной (например, гарантии представительства группы в армии), экономической (преференции в использовании земель и т.п.), социокультурной (преференции, связанные с защитой от дискриминации в языке, религии и т.д.). Следует отметить, что в последние пару десятилетий наблюдается бум исследований по разным аспектам power-sharing (Farag et al., 2022), значительная часть из них представляет количественные исследования, и это явно стимулировало создание баз данных по этой тематике.

Среди наиболее значительных проектов можно назвать Inclusion, Dispersion and Constraints Dataset (Кааре Стрем, Университет Калифорнии – Сан Диего). На основе разнообразных источников в датасете закодированы различные характеристики трех измерений power-sharing в 180 странах за период с 1975 по 2010 г. Данные представлены в панельном формате, что позволяет отследить динамику институциональных реформ⁴ (Strøm et al., 2017). В 2021 г. подготовлена обновленная версия датасета, где хронологические рамки расширены до 2019 г. В другом проекте, Constitutional Power-Sharing Dataset (CPSD), который разработал Андреас Юон (Университетский колледж в Лондоне), как и в предыдущем, речь идет о законодательно (формально) закрепленных установлениях power-sharing, однако единицей наблюдения являются не страны, а этнические группы EPR, то есть впервые именно для каждой группы отдельно закодированы различные параметры «горизонтального», как его обозначает автор, power-sharing: большая коалиция, квоты в парламентском представительстве, право вето, всего для кодировки использовано 99 индикаторов (Juon, 2020). Датасет представлен в панельном формате, охватывает 987 этнических групп в 174 странах⁵.

В-третьих, базы данных по содержанию соглашений, которые заключаются между правительством и движением за самоопределение в результате разрешения конфликтов. Как правило, это бывает в случае вооруженных конфликтов, и это существенное ограничение с точки зрения охвата систе-

¹ Regional Authority. URL: <https://garymarks.web.unc.edu/data/regional-authority-2/> (дата обращения: 04.06.2023).

² De / Centralisation Dataset 1790–2010. URL: <https://reshare.ukdataservice.ac.uk/853510/> (дата обращения: 04.06.2023).

³ Territorial Self-Governance Dataset. URL: <https://territorial-governance.com/> (дата обращения: 04.06.2023).

⁴ Replication data for: Inclusion, Dispersion, and Constraint: Powersharing in the World's States, 1975–2010. URL: <https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/29421>. (дата обращения: 04.06.2023).

⁵ Constitutional Power-Sharing Dataset. URL: <https://dataverse.harvard.edu/dataset.xhtml?persistentId=doi:10.7910/DVN/9FYN8J> (дата обращения: 04.06.2023).

матризированной информации по политике государства в отношении политико-территориальной гетерогенности. Тем не менее они могут быть полезны. Среди наиболее значимых следует отметить в первую очередь UCDP Peace Agreement Dataset (Pettersson et. al., 2019). Как и основная база ACD, этот датасет регулярно обновляется и содержит закодированную информацию по более 30 параметрам, наиболее типичным для мирных соглашений между правительством и повстанцами. Последняя версия охватывает мирные соглашения, заключенные в результате конфликтов, которые были активны в 1975–2021 гг. (374 единицы наблюдения).

Peace Agreements Database (PA-X), созданный исследователями Эдинбургского университета, содержит еще больше соглашений (1518), поскольку включает не только «итоговые», а все соглашения, которые заключались на разных стадиях 146 конфликтов за период с 1990 по 2016 г. (Bell & Vandanjak, 2019). Как и UCDP Peace Agreement Dataset, PA-X берет за основу вооруженные конфликты (по критерию ACD), но соглашения в датасете закодированы значительно более подробно – по 225 параметрам, кроме того, собрана коллекция всех текстов соглашений¹.

В 2020 г. группой исследователей Бирмингемского университета был опубликован Dataset of Political Agreements in Internal Conflicts (PAIC), который охватывает 286 мирных соглашений (за период с 1989 по 2016 г.), нацеленных на разрешение внутрисубъективных конфликтов через осуществление институциональных реформ (Fontana et al., 2021). Эмпирическая основа проекта – соглашения, опубликованные в текстовой базе ООН (UN Peacemaker Peace Agreements). Они закодированы по 91 индикатору в пяти измерениях: power sharing, переходная юстиция (transitional justice), политико-культурная проблематика, территориальное самоуправление и международная поддержка. Кроме того, в отличие от предыдущих датасетов здесь учитываются не только институциональные параметры, но и механизмы их реализации².

Наконец, в GIGA (German Institute of Global and Area Studies), одном из ведущих мировых центров исследования конфликтов, Мартин Оттман и Йоханнес Фюллерс создали Power-Sharing Event Dataset (PSED). В отличие от других баз данных по power-sharing он фокусируется только на институциональных реформах, проведенных с целью разрешить политические конфликты (Ottmann & Vüllers, 2014). Перечень конфликтов взят из ACD, так что PSED ограничен только вооруженными конфликтами, и единицей наблюдения является диада «правительство – повстанцы». Соглашения кодируются по четырем измерениям power-sharing: политическое, военное, экономическое и территориальное. Датасет охватывает период с 1989 по 2006 г. и представлен в «формате событий» (event data format): наблюдение ведется в течение пяти лет после заключения соглашения, так что сильной стороной этого датасета является то, что отслеживается фактическое исполнение power-sharing³.

В целом эти и многие другие датасеты содержат значительный массив информации об институциональных решениях, связанных с управлением политико-территориальной гетерогенностью, и могут быть использованы для интеграции с базами данных о политико-территориальных конфликтах и движениях за самоопределение. Ключевая проблема на этом пути видится в том, что разные датасеты основываются на различных единицах наблюдения: конфликты, этнические группы, страны, отдельные АТЕ, соглашения. Более того, даже при одинаковых единицах наблюдения используются разные критерии для их включения в датасет. В некоторых датасетах присутствует смещение выборки, которое также затрудняет интеграцию данных.

Финансовая поддержка

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00530, <https://rscf.ru/project/23-18-00530/> (проект «Почему заимствуют неэффективные институты? Управление политико-территориальной гетерогенностью и обеспечение территориальной целостности государства») в Пермском федеральном исследовательском центре УрО РАН.

¹ Peace Agreements Database. URL: <https://www.peaceagreements.org/> (дата обращения: 04.06.2023).

² Political Agreements in Internal Conflicts (PAIC). URL: <https://edata.bham.ac.uk/581/> (дата обращения: 04.06.2023).

³ Power-Sharing Event Dataset (PSED). https://search.gesis.org/research_data/SDN-10.7802-69?doi=10.7802/69 (дата обращения: 04.06.2023).

Список литературы / References

- Вебер, М. (2017) *Хозяйство и общество: Очерки понимающей социологии: Т. II. Общности*. Москва: Изд-во ВШЭ. [Weber, M. (2017) *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology: Vol. II. Communities* [Hozhajstvo i obshchestvo: Ocherki ponimayushchej sociologii: T. II. Obshchnosti]. Moscow: HSE Press. (In Russ.)].
- Bartusevič, H., Gleditsch, K. (2019) 'A Two-Stage Approach to Civil Conflict', *International Organization*, 73 (1), pp. 225–248.
- Bell, C., Badanjak, S. (2019) 'Introducing PA-X: A new peace agreement database and dataset', *Journal of Peace Research*, 56 (3), pp. 452–466.
- Birmir, J., Wilkenfeld, J., Fearon, J., Laitin, D., Gurr, T., Brancati, D., Saideman, S., Pate, A., Hultquist, A. (2015) 'Socially relevant ethnic groups, ethnic structure and AMAR', *Journal of Peace Research*, 52 (1), pp. 110–115.
- Cederman, L.-E., Rüegger, S., Schvitz, G. (2022) 'Redemption through Rebellion: Border Change, Lost Unity, and Nationalist Conflict', *American Journal of Political Science*, 66 (1), pp. 24–42.
- Cederman, L.-E., Wimmer, A., Min, B. (2010) 'Why Do Ethnic Groups Rebel? New Data and Analysis', *World Politics*, 62 (1), pp. 87–119.
- Conflict Barometer* (2021) Heidelberg Institute for International Conflict Research.
- Cunningham, K. G. (2014) *Inside the Politics of Self-Determination*. Oxford: Oxford University Press.
- Dardanelli, P., Kincaid, J., Fenna, A., Kaiser, A., Lecours, A., Singh, A. K. (2019) 'Conceptualizing, Measuring, and Theorizing Dynamic De/Centralization in Federations', *Publius: The Journal of Federalism*, 49 (1), pp. 1–29.
- Farag, M., Jung, H. R., Montini, I., Bourdeau de Fontenay, J., Ladhar, S. (2022) 'What Do We Know about Power Sharing after 50 years?', *Government and Opposition*, Published online 2 August 2022.
- Fontana, G., Kartsonaki, A., Neudorfer, N., Walsh, D., Wolff, S., Yakinthou, C. (2021) 'The dataset of Political Agreements in Internal Conflicts (PAIC)', *Conflict Management and Peace Science*, 38 (3), pp. 338–364.
- Germann, M., Sambanis, N. (2021) 'Political Exclusion, Lost Autonomy, and Escalating Conflict over Self-Determination', *International Organization*, 75 (1), pp. 178–203.
- Gleditsch, K., Metternich, N., Ruggeri, A. (2014) 'Data and progress in peace and conflict research', *Journal of Peace Research*, 51 (2), pp. 301–314.
- Gleditsch, N., Wallensteen, P., Eriksson, M., Sollenberg, M., Strand, H. (2002) 'Armed Conflict 1946–2001: A New Dataset', *Journal of Peace Research*, 39 (5), pp. 615–637.
- Gurr, T. (1993) *Minorities at Risk. A Global View of Ethnopolitical Conflict*. Washington, DC: US Inst. Peace.
- Hooghe, L., Marks, G., Schakel, A., Osterkat, S., Niedzwiecki, S., Shair-Rosenfield, S. (2016) *Measuring Regional Authority*. Oxford: Oxford University Press.
- Hug, S. (2013) 'The Use and Misuse of the "Minorities at Risk" Project', *Annual Review of Political Science*, 16, pp. 191–208.
- Juon, A. (2020) 'Minorities overlooked: Group-based power-sharing and the exclusion-amid-inclusion dilemma', *International Political Science Review*, 41 (1), pp. 89–107.
- Ottmann, M., Vüllers, J. (2014) 'The Power-Sharing Event Dataset (PSED): A new dataset on the promises and practices of power-sharing in post-conflict countries', *Conflict Management and Peace Science*, 32 (3), pp. 327–350.
- Pettersson, T., Höglbladh, S., Öberg, M. (2019) 'Organized violence, 1989–2018 and peace agreements', *Journal of Peace Research*, 56 (4), pp. 589–603.
- Sambanis, N. (2004) 'What Is Civil War? Conceptual and Empirical Complexities of an Operational Definition', *Journal of Conflict Resolution*, 48 (6), pp. 814–858.
- Sambanis, N., Germann, M., Schädel, A. (2018) 'SDM: A New Data Set on Self-Determination Movements with an Application to the Reputational Theory of Conflict', *Journal of Conflict Resolution*, 62 (3), pp. 656–686.
- Sarkees, M., Wayman, F. (2010) *Resort to War: 1816-2007*. Washington DC: CQ Press.
- Strøm, K., Gates, S., Graham, B., Strand, H. (2017) 'Inclusion, Dispersion, and Constraint: Powersharing in the World's States, 1975–2010', *British Journal of Political Science*, 47 (1), pp. 165–185.
- Trinn, C., Schulte, F. (2022) 'Untangling territorial self-governance – new typology and data', *Regional & Federal Studies*, 32 (1), pp. 1–25.
- Vogt, M., Bormann, N.-C., Rüegger, S., Cederman, L.-E., Hunziker, P., Girardin, L. (2015) 'Integrating Data on Ethnicity, Geography, and Conflict: The Ethnic Power Relations Data Set Family', *Journal of Conflict Resolution*, 59 (7), pp. 1327–1342.
- Walter, B. (2009) *Reputation and Civil War: Why Separatist Conflicts Are So Violent*. Cambridge: Cambridge University Press.

Статья поступила в редакцию: 25.05.2023

Статья принята к печати: 15.06.2023

POLITICAL-TERRITORIAL HETEROGENEITY, CONFLICTS, AND INSTITUTIONAL SOLUTIONS: THE STATE AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF DATABASES FOR QUANTITATIVE RESEARCH

P. V. Panov

P. V. Panov, Dr. Sci. (Political Science),

Perm Federal Research Center, Ural Branch, RAS, Russia.

E-mail: panov.petr@gmail.com (ORCID: 0000-0002-0759-7618. ResearcherID: O-2160-2016).

Abstract

Sociocultural, economic, geographical and other heterogeneity of states in a cross-territorial sense is often politicized and results in the rise of self-determination movements and political-territorial conflicts. In search of an answer to the question of which ways of managing political-territorial diversity are more effective, quantitative large-N comparative studies are being conducted by many scholars. These studies require the systematization and integration of large amounts of information on various aspects of the problem: the characteristics of conflicts, movements for self-determination, state policies on conflict management. This ambitious task is not yet fully solved, and the paper presents an overview of several databases that can become the basis for such integration, showing their strengths and limitations, opportunities and difficulties of integration. The main problem with this approach is likely to be that different data sets are based on different units of observation: conflicts, ethnic groups, countries, separate regions, etc. Moreover, even with the same units of observation, dissimilar criteria are used to include them in the dataset. In some datasets, there is a selection bias, which also impedes data integration.

Keywords: datasets; territorial heterogeneity; politicization; conflicts; self-determination movements; institutional reforms.

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-18-00530, <https://rscf.ru/project/23-18-00530/> (project "Why do inefficient institutions borrow? Management of political and territorial heterogeneity and ensuring territorial integrity State") at the Perm Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.

К сведению авторов

«Вестник Пермского университета. Политология» – периодическое издание, в котором публикуются результаты исследований по следующим отраслям политической науки (научным специальностям):

23.00.01. Теория и философия политики, история и методология политической науки.

23.00.02. Политические институты, процессы и технологии.

23.00.05. Политическая регионалистика. Этнополитика.

Журнал выходит 4 раза в год.

Журнал входит в список ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

После выхода из печати полнотекстовые версии номеров размещаются на интернет-сайте журнала и на интернет-сайте Научной электронной библиотеки (elibrary.ru).

Обращаем внимание, что, посылая статью для публикации в журнале «Вестник Пермского университета. Политология», автор тем самым дает согласие на ее размещение в открытом доступе на интернет-сайте журнала (в случае принятия к публикации).

Принимаются рукописи научных статей, рецензий или обзоров, не опубликованные ранее. В случае, если автор решает направить свою рукопись на рассмотрение в другой журнал, он обязан уведомить редакцию «Вестника Пермского университета. Политология» о ее отзыве.

Принимаются к рассмотрению рукописи на русском и английском языках.

Следование настоящим инструкциям обязательно и гарантирует то, что рукопись вашей статьи будет принята редакцией к рассмотрению.

Рукопись должна включать:

- 1) название работы;
- 2) благодарности и/или упоминание организации, при финансовой поддержке которой выполнено исследование, представленное в статье (при необходимости);
- 3) аннотацию (для обзора и научной статьи);
- 4) ключевые слова;
- 5) основной текст, включая (при необходимости) таблицы, графики, иллюстрации;
- 6) приложения (при необходимости);
- 7) библиографический список, включающий статьи и монографии, цитируемые в работе.

Аннотация представляет собой краткий текст, который раскрывает цель и задачи работы, логику построения исследования, его структуру и основные выводы. Аннотация должна быть информативной, давать адекватное представление о проведенном исследовании без необходимости обращения к статье.

Название статьи, аннотация, ключевые слова должны быть на русском и английском языках.

Отдельным файлом должна быть представлена информация об авторе (ах):

- место работы / учебы, должность,
- ученая степень, звание (при наличии),
- адрес электронной почты,
- авторские ORCID и ResearcherID.

В случае, если авторов несколько, то дополнительно указывается контактное лицо и адрес его электронной почты.

Информация об авторе (ах) предоставляется на русском и английском языках.

Объем рукописи

Объем рукописи статьи, обзора – до 40 000 знаков (включая ссылки, подписи к таблицам, графикам и иллюстрациям, библиографический список).

Объем рукописи рецензии до 20 000 знаков.

Объем аннотации – 150–250 слов.

Количество ключевых слов – 7–10.

Требования к оформлению рукописи

Текст оформляется в формате MS Word через 1 интервал, шрифт Times New Roman, размер 14; поля: правое 2 см, левое 2 см, сверху и снизу по 2 см. Выравнивание текста по ширине, отступ первой строки – 1,25. Нумерация по центру страницы.

Иллюстративный материал (при наличии) должен быть высокого качества (600 dpi для оттенков серого и 300 точек на дюйм для цвета, в правильном размере). В случае, если в качестве иллюстраций к тексту используются фотографии, репродукции и иные визуальные материалы, принадлежащие третьим лицам и / или размещенные на открытых публичных ресурсах, то они должны сопровождаться ссылкой на источник и/или иметь необходимое разрешение правообладателя на их повторное использование.

Информация в виде таблиц, диаграмм, гистограмм должна представлять собой новую информацию, а не дублировать содержание текста. Таблицы, диаграммы, гистограммы должны быть доступны для редактирования и представлены отдельным файлом.

Если рукопись содержит уравнения, убедитесь, что они также доступны для редактирования.

Оформление ссылок в тексте рукописи на источники (нормативно-правовые акты, статистические данные, архивные материалы, интервью, мемуары и др.) постраничное (внизу страницы) продолжающейся нумерацией в соответствии с требованиями стиля Гарвард.

Ссылки на цитируемую (упоминаемую) академическую литературу оформляются в скобках, где указываются автор, год, страница(ы):

(Иванов, 2005) / (Иванов, 2005: 7)

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Иванов и Симонов, 1999) / (Иванов и Симонов, 1999: 46)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)

Если у цитируемой работы авторов больше двух, то указать первого и ставить – и др. (et al.):

(Иванов и др., 1998) / (Иванов и др., 1998: 99)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)

В случае, если цитируются две и более работы одного автора, изданные в один год, то при оформлении применяются следующие правила:

(Иванов, 2005a)

(Иванов, 2005b)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

Если в тексте есть упоминание идей, положений, суждений сразу нескольких авторов и нескольких работ, следует оформлять следующим образом:

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

В случае, если в библиографической ссылке отсутствует автор(ы) (коллективная монография, сборник, документ и т. п.), следует указывать либо название работы, либо фамилию редактора(ов). При этом, если название цитируемой работы состоит из одного-двух слов, то оно указывается полностью, если длинное, то следует дать первые одно-два слова, а далее поставить многоточие, затем знак запятой и год издания.

(Wales Act, 1998)

(ФЗ № 23-45, 2000)

(Было слово..., 2000)

При цитировании изданий одного автора, но относящихся к разным годам, следует указывать фамилию автора и годы через точку с запятой:

(Mitchell, 2010; 2017)

При цитировании источника без даты:

(Smith, no date: 15).

(Кузнецов, б.д.: 16)

При непрямом цитировании:

(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы

В конце статьи формируется *Библиографический список / References*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Вначале указываются источники на русском языке, затем – на иностранных.

Библиографический список должен сопровождаться транслитерацией и переводом русскоязычных источников на английский язык. Для автоматической транслитерации в латиницу рекомендуется обращаться на сайт <http://translit.net> (стандарт транслитерации – BSI).

В случае, если у цитируемой статьи или книги есть присвоенный DOI, следует его указывать.

Библиографическое описание цитируемых источников и литературы оформляется в соответствии с требованиями стиля Гарвард¹.

Книга, монография:

Mitchell, J. A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Тошович, Б. (2011) *Корреляционная грамматика сербского, хорватского и бошняцкого языков*. (Том 1). Москва: Языки славянской культуры. [Toshovich, B. (2011) *Correlative Grammar of Serbian, Croatian and Bosnian* [Korreljatsionnaya grammatika serbskogo, khorvatskogo i boshnyatskogo yazykov] Vol.1, Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.)].

Stone, S. J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher.

В: Панов, П. В. (ред.) (2017) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия. [Panov, P. V. (eds.) (2017) *Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights* [Balansiruyaya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya. (In Russ.)].

Глава в книге, монографии:

Gray J. N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N. T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

Минаева, Э. Ю., Панов, П. В. (2017) 'Конструирование границ и сегментация политического пространства как фактор взаимодействий вокруг этнических региональных автономий' в: Панов, П. В. (ред.) *Балансируя притязания: этнические региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств*. Москва: Политическая энциклопедия, сс. 110–137. [Minaeva, E. Yu., Panov, P. V. (2017) 'The segmentation of political space as a factor for interaction over ethnic regional autonomies' [Konstruirovaniye granicz i segmentaciya politicheskogo prostranstva kak faktor vzaimodejstvij vokrug e'tnicheskix regional'nyx avtonomij] in: Panov, P.V. (eds.) '*Balancing claims: ethnic regional autonomies, state territorial integrity and ethnic minorities rights*' [Balansiruyaya prityazaniya: etnicheskie regional'nye avtonomii, celostnost' gosudarstva i prava etnicheskix men'shinstv]. Moscow: Politicheskaya enciklopediya, pp. 110–137. (In Russ.)].

Книги с анонимными или неизвестными авторами:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

Большая советская энциклопедия (1978), Т.30. Москва: Советская энциклопедия. [Great Soviet Encyclopedia [Bol'shaya sovetskaya encyclopediya] (1978), Vol. 30. Moscow].

Монография (электронное издание или книга online):

Stoker, L. A., Falker, J. and Hatcher, K. P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: URL: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10.09.2016).

В случае цитирования переводной книги написание фамилий давать в оригинальном, а не в транслитерированном варианте:

Боуэн, У. Г. (2018) *Высшее образование в цифровую эпоху*. Москва: Издательский дом Высшей Школы экономики [электронное издание]. URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (дата обращения: 12.08.2018). [Bowen, W. G.

¹ *Harvard Format Citation Guide*. [Online]. Available at: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide> (Accessed: 12 August 2018)

(2018) 'Higher Education in the Digital Age' [*Vysshee obrazovanie v cifrovuyu epoxu*] Moskva: Izdatel'skij dom Vysshej Shkoly ekonomiki.] [online]. Available at: URL: https://id.hse.ru/data/2018/03/13/1165583768/Bowen_%D1%81%D0%B0%D0%B9%D1%82.pdf (Accessed: 12.08.2018)].

Статья в периодическом издании (журнале, газете):

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296.

Mitchell, J. A. 'How citation changed the research world', *The Mendeley*, 62(9) [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 15 November 2016)

Германова, Н. Н. (2009) 'Искусственные языки воображаемых сообществ: проблема национальных языков в западной лингвистике', *Вестник МГЛУ*, 557, сс. 24–41. [Germanova, N. N. (2009) 'Artificial Languages of Imagined communities: the Problem of National languages in Western Linguistics' [*Iskusstvennye yazyki voobrazhaemykh soobshchestv: problema natsional'nykh yazykov v zapadnoi lingvistike*], *Vestnik MGLU*, 557, pp. 24–41. (In Russ.)].

Если русскоязычный журнал/газета имеет официальное название на латинице, то следует приводить это название, а не транслитерацию.

Описание диссертации, проектов, студенческих эссе:

Leckenby, R. J. (2005) *Dynamic characterisation and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

Энгельгардт, Г. (2005) *Республика Сербская в Боснии и Герцеговине. Возникновение и эволюция (1990–2006 гг.)*: дис. ... докт. ист. наук. Москва. [Engel'gardt, G. (2005) 'Republic Serbska in Bosnia and Hercegovina. Genesis and evolution (1990–2006 gg.)' [*Respublika Serbskaya v Bosnii i Gercegovine. Vozniknovenie i evolyuciya*]. Dr. Diss. (Hist.). Moscow. (In Russ.)].

**Более подробные инструкции для библиографического описания источников и литературы см.:
URL: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>**

Information for the authors

Thank you for choosing to submit your paper to us. Our journal accepts previously not published articles and reviews. The journal publishes manuscripts in both English and Russian.

The instructions will ensure we have everything required so your paper can move through peer review.

Manuscripts should be compiled in the following order:

- 1) Title;
- 2) Acknowledgements as well as Funding and grant-awarding body (where appropriate);
- 3) Abstract (for article);
- 4) Key words;
- 5) Main text, including tables, graphs and illustrations;
- 6) Appendix (where appropriate); bibliographic list (references), including cited articles and books.

Abstract is a short text that shows the aims, logic, claims and results of the research. The abstract should be informative and give an adequate idea of the research.

The title, abstract, key words are set to be in both English and Russian.

Author(s) details should be submitted as a single file in both English and Russian:

- place of employment / study, position,
- academic degree (if applicable),
- e-mail,
- ORCID & ResearcherID.

In the case there are several authors, please, indicate the contact person and his / her e-mail.

Wordage

Please keep in attention a typographical unit count for your paper. A typical article for the journal should be no more than 40000 typographical units; this limit includes tables, references, figure captions, footnotes, endnotes, and an abstract of 150–200 words.

The wordage of review is about 20000 typographical units.

7–10 keywords.

Formatting and templates

MS Word, single space, TNR 14.

Margins: right 2 cm, left 2 cm, top and down – 2 cm.

Text alignment in breadthwise. Indenture – 1,25.

Please submit illustrations of high quality (600 dpi for shades of gray and 300 dots per inch for color, in the correct size).

If you use photos, images and other visual materials that are property of other persons, please provide the necessary permission of the right holder to reuse them.

Tables and graphs should be available for editing and presented as a separate file. If the manuscript contains equations, make sure that they are also editable.

Quoting sources (acts, statistical data, archival materials, interviews, memoirs, etc.) are paginated (at the bottom of the page) and continued numbering by the requirements of Harvard Style

Cited articles and books in-text:

(Smith, 2006: 6) / (Smith, 2006)

(Kaler & McComb, 2003) / (Kaler & McComb, 2003: 99–100)

(Kaler et al., 2005) / (Kaler et al., 2005: 88–89)

(Smith, 2006a)

(Smith, 2006b)

(Иванов, 2005; Smith, 2006; Kaler & McComb, 2003).

(Mitchell, 2010; 2017)

(Smith, no date: 15)
(Wallet, 2012, cited in Smith, 2016: 89)

Format bibliographic list (references) in Harvard Style.

If it is applicable, please indicate DOI of cited articles and books.

Book:

Mitchell, J.A. and Thomson, M. (2017) *A guide to citation*. 3rd edn. London: London Publishings.

Stone, S.J. (eds.) (2016) *Digital world*. New York: My Publisher

A chapter in edited book:

Gray J.N. (2015) 'Soft power' in Kaler, N.T. (ed.) *Contemporary diplomacy*. London: Baker Publishers, pp. 55–78.

No author:

The University Encyclopedia (1985). Roydon: London, UK.

On-line book:

Stoker, L.A., Falker, J. and Hatcher, K.P. (2016) *Grey. E-book library* [online]. Available at: <https://www.mendeley.com/reference-management/reference-manager> (Accessed: 10 September 2016)

Article:

Lado, B. (2011) 'Linguistic landscape as a reflection of the linguistic and ideological conflict in the Valencian Community', *International Journal of Multilingualism*, 8(2), pp. 135–150, DOI: 10.1080/14790718.2010.550296

Hunter, F.A. 'How political order changed?', *The Journal*, 34(8) [online]. Available at: <https://www.thejournal.com> (Accessed: 15 May 2018)

Unpublished thesis:

Leckenby, R.J. (2005) *Dynamic characterization and fluid flow modelling of fractured reservoirs*. PhD thesis. Imperial College London.

For instructions that are more detailed please see:

URL: <https://www.mendeley.com/guides/harvard-citation-guide>

Вестник Пермского университета.
Политология
2023. Том 17. № 3

Bulletin of Perm University.
Political Science
2023. Vol. 17. № 3

Научное издание

Редактор *Е. Б. Денисова*
Корректор *Е. Б. Денисова*
Компьютерная верстка *Н. М. Беляевой*

Подписано в печать 19.09.2023.
Выход в свет 25.09.2023.
Формат 60x84/8. Усл. печ. 11,86.
Тираж 500 экз. Заказ 113.

Адрес учредителя, издателя и редакции:
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Пермский государственный
национальный исследовательский университет
(Историко-политологический факультет)

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Управление издательской деятельности
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. 8(342)239-66-36
Отпечатано в типографии ПГНИУ. Тел. 8(342)239-65-47

Распространяется бесплатно и по подписке

Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте «Урал-пресс»
https://www.ural-press.ru/catalog/97266/8651105/?sphrase_id=396141.
Подписной индекс 41006